

ISSN 2077-5911

ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

2024

3(61)

Ψλ

Филологический факультет
МГУ имени М.В.Ломоносова

ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

3 (61) 2024
Москва

JOURNAL OF PSYCHOLINGUISTICS

3 (61) 2024
Moscow

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Уфимцева Наталья Владимировна, *главный редактор*, доктор филологических наук, профессор, Москва (Россия)

Красных Виктория Владимировна, *заместитель главного редактора*, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры общей теории словесности Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва (Россия)

Мягкова Елена Юрьевна, *заместитель главного редактора*, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедра теории языка, перевода и французской филологии Тверского государственного университета, Тверь (Россия)

Липгарт Андрей Александрович, доктор филологических наук, профессор, декан филологического факультета МГУ, Москва (Россия)

Терентий Ливиу Михайлович, кандидат политических наук, доктор филологических наук, ректор Московской международной академии, Москва (Россия)

Бубнова Ирина Александровна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков Национального исследовательского университета «МЭИ», Москва (Россия)

Дмитрюк Наталья Васильевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и литературы Южно-Казахстанского педагогического университета им. О. Жанибекова, Шымкент (Казахстан)

Ионова Светлана Валентиновна, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Института русского языка им. А.С. Пушкина, Москва (Россия)

Кирилина Алла Викторовна, доктор филологических наук, профессор, МО РФ, Москва (Россия)

Марковина Ирина Юрьевна, кандидат филологических наук, профессор, директор Института лингвистики и межкультурной коммуникации Первого Московского государственного медицинского университета им. И.М. Сеченова (Сеченовский университет), Москва (Россия)

Пильгун Мария Александровна, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Российский государственный социальный университет, Москва (Россия)

Харченко Елена Владимировна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка как иностранного Южно-Уральского государственного университета, Челябинск (Россия)

Шапошникова Ирина Владимировна, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора русского языка в Сибири ИФЛ СО РАН; профессор кафедры общего и русского языкознания ГИ Новосибирский государственный университет, Новосибирск (Россия)

Балясникова Ольга Вениаминовна, кандидат филологических наук, доцент Института лингвистики и межкультурной коммуникации Первого Московского государственного медицинского университета им. И.М. Сеченова (Сеченовский университет), Москва (Россия)

Дмитрюк Сергей Валерьевич, *ответственный секретарь*, кандидат филологических наук, редактор издательского отдела Московской международной академии, Москва (Россия)

Жукова Лариса Станиславовна, кандидат филологических наук, научный редактор издательского отдела Московской международной академии, Москва (Россия)

Митирева Любовь Николаевна, кандидат филологических наук, заведующая кафедрой иностранных языков Института языкознания РАН, Москва (Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ахиджакова Марьет Пшимафовна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой общего языкознания Адыгейского государственного университета, Майкоп (Россия)

Ахутина Татьяна Васильевна, доктор психологических наук, профессор, факультет психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва (Россия)

Бутакова Лариса Олеговна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск (Россия)

Гридина Татьяна Александровна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой общего языкознания и русского языка Уральского государственного педагогического университета, Екатеринбург (Россия)

Гриценко Елена Сергеевна, доктор филологических наук, профессор, руководитель департамента прикладной лингвистики и иностранных языков, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Нижний Новгород (Россия)

Гуц Елена Николаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка факультета филологии и медиакоммуникаций, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск (Россия)

Демьянков Валерий Закиевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом теоретического и прикладного языкознания, главный научный сотрудник Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Завьялова Виктория Львовна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток (Россия)

Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и русского языкознания ФГБОУ ВО Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, Москва (Россия)

Ли Тоан Тханг, доктор филологических наук, профессор, Ханой (Вьетнам)

Мамаева Татьяна Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, декан филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, Красноярск (Россия)

Мартин Ф. Линч, Ph.D., профессор Университета Рочестера, Рочестер (США)

Мельничук Ольга Алексеевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры французской филологии Института зарубежной филологии и регионоведения Северо-восточного федерального университета им М.К. Аммосова, Якутск (Россия)

Овчинникова Ирина Германовна, доктор филологических наук, профессор, Хайфа (Израиль)

Пешкова Наталья Петровна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, Уфа (Россия)

Поляков Федор Борисович, доктор, профессор, директор Института славистики Венского университета, Вена (Австрия)

Рудакова Александра Владимировна, доктор филологических наук, Воронежский государственный университет, Воронеж, (Россия)

Сергиева Наталья Станиславовна, доктор филологических наук, профессор кафедры менеджмента и маркетинга Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина, Сыктывкар (Россия)

Тарасов Евгений Федорович, доктор филологических наук, профессор, Москва (Россия)

Теркулов Вячеслав Исаевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Донецкого государственного университета, Донецк (Донецкая Народная Республика)

Хуан Тяньдэ, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник факультета русского языка Института европейских языков и культур Гуандунского университета иностранных языков и международной торговли, Гуанчжоу (Китай).

Цзюй Юньшэн, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник центра исследования русского языка, культуры и литературы Хэйлунцзянского университета, Харбин (Китай)

Чжао Цюе, доктор филологических и педагогических наук, профессор, директор Института славянских языков Харбинского педагогического университета, Харбин (Китай)

Чугунова Светлана Александровна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории английского языка и переводоведения ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского», Брянск (Россия)

EDITORIAL BOARD

Natalya V. Ufimtseva, *Chief editor*, Doctor of Philology, Professor, Moscow (Russia)

Victoria V. Krasnykh, *Deputy editor*, Doctor of Philology, Docent, Professor of Department of Discourse and Communication Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow (Russia)

Elena Yu. Myagkova, *Deputy editor*, Doctor of Philology, Professor, Professor of Department of Theory of Language, Translation and French Philology, Tver State University, Tver (Russia)

Andrey A. Lipgart, Doctor of Philology, Professor, Dean of Faculty of Philology, Moscow State University, Moscow (Russia)

Liviu M. Terentiy, Candidate of Political Science, Doctor of Philology, Rector of Moscow International Academy, Moscow (Russia)

Irina A. Bubnova, Doctor of Philology, Full Professor, Professor of Foreign Languages Chair; National Research University «Moscow Power Engineering Institute», Moscow (Russia)

Natalya V. Dmitryuk, Doctor of Philology, Professor, Professor of Department of the Russian Language and Literature, O. Zhanibekov South Kazakhstan Pedagogical University, Shymkent (Kazakhstan)

Svetlana V. Ionova, Doctor of Philology, Professor of Department of General and Russian Linguistics, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow (Russia)

Alla V. Kirilina, Doctor of Philology, Professor, Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow (Russia)

Irina Yu. Markovina, Candidate of Philology, Professor, Director of Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Sechenov University, Moscow (Russia)

Maria A. Pilgun, Doctor of Philology, Professor, Senior Researcher, Russian State Social University, Moscow (Russia)

Elena V. Kharchenko, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of the Russian Language as Foreign, South Ural State University, Chelyabinsk (Russia)

Irina V. Shaposhnikova, Doctor of Philology, Professor, Chief Researcher of Sector of the Russian Language, Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Professor at Chair of General and Russian Linguistics, Novosibirsk State University, Novosibirsk (Russia)

Olga V. Balyasnikova, Candidate of Philology, Assistant Professor, Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Sechenov University, Moscow (Russia)

Sergey V. Dmitryuk, *Executive secretary*, Candidate of Philology, Editor of Publishing Department of Moscow International Academy, Moscow (Russia)

Larisa S. Zhukova, Candidate of Philology, Scientific Editor of Publishing Department of Moscow International Academy, Moscow (Russia)

Lubov N. Mitireva, Candidate of Philology, Head of Foreign Languages Department, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

ACADEMIC ADVISORY BOARD

Mariet P. Akhidzhakova, Doctor of Psychology, Professor, Head of Department of General Linguistics, Adyghe State University, Maykop (Russia)

Tatyana V. Akhutina, Doctor of Psychology, Professor, Professor of Faculty of Psychology, Moscow State University, Moscow (Russia)

Larisa O. Butakova, Doctor of Philology, Professor, Head of The Russian Language Department, Dostoyevsky Omsk State University, Omsk (Russia)

Tatyana A. Gridina, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of General Philology and The Russian Language, Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, (Russia)

Elena S. Gritsenko, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Applied Linguistics and Foreign Languages, National Research University Higher School of Economics, Nizhny Novgorod (Russia)

Elena N. Gutz, Doctor of Philology, Professor of the Russian Language Department, Faculty of Philology and Media Communications, Dostoyevsky Omsk State University, Omsk (Russia)

Valery Z. Demyankov, Doctor of Philology, Leading Researcher, Professor, Head of General and Applied Linguistics Department, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Viktoria L. Zavyalova, Doctor of Philology, Docent, Professor of Department of Philology and Cross-cultural Communication, Far Eastern Federal University, Vladivostok (Russia)

Vladimir I. Karasik, Doctor of Philology, Professor, Professor at Chair of General and Russian Linguistics, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow (Russia)

Ly Toan Thang, Doctor of Philology, Professor, Hanoi (Vietnam)

Tatyana V. Mamaeva, Candidate of Philology, Docent, Dean of Philology Faculty, Astafyev Krasnoyarsk State Pedagogical, Krasnoyarsk (Russia)

Martin F. Lynch, Ph.D., Professor, University of Rochester, Rochester (USA)

Olga A. Melnichuk, Doctor of Philology, Professor, Professor of French Philology Department, Institute of Foreign Philology and Regional Studies, Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk (Russia)

Irina G. Ovchinnikova, Doctor of Philology, Professor, Haifa, (Israel)

Natalya P. Peshkova, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Foreign Languages for Science Faculties, Bashkir State University, Ufa, (Russia)

Fyodor B. Polyakov, Doct. Habil., Professor, Head of Department of East Slavic literature, Institute of Slavic Studies, University of Vienna, Vienna (Austria)

Alexandra V. Rudakova, Doctor of Philology, Voronezh State University, Voronezh, (Russia)

Natalya S. Sergiyeva, Doctor of Philology, Professor of Management and Marketing Department, Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar (Russia)

Evgeny F. Tarasov, Doctor of Philology, Moscow (Russia)

Vyacheslav I. Terkulov, Doctor of Philology, Professor, Head of The Russian Language Department, Donetsk National University, Donetsk, (Donetsk People's Republic)

Huang Tiande, Candidate of Philology, Leading researcher of The Russian Language Department, Institute of European Languages and Cultures, Guangdong University of Foreign Studies, Guangzhou (China)

Ju Yunsheng, Doctor of Philology, Leading Researcher at the Centre for the Study of the Russian Language, Culture and Literature of Heilongjiang University, Harbin (China)

Zhao Qiuye, Doctor of Philology and Pedagogy, Professor, Director of Institute of Slavic Languages, Harbin Normal University, Harbin (China)

Svetlana A. Chugunova, Doctor of Philology, Docent, Professor of Department of the English Language Theory and Translation Studies, Ivan Petrovsky Bryansk State University, Bryansk (Russia)

ПАМЯТИ А.А. ЗАЛЕВСКОЙ

Золотова Н.О. (<i>Тверь, Россия</i>)	
Памяти А.А. Залевской.....	8
Дашинимаева П.П. (<i>Улан Удэ, Россия</i>)	
Воспоминания об Александре Александровне Залевской.....	12

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Бубнова И.А. (<i>Москва, Россия</i>)	
Англификация повседневной жизни как инструмент построения общества потребления и элемент современной когнитивной войны.....	14
Зайцева Е.А., Новикова И.В. (<i>Тверь, Россия</i>), Гинзбург О.В. (<i>Москва, Россия</i>)	
Молодежный сленг: восприятие глагольных заимствований носителями языка.....	24
Масленникова Е.М. (<i>Тверь, Россия</i>)	
Смысловые замены и субъективная зависимость в двуязычной текстовой коммуникации.....	37
Навалихина А.И. (<i>Уфа, Россия</i>)	
Потенциальные риски полного перехода на онлайн-обучение. Психолингвистический анализ.....	44
Нестерова Н.М., Котельникова А.Н. (<i>Пермь, Россия</i>)	
О двух подходах к проблеме понимания текста: концепции А.А. Залевской и А.И. Новикова.....	59
Пищальникова В.А. (<i>Москва, Россия</i>)	
Этнопсихолингвистика почти 25 лет спустя, или научное предвидение Александры Залевской.....	70
Шапошникова И.В. (<i>Новосибирск, Россия</i>)	
К ассоциативной типологии в контексте изучения языка как достояния человека....	86
Хуан Тяньдэ, Чжао Ваньи, Чжэн Минмин, Лю Хэншуан (<i>Гуанчжоу, Китай</i>)	
Модели доступа к русской лексической семантике у носителей китайского языка, изучающих русский язык как третий.....	111

РЕЦЕНЗИИ

Гридина Т.А., Коновалова Н.И. (<i>Екатеринбург, Россия</i>)	
Слышать – это больше, чем понимать слова: Рецензия на книгу Норман Б.Ю. Грамматика слушающего. Москва: ФЛИНТА, 2024. 320 с.	123

IN MEMORIAM

Памяти Евгения Федоровича Тарасова.....	134

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

О создании координирующего органа кафедр общего языкознания университетов России.....	140
Приглашение на конференцию «Стернинские чтения: Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка»	144
IX Международный научный семинар «Лингвистическое регионоведение».....	146

ИНФОРМАЦИЯ

Правила оформления и предоставления рукописи в журнал.....	148

IN MEMORY OF ALEXANDRA A. ZALEVSKAYA

Zolotova N.O. (<i>Tver, Russia</i>)	
In Memory of Alexandra Alexandrovna Zalevskaya.....	8
Dashinimaeva P.P. (<i>Ulan Ude, Russia</i>)	
Memories of Alexandra Alexandrovna Zalevskaya.....	12

THEORETICAL AND EXPERIMENTAL STUDIES

Bubnova I.A. (<i>Moscow, Russia</i>)	
Anglicization of daily life as a tool for the consumer society and an element of modern cognitive war.....	14
Zaitseva E.A., Novikova I.V. (<i>Tver, Russia</i>), Ginzburg I.V. (<i>Moscow, Russia</i>)	
Youth slang: The perception of verbal borrowings by native speakers.....	24
Maslennikova E.M. (<i>Tver, Russia</i>)	
Semantic substitutions and subjective dependence in bilingual textual communication of translation.....	37
Navalikhina A.I. (<i>Ufa, Russia</i>)	
Total online education potential risks. Psycholinguistic analysis.....	44
Nesterova N.M., Kotelnikova A.N. (<i>Perm, Russia</i>)	
Two text comprehension models: Concepts of A.A. Zalevskaya and A.I. Novikov.....	59
Pishchalnikova V.A. (<i>Moscow, Russia</i>)	
Ethnopsycholinguistics almost 25 years later, or the scientific foresight of Alexandra Zalevskaya.....	70
Shaposhnikova I.V. (<i>Novosibirsk, Russia</i>)	
Towards associative typology in the context of studying language as a human species-specific phenomenon.....	86
Huang Tiande, Zhao Wanyi, Zheng Mingming, Liu Hengshuang (<i>Guangzhou, China</i>)	
Investigating the L3 lexical semantics access for Chinese-English-Russian trilinguals.....	111

REVIEW

Gridina T.A., Konovalova N.I. (<i>Yekaterinburg, Russia</i>)	
To hear is more than to understand words: Book review by Boris Yu. Norman 'Listener's grammar'.....	123

IN MEMORIAM

In memory of Evgeny F. Tarasov.....	134

SCIENTIFIC LIFE

On founding a coordinating body for departments of general linguistics of Russian universities.....	140
Call for papers. Sternin's Readings: Meaning as a phenomenon of native speaker's actual linguistic consciousness.....	144
IX International Scientific Seminar on Linguistic Regional Studies.....	146

INFORMATION

Manuscript Submission Requirements.....	148

ПАМЯТИ А.А. ЗАЛЕВСКОЙ

(к 95-летию со дня рождения)

Александра Александровна Залевская
29 сентября 1929 — 9 мая 2021

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ ЗАЛЕВСКОЙ

Для тех, кому довелось встречаться с Александрой Александровной Залевской, неизгладимое впечатление производило сочетание ее острого ума, глубокой научной эрудиции и живейшего интереса к самым разнообразным проявлениям окружающей жизни. Взяла и вырастила на подоконнике огуречную рассаду и собрала приличный урожай, фиксируя и описывая в «дневнике наблюдений» каждый созревший плод, который предлагалось продегустировать в том числе и нам, аспирантам и коллегам в качестве экспертов безукоризненно организованного эксперимента «огурцы на подоконнике зимой». Вспоминается также почти детский восторг, с которым Александра Александровна наблюдала за переходом на европейскую железнодорожную колею глубокой ночью во время нашего совместного путешествия на поезде в Польшу в 1998 году на международную конференцию.

Александра Александровна была фактически первой на факультете, кто овладел компьютерной грамотностью на таком уровне, что первая версия ее учебника «Введение в психолингвистику», до сих пор столь популярного среди специалистов и аспирантов, издавалась полностью по ее компьютерной верстке, о чем специально упоминается в выходных сведениях. Впоследствии Александра Александровна щедро делилась премудростями работы в WORD и других форматах с молодыми коллегами. Все новое, будь то усовершенствования в технической сфере, или оригинальные идеи, пока не признанные научным сообществом, неизменно привлекали ее внимание и являлись своеобразным вызовом, на который она откликалась с готовностью и энтузиазмом.

Думаю, что эта неиссякаемая пытливость ума Александры Александровны во многом явилась залогом ее творческого долголетия.

Дух новатора и экспериментатора проявлялся в самых разнообразных формах научной деятельности Александры Александровны. Существенные изменения в языке, вызванные переходом в информационное общество, совпавшим в нашей стране со сменой общественной формации, не могли остаться незамеченными исследователем-психолингвистом. Как истинный ученый, Александра Александровна не ограничивалась наблюдением за новыми, порой, причудливыми формами обиходного языка, воспроизводимыми его рядовыми носителями, а также разнообразными СМИ. Она обладала чутким слухом и острым зрением, настроенными на фиксацию полуграмотных высказываний, которыми часто изобилует публицистика, реклама, телевидение и т.п. Коллекционируя «ляпы» в родном языке, она не раздражалась критикой по поводу «нарушений чистоты русского языка», ее интерес был направлен на выявление глубинных оснований для речевых продуктов такого рода. Предложенная ею метафора смыслового «флюса» доступно описывала психолингвистический механизм ошибочной номинации при переходе от «речи для себя» к «речи для других». Сама метафора была сформулирована в далекие 1980-е годы, а ее использование в целях описания наблюдаемых языковых феноменов оказалось наделенным объяснительной силой, не утратившей свою актуальность до настоящего времени. Анализ того, как говорящий приписывает слову то или иное значение, отвечающее искомому смыслу, и делает это по-разному – верно, не совсем верно или неверно, т.е. ошибочно – встречается на страницах одной из самых последних публикаций Александры Александровны. Все это характеризует ее как ученого, не перестававшего откликаться на самые актуальные проявления жизни языка и социума. Разработанные ею процедуры

экспериментов с разнообразным вербальным материалом для проверки самых смелых гипотез до сих пор успешно применяются на практике в научных исследованиях студентов, аспирантов и коллег и, уверена, будут востребованы в будущем.

Александра Александровна Залевская по праву считается одним из самых авторитетных строителей отечественной психолингвистики. Значение ее деятельности определяется вкладом, который внесла в науку разработанная ею психолингвистическая концепция метального лексикона и слова как достояния человека. Со времени первых публикаций А.А. Залевской [Залевская 1968 и др.] прошло более пятидесяти лет. Опыт межъязыковых сопоставлений результатов ассоциативных экспериментов на базе девяти языков лег в основу дальнейших научных изысканий автора и послужил материалом для докторской диссертации [Залевская 1980], в которой были сформулированы основные положения оригинальной концепции. Начиная с этого времени, стало возможным говорить о Тверской школе психолингвистики. На наш взгляд, сорок с лишним лет – срок более чем достаточный для того, чтобы положения диссертации А.А. Залевской, относящиеся к вопросам организации метального лексикона человека, прошли проверку временем. Об этом можно судить не только по успешно защищенным диссертациям ее учеников – исследователей моего поколения, но и по работам ее «научных внуков», как она сама называла исследователей следующего поколения.

Развитие научных исследований и преподавание ряда дисциплин на факультете иностранных языков и международной коммуникации Тверского государственного университета продолжает определяться в том числе и созданной А.А. Залевской научной школой. Сама Александра Александровна не раз подчеркивала, что именно задачи работы в области методики преподавания иностранных языков заставили ее обратиться сначала к проблемам психологии памяти, а затем – к моделированию процесса продуцирования и понимания речи, поскольку для объяснения того, как человек говорит и понимает речь собеседника, необходимо прежде всего выявить специфику процессов поиска и идентификации слова как достояния индивида. Эти вопросы привели ее к глубокому убеждению, что методика обучения языкам – родному и иностранному – только тогда сможет по-настоящему стать наукой, когда будут раскрыты механизмы овладения и пользования языком как живым знанием. Задачи практического характера стимулировали разработку соответствующей теории – психолингвистической теории учебного двуязычия – и позволили заложить основы нового направления – психолингводидактики, развитие которой оставлено в наследство ее ученикам.

Другие, не менее интересные и важные направления смогли состояться в русле Тверской психолингвистической школы, благодаря развитию исходных теоретических представлений А.А. Залевской о двойной жизни слова, которая протекает в сознании индивида под влиянием культуры, а также норм и оценок социума, в котором живет и действует человек. В палитре научных изысканий, обусловленных идеями руководителя школы, следует назвать проблему моделирования понимания на уровне слова и текста, а также вопросы межкультурного общения.

«Горизонты психолингвистики» – так назывались научные конференции, посвященные юбилейным датам А.А. Залевской. Смыслы, заложенные в названии, отражают и постоянно обновляющиеся перспективы развития психолингвистики в духе созданной научной школы, и умножающиеся поколения исследователей-психолингвистов, объединенных общими научными устремлениями.

Всезнание недостижимо, как вечно отодвигающийся горизонт, и все-таки, что там, за горизонтом? Александра Александровна научила нас, ее учеников, задавать себе этот вопрос всякий раз, когда подводятся итоги очередного исследования. В самом понятии «подвижного» горизонта заложена определенная интенция, задающая взгляд на науку как научный поиск. Стратегия научного поиска была избрана Александрой Александровной как естественная логика собственного существования в профессии.

Александра Александровна оставила светлую память о себе как достойном человеке, талантливом ученом, учителе, который щедро делился своими идеями и переживал за успехи своих учеников.

Золотова Наталия Октябревна

Тверской государственный университет, г. Тверь, РФ
Zolotova.NO@tversu.ru

Литература

Залевская А.А. Ассоциативный эксперимент в условиях билингвизма и трилингвизма // Материалы II симпозиума по психолингвистике. М.: Наука, 1968. С. 73–74.

Залевская А.А. Психолингвистическое исследование принципов организации лексикона человека (на материале межязыкового сопоставления результатов ассоциативных экспериментов): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1980. 32 с.

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ АЛЕКСАНДРЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ ЗАЛЕВСКОЙ

Я ни разу не была в старинном русском городе Тверь. Когда я слышу его название, это топонимическое живое слово непременно вызывает в моей голове ассоциацию «город Александры Александровны», и далее возникает теплое ощущение метафорического образа города-человека из чего-то аутентичного, мудрого в нарастающей для меня значимости. Того нешаблонного и живого, о котором ведала нам Александра Александровна в своих научных трудах.

Приступая к изложению мыслей в память об Александре Залевской, я перечитала все ее письма ко мне: первое датируется 19 февраля 2010 г., последнее – 20 февраля 2019 г. Ровно 10 лет тесной переписки по адресу *aaz* ...

Наверное, больше всего я ждала научное слово о лингво- и психо-, слитое накрепко в нашем сознании, но разделяемое в научном предмете (... *восприятие* – это не лингвистическая проблема, ... нужно заменить на «понимание» и уточнить, что понимание начинается с восприятия: из письма от 18 апреля 2013 г.). Радовалась, когда можно было выдохнуть и сказать себе: «Слава богу, мой путь научного руководителя не ведет к тупику или пустословию!», когда ее слово, в отзыве ли, просто в реплике ли, становилось подтверждением тех или иных научных разысканий, моих и моих аспирантов. Приведу один диалог из переписки по работе Аюра Тумэновича Жанаева (из письма от 12 октября 2014 г.):

Я: ... Мы почти не говорим о языковом знаке (он же в любом случае обнаруживается в переводе как некий коррелят), а больше говорим о том, что за этим знаком всплывает не то содержание. Вследствие чего концепт представляется непереводаемым.

А.А.З.: ... Концепт не может переводиться, это невербальное ментальное образование, доступ к которому происходит через слово (имя). Но именуя концепт, носители языка и культуры фокусируются на определенных признаках, свойствах и т.д. Поскольку в разных культурах практически не может быть полных эквивалентов слов (есть только корреляты), оказывается, что коррелирующие слова разных языков могут выводить на различающиеся в соответствующих культурах категориальные поля. Об этом и говорит ваш мальчик, и это очень здорово! Если в одной из культур некоторое категориальное поле отсутствует или получает иную значимость, специфичный эмоционально-оценочный колорит, взаимопонимание оказывается искаженным или вообще не имеет места.

Меня всегда удивляла высочайшая продуктивность ученого: она постоянно проводила эксперименты и обрабатывала экспериментальные данные, то из Твери и Улан-Удэ, то из Курска и Уфы, Киева и Алма-Аты... Учитывая то, что преподаватель высшей школы занимается наукой в свободное от работы время, всегда поражалась тому, как Александра Александровна умудрялась совмещать все виды интеллектуальной деятельности за счет физического удлинения дня до ненормированного по времени. Вот несколько фрагментов из писем:

... У нас завал из-за новых учебных программ для аспирантов, все срочно, срочнее не придумаешь... Зашиваемся (из письма от 15 октября 2011 г.).

... Если соблюдать все новые требования, которые нам предъявляют по всем линиям (в том числе по учебной в плане обеспечения подпроцесса), то ни на какую науку времени не останется. Я добила книгу только за счет отказа от отпуска, присидела целые дни за компьютером – вообще без выходных. До сих пор не могу

взяться за обработку экспериментальных материалов – не успеваю выполнять даже текущие заморочки... (речь идет о книге «Значение слова через призму эксперимента», из письма от 8 ноября 2011 г.).

... Заключение вообще надо писать новое. Думаю, надо убрать Приложение (словарик тоже убрать?). Надо только немножко передохнуть... (о завершении книги «Что там – за словом? Вопросы интерфейсной теории значения слова», из письма от 6 февраля 2014 г.).

Деловые письма всегда содержали кропотливо-сформулированный перечень шагов, которые следует соблюсти, были и короткие, при этом теплые и добросердечные, порой смешливые и озорные (*Почта совсем оборзела ..., Надеюсь, вы просто в замате?..., Новое, но не в науке, а около нее ..., балда я настоящая и редиска...*).

Я очень рада тому, что Александре Александровне удалось посетить Бурятию и дать студентам, преподавателям вузов региона мастер-класс «Проблемы психолингводидактики», и, самое главное, немного отдохнуть на Байкале. Вот как она позже описывает то время:

... Я сейчас работаю с материалами эксперимента, полученными у вас. Все время чувствую себя там же, заново переживаю те прекрасные дни – и по погоде, и, главное, по душевному настрою, какого не испытывала нигде, хотя бывала в разных странах и на разных континентах. Начинаю понимать Рерихов: не случайно они искали Шамбалу именно на Алтае!!! (из письма от 30 января 2011 г.).

... Мы с Еленой очень тепло вспоминаем нашу поездку к вам и всем рассказываем, какое замечательное место на земле посетили и какие благодатные чувства там пережили (из письма от 21 сентября 2011 г.).

... очень тепло и радостно возвращаться к воспоминаниям о чудесном крае и замечательных людях!!!!!! (из письма от 13 июня 2016 г.).

Да, иметь большого друга в лице глубокоуважаемой Александры Александровны Залевской, умудренной научным, преподавательским и житейским опытом, в моей жизни было настоящей удачей и радостью!

Дашинимаева Полина Пурбуевна

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, Улан Удэ, РФ
polinadash58@mail.ru

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 81'23

ББК 81'1

DOI 10.30982/2077-5911-2024-61-3-14-23

Научная статья

АНГЛИФИКАЦИЯ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОСТРОЕНИЯ ОБЩЕСТВА ПОТРЕБЛЕНИЯ И ЭЛЕМЕНТ СОВРЕМЕННОЙ КОГНИТИВНОЙ ВОЙНЫ

Бубнова Ирина Александровна

Национальный исследовательский университет «МЭИ»,
Москва, Россия

Аннотация

Статья посвящена проблеме англификации русского языка, который в настоящее время находится под постоянным давлением английского во всех сферах жизни жителя современной России. Анализируются сферы бытовой жизни, где используется английский язык. Приводятся аргументы в пользу того, что англификация повседневности является одним из важнейших инструментов построения общества потребления и тем средством, с помощью которого может быть реализована основная цель когнитивной войны – отчуждение психики человека и превращения его в объект, управляемый извне.

Ключевые слова: русский язык, англификация, повседневная жизнь, общество потребления, когнитивная война

Введение

Новый термин *когнитивная война*, введенный НАТО в конце двадцатых годов текущего столетия, появился благодаря возможности современной науки объединить достижения кибер-, информационной, психологической и социальной инженерии для избирательного либо серийного воздействия на сознание людей, формирования индивидуальных и групповых убеждений и требуемых моделей поведения с целью уничтожения коллективной воли и фрагментации общества без применения прямой силы либо принуждения. Иными словами, заявленным полем битвы в когнитивной войне является человеческий разум, а ее основной задачей – **изменение не только содержания сознания, но и самого типа мышления и действий людей** (“not only what people think, but how they think and act”) [Countering cognitive warfare... [http](#)] (выделено нами – *И.Б.*).

Интенции авторов данной концепции позволяют сделать вывод, что, несмотря на общий основной инструмент ведения войн, нацеленных на ум, чувства и эмоции личности, когнитивная война кардинально отличается от войны информационно-психологической по крайней мере в двух аспектах. Во-первых, в данном типе войны направленное воздействие на массовое и индивидуальное сознание предполагает отчуждение психики человека, тогда как последствиями информационно-психологического прессинга оказываются изменения в образе мира, в понимании каких-либо определенных событий, корректировке их интерпретаций под давлением особым образом выстроенной подачи информации. Во-вторых, само определение «информационно-психологическая» предполагает манипуляцию фактами прежде

всего в тех областях, которые традиционно рассматриваются как формирующие человека и его образ мира, – СМИ, образовании, культуре, т.е. публичных сферах, всегда используемых для внушения массам определенных идей. Пространством, где ведется когнитивная война, становится, прежде всего, обычная повседневная жизнь, еще несколько десятилетий назад в достаточной степени закрытая для внешнего давления.

Вполне закономерным является предположение, что эта специфическая черта когнитивной войны, как и появившаяся в настоящее время возможность влияния на индивида в его частной жизни, которая сегодня оказалась доступна для управления извне, связаны с продолжающимся уже на протяжении более чем полувека активным формированием общества потребления – общества, где данный термин, как полагает Ж. Бодрийяр, освобожден «от его привычного значения: “процесс удовлетворения потребностей” <...> Потребление – это не материальная практика и не феноменология “изобилия”, оно не определяется ни пищей, которую человек ест, ни одеждой, которую носит, ни машиной, в которой ездит, ни речевым или визуальным содержанием образов или сообщений, но лишь тем, как все это организуется в знаковую субстанцию: это *виртуальная целостность всех вещей и сообщений, составляющих отныне более или менее связный дискурс*. Потребление, в той мере в какой это слово вообще имеет смысл, есть *деятельность систематического манипулирования знаками*» [Бодрийяр 1999: 212–213] (курсив автора – И.Б.). Автор особо подчеркивает значимое, по его мнению, обстоятельство, заключающееся в том, что «все желания, замыслы, императивы, все человеческие страсти и отношения сегодня абстрагируются (или материализуются) в знаках и вещах, чтобы сделаться предметами покупки и потребления» [цит. раб.: 215], поэтому и домашний быт, всегда стремившийся ускользнуть от социальной жизни, через посредство вещей и кредитов оказывается сегодня прикован к структурам и условиям социального мира: «...*место потребления* – это повседневная жизнь. Последняя не является просто суммой повседневных фактов и действий; она есть *система интерпретации*. <...> ...она является торжествующей и эйфорической в ее стремлении к тотальной автономизации и переинтерпретации мира “для внутреннего потребления”». Именно здесь находится внутренняя, органическая связь между частной сферой повседневности и массовыми коммуникациями» [Бодрийяр 2021: 25] (курсив автора – И.Б.).

Важно подчеркнуть, что процесс потребления как «культурализованный» (по Ж. Бодрийяру) феномен, помимо представлений о потребительских ценностях и нормах и потребительских привычек, включает в себя **язык как свод правил интерпретации** и «новый гуманизм», предполагающий оправдание потребления и обоснование нравственности стремления к удовольствиям, равно как и **управление мотивацией**, а «окончательным завершением такого общества становится **функционализация** самого потребителя, психологическая монополизация всех его потребностей» [Девиантность 2012: 28] (выделено нами – И.Б.).

Очевидно, что запланированный конечный результат построения общества потребления не просто коррелирует с основной задачей когнитивной войны, но, подготавливая условия, открывает возможность для реализации поставленных в последней целей, так как оба этих процесса направлены на лишение человека способности действовать самостоятельно, выстраивать траекторию своей жизни, основываясь на познанных им реальных связях и отношениях, существующих

в окружающей его действительности, и превращение его в управляемый объект. А в силу того, что в нашей стране общество потребления формируется уже в течение нескольких десятилетий, можно говорить о том, что когнитивная война, несмотря на недавнее появление самого термина, идет довольно давно.

Русский литературный язык и последствия его англификации

В психолингвистике общепризнанным является тот факт, что главным инструментом, обеспечивающим познание и оценку социальной реальности, интерпретацию смысла происходящих событий, восприятие и понимание текстовых сообщений, является язык, те языковые средства, воздействие которых «на концептуальную систему человека проявляется в процессе означивания текста как сложного языкового знака, когда индивид обращается к своему вербальному и невербальному, перцептивному, когнитивному и аффективному опыту (личному, но включенному в социальные взаимодействия) при обязательном сочетании понимания с переживанием понимаемого» [Залевская 2002: 64]. Не менее важно, что без языка, хранящего в себе культурные ценности и нормы этноса, невозможно построение целостного индивидуального образа мира, который, как подчеркивает А.А. Залевская, является не только более широким и многогранным по сравнению с языковой картиной мира, фиксируемой в словарях и текстах, но и личностно окрашенным, эмоционально-оценочно переживаемым на разных уровнях осознанности [Залевская 2005: 361]).

Именно в силу этого одной из ключевых задач, отражающих методологические и социальные основы и определяющих идеологическое и практическое отношение государственно-политической системы к роли языка в жизни народа, всегда было сохранение литературного языка, представляющего собой, по мнению Е.М. Лазуткиной, **интерпретативную и коммуникативную** систему взаимодействия блоков формальных структур разноуровневых единиц, – «взаимодействия, предназначенного для выражения смыслов» [Лазуткина 2013: 375] (выделено нами – *И.Б.*), т.е. систему, отражающую коллективное и формирующую индивидуальное языковое сознание [Лазуткина 2024], а, следовательно, и ту систему, которая позволяет владеющему ей адекватно реагировать на внешнюю действительность, корректируя свое мироощущение в процессе практической, в том числе речевой, деятельности. Иными словами, ключевая роль литературного языка в сохранении того, «что мы называем вневременной и инвариантной частью в структуре языковой личности», несущей «отчетливую печать национального колорита» [Караулов 2007: 39], не вызывает сомнений, как очевиден и тот факт, что итогом его разрушения, размывания нормы, включения в нее ничем не оправданных заимствований, прежде всего, из английского языка, будет:

1) утрата исторической памяти и культурных ценностей, и, соответственно, трансформация национальной языковой личности в некоего «человека мира» или метроэтническую личность (термин Майера [Maier 2010]), что связано со спецификой механизма воспроизводства типичных для каждого этноса ценностей, которые приобретаются в ходе социализации, где «в качестве основного средства межпоколенной передачи опыта выступает такой социальный инструмент как язык» [Бромлей 1983: 153];

2) потеря способности мыслить критически, превращение человека в биологический организм, реагирующий только на те сигналы извне, которые касаются его личного благополучия и самой жизни, т.к. понятийное мышление не существует вне речи [Выготский 2005].

Тем не менее, несмотря на все эти вполне реальные последствия уничтожения русского литературного языка, он постоянно подвергается деструктивному воздействию со стороны английского. Элементы разных уровней его системы активно внедряются в практику делопроизводства, образование, СМИ, культуру, что к настоящему моменту превратило речь современных граждан России, принадлежащих к самым разным слоям общества и социальным группам, в некое, если перефразировать А.С. Грибоедова, «смешенье английского с нижегородским».

Основные сферы англификации бытовой жизни современных жителей России

Формирование «дефектной» языковой личности начинается в бытовом дискурсе, англификация которого идет незаметно, но настойчиво и постоянно, причем в бытовую жизнь каждого носителя русской культуры англицизмы внедряются практически с момента его рождения путем постоянного повторения отдельных слов, оборотов, конструкций предложений, чужой интонации, не рассчитанных на осмысленное восприятие, но оказывающих сильнейшее воздействие и управляющих человеком. Это происходит как в процессе игр (часто в Интернет-пространстве), при просмотре детских телепередач и мультфильмов, так и в ходе раннего изучения английского языка, которое стало не просто модным, но обязательным для подавляющего большинства родителей, не осознающих эффекта воздействия чужого языка на мозг маленького человека.

Отметим, что интерес к чужой культуре (что само по себе, безусловно, нельзя рассматривать как негативное явление) стимулируется окружающими маленького ребенка взрослыми и прививается ему не только в ходе специальных занятий в многочисленных школах для малышей. В полном соответствии с принципами необихевиоризма он закрепляется в процессе игровой деятельности, перенесенной в настоящее время в специальные детские развлекательные центры, названия которых прямо отсылают к английскому языку и ценностям англо-саксонской цивилизации – *Joki Joya, Freezone, BLASTRTAG, Bunny Hop, Замания, MonkeyPark, Teika Boom, Events for friend's*. Важно отметить, что посещение таких центров, как правило, связано именно с детскими праздниками, а, следовательно, весельем, подарками, общением с друзьями, а ассоциируются все эти радостные и важные для маленького человека вещи с «хозяевами» этих праздников, которые встречают и развлекают своих гостей – пиратами, Дартом Вейдером, миньонами, Человеком-пауком и другими героями зарубежных мультфильмов и фильмов, не имеющими никакого отношения к русской культуре (залы для праздников и дней рождения также расписаны сюжетами из этих произведений). Весьма символична и реклама этих центров, обещающая, что детей ждут «захватывающие квесты, интересные миссии в лазертаг», катание на «беговеле, скейтборде и роликах», игровое пространство DRIFTkarting, игры с бластерами нерф, встречи с любимыми персонажами из мультфильмов – Леди Баг, Черепашками-Ниндзя, Аватарами, и многими другими, которые являются ведущими разнообразных аттракционов в тематических зонах «Деревня Смурфиков», «Черепашки-ниндзя», Hello Kitty, «Отель Трансильвания», «Маугли в стране динозавров», «Заброшенный дом» [15 лучших детских развлекательных центров в Москве].

Таким образом, чужой язык и чужая культура начинают сопровождать ребенка с раннего детства и продолжают оставаться с ним в более осознанные годы.

Как мы уже отмечали прежде [Бубнова 2018], школьная, а затем и университетская, жизнь подрастающего и формирующегося человека открывается созданием

портфолио, он привыкает искать нужный *контент*, в качестве заданий составляет *квесты*, участвует во *флешмобах*, защищает свои проекты, в том числе и дипломные работы, в ходе *баттлов*, посещает *вебинары* и «традиционные» *Red Brik Fest*, учится пользоваться *трекерами*, читая университетские блоги на *Naked Science*, вносит свой вклад в *эндаументы* и т.д. И везде он пользуется чужим языком, даже уже не понимая, что говорит на некой странно звучащей смеси слов, смысловое содержание которых (и это подтверждается в ходе экспериментов), в его сознании часто остается весьма размытым.

Особо подчеркнем, что вся среда, в которой формируется современный человек, не позволяет ему выйти из «круга» чужого языка, и эта ситуация вполне соответствует намерениям агентов глобализации не просто сократить, но полностью уничтожить русское культурное пространство [Кирилина 2018].

Как представляется, англификация именно бытового дискурса играет одну из ключевых ролей в реализации поставленной цели, причем анализ данной сферы повседневности свидетельствует, что запущенный еще в конце XX века и продолжающийся до настоящего время процесс, несмотря на все знаковые события, происходящие в нашей стране в последние несколько лет, идет весьма успешно.

Этот вывод подтверждается в ходе анализа языкового ландшафта Москвы, одной из важнейших характеристик которого является повсеместное использование английского языка в повседневной жизни среднестатистического обитателя столицы.

Английский язык окружает горожанина везде: он ежедневно видит сотни рекламных баннеров с английскими, либо написанными латиницей русскими словами, английский сопровождает его в транспорте как в письменном, так и в звучащем в объявлениях виде, он заходит в магазины, кафе и бары, в названиях которых английский язык не менее частотен, чем русский (значительно реже встречается немецкий, однако такие названия как бар *Барбаросса* в Москве или пивной бар *Бавария*, расположенный напротив воинского кладбища, где похоронены воины Советской Армии, умершие в госпиталях г. Валдай в период Великой Отечественной войны, также являются весьма «говорящими» и заслуживающими внимания). Даже рестораны русской кухни, которые считаются в Москве лучшими, носят названия *Uhvat*, *Ruski*, *White Rabbit*, *Русский паб*, *Гусятникoff*, *Мару Vanna* и т.д., а в их меню на первой странице (ресторан *Uhvat*) значатся такие блюда, как сэндвич с ветчиной и сыром на бриоши, хрустящие картофельные вафли с яйцом пашот и страчателлой, блины с пастрами и прочие абсолютно «традиционные русские блюда».

К повседневной жизни относятся и услуги *стайлинга*, *имиджмейкинга*, *детейлинга*, *брашинга*, *тюнинга*, *колористики*, оказываемые в огромном количестве *бьюти-салонов* многочисленными *fashion-стилистами*, *имиджмейкерами*, *стилистами-имиджмейкерами*, *бровистами* и прочими «профессионалами». К ним добавляются *косметик-эстетисты*, которые предлагают различные процедуры по омоложению, специалисты по *биохакингу*, обещающие замедлить старение, *нутрициологи* и *фитнесс-тренеры*, предлагающие поработать над весом и фигурой.

Использование английского языка не исчерпывается областями, затронутыми выше, так как английский уже прочно закрепился и в сфере досуга, который организуется в *коворкингах*, а также в сфере бытового сервиса, где одной из самых востребованных услуг стала процедура *клининга*.

Более того, и туристы, приезжающие сегодня в Москву, останавливаются не в гостиницах, а в отелях и хостелах, таких как *999Gold*, *Home Hotel*, *108 Minutes*, *17/3 Capsule hotel and lounge*, *7 Sky Hostel Krasnoselskaya*, *Amarena*, *Amato hotel*, *ApeironSpace*, *Apple Dream Hotel*, *Happy Hotel* на Волоколамском шоссе, *Hartwell*, *Heart of Moscow* на Смоленке, *Heritage*, *High Level*, *Hills Hotel*, *Hilton Garden Inn Paveletskaya*, *La skala* на Краснодонской и т.д., причем особо следует отметить, что в списке гостиниц Москвы [Отели Москвы] русские названия в настоящее время практически отсутствуют.

Отметим, что данные, полученные в ходе экспериментов, показывают, что, как правило, точное понимание всех этих многочисленных наименований предлагаемых развлечений, процедур, профессий, названий отелей и т.п., отсутствует. В сознании адресата иноязычная лексика, скорее, выполняет роль знаков, отсылающих к «иной» жизни, создающих потребность в этом стиле, стремление интегрироваться в другой мир, и, таким образом, формирующих личность «культурного потребителя». Переформулируя, можно сказать, что английское слово уже само по себе является символом престижности, показателем исключительности, хотя по сути все эти «избранные» представляют собой обычный «гранфаллун»¹ – бессмысленное объединение людей, основанное на абсолютно несущественных в бытийном отношении критериях, созданный технологами при помощи английского языка. Однако сегодня для значительной части общества эти критерии, заложенные извне, становятся главными для конструирования собственной групповой идентичности, в основе которой лежит глобальная этничность, позволяющая членам группы продемонстрировать свою полную свободу от национальной культуры.

На наш взгляд, не лишено оснований предположение, что во всех описанных случаях английский язык используется именно как признак «инаковости», как ретранслятор идей, принадлежащих другому, более «красивому» и «достойному» миру, и в этом случае каждое слово, выступая индикатором этого притягательного для части людей мира, вызывает в «культурном потребителе» чувство причастности к кругу «элиты», придавая, таким образом, смысл его жизни. Именно этим свойством чужого слова – способностью вызвать в сознании адресата нужные эмоции и формировать желательные для составителя сообщения потребности, обусловлены широко распространенные в мегаполисе названия «элитных» жилых комплексов с лексемами *Park*, *Friday*, *High* (“*Green Park*”, “*Friday Village*”, “*Wellton Park*”, “*Friday Park*”, “*High Life*”), ассоциирующимися с определенной системой смыслов, сфокусированных на удовлетворении собственного я – стабильностью, высоким доходом, уединенностью, комфортом, удовольствиями. Более того, для еще большего укрепления связей внутри искусственно созданного гранфаллуна, членам выдуманного сообщества при помощи соединения английских и русских слов дополнительно задается развернутое представление о критериях идеального образа жизни «элиты», требуемом отношении к себе и к окружающим, не входящим в их «круг», формируется содержание таких понятий, как мечта, свобода, любовь и т.д.:

«*HIGH LIFE*» **предлагает** не просто жилье, а **стиль жизни**, где благоустройство становится искусством, а **комфорт** – **приоритетом**. Жители “*HIGH LIFE*”

---

¹ Этот термин был придуман Куртом Воннегутом в «Колыбели для кошки».

получают больше, чем просто крышу над головой – они становятся **частью элитного сообщества**. Это воплощение мечты о комфортабельной жизни в ритме мегаполиса. “HIGH LIFE” – ваш персональный уголок роскоши и уюта в самом сердце столицы [ЖК “HIGH LIFE”...].

«ЖК Victory Park Residences — здесь начинается свобода. В Victory park Residences есть все для того, чтобы наслаждаться любовью к себе. <...>. Инфраструктура жилого комплекса обеспечивает по-настоящему роскошную жизнь со всеми преимуществами вашего комфорта. В экспириенс-центре Victory Gallery есть все для шопинга и развлечений всей семьей: изысканные рестораны и гастромаркет, модные арт-пространства, СПА и фитнес-центр с бассейном, роскошные бутики и кинотеатр [ЖК “VICTORY PARK RESIDENCE”].

«Респектабельное окружение, художественные виды и все элементы для комфортной и размеренной жизни вокруг вашего нового дома. Сервисы и инфраструктура дома обеспечивают жизнь уровня роскошного отеля. **ПРЕСТИЖ РАСПОЛОЖЕНИЯ, ЭТАЛОННЫЙ СЕРВИС, INTERNATIONALLY CERTIFIED, БЕЗОПАСНОСТЬ, ПРОТОКОЛ ПЕРВЫХ ЛИЦ, ПРИВАТНОСТЬ ПРОЖИВАНИЯ** [ЖК «Хамовники»].

Обеспечить детям блестящее будущее в билингвальных Британском детском саде и Sun School, в одной из пяти лучших частных школ мира – Ломоносовской школе, в частной школе «Классическое образование» <...> Нетворкинг – неотъемлемая часть образа жизни SPIRES. Его закрытая территория формирует закрытый клуб, состоящий из людей одного круга и общих ценностей. Расположенный в центре города, в традиционном месте жизни столичных элит... В клубе равных: однородное социальное окружение в SPIRES [Квартиры “SPIRES SENSES №6”].

The Patricks – новый дом для комфортной светской жизни вблизи самых знаковых культурных и гастрономических доминант столицы [THEPATRICKS].

Каждая из трех башен семейного жилого комплекса Will Towers имеет индивидуальное архитектурное решение, поэтому носит свое уникальное название. Башни CREATIVITY, ENERGY и INSPIRATION. Эстетика окружения сочетается здесь с исключительной приватностью [О проекте ЖК “Will Towers”] (выделено нами – И.Б.).

В сумме эти наблюдения заставляют сделать вывод о том, что сегодня сама среда, все поверхностные знаки, которые человек видит ежедневно и привык не замечать, шаг за шагом, с одной стороны, разрушает национальную языковую личность, формируя потребителя, не связанного с традиционной культурой, сконцентрированного на самом себе и реализующего единственную цель – сделать свою жизнь как можно более комфортной. С другой стороны, искусственно созданная среда формирует такой тип человека, который является идеальным объектом для манипуляции, а это именно тот результат, который и требуется инициаторам и координаторам когнитивной войны.

Заключение

Как пишет в своей известной, но сегодня редко цитируемой, книге Виктор Клемперер, лицо эпохи страны передается в языке и «...пусть кто-то намеренно стремится скрыть – только лишь от других или себя самого – то, что он бессознательно носит в себе, – язык выдаст все. В этом, помимо прочего, смысл сентенции: *le style c'est l'homme*; высказывания человека могут быть лживыми, но его суть в неприкрытом виде явлена в стиле его речи» [Клемперер 1998: 3].

Современное «языковое лицо» страны вызывает много вопросов, и их число может лишь увеличиваться, если учитывать тот факт, что языковая политика всегда была прерогативой определенных социальных институтов. В этом случае вполне закономерен вывод о том, что англификация всех сфер нашей жизни – это отнюдь не стихийный и неуправляемый процесс, а организованная деятельность, результатом которой являются кардинальные сдвиги в образе жизни человека, определяемые переменами в содержании ее индивидуального образа мира и порождающие, в свою очередь, изменения мировоззренческих основ этноса, которые на протяжении веков были основой национальной идентичности каждого его представителя.

Таким образом, совокупным итогом продолжающейся англификации бытовой жизни оказывается не только превращение человека в управляемый кем-то объект, но постепенное исчезновение национальной языковой личности.

© Бубнова И.А., 2024

Литература

- Бодрийяр Ж.* Система вещей. М.: Издательство «Рудомино», 1999. 225 с.
- Бодрийяр Ж.* *Общество потребления.* М.: Издательство АСТ, 2021. 384 с.
- Бромлей Ю.В.* Очерки теории этноса. М. Наука, 1983. 412 с.
- Бубнова И.А.* «Контенты», «баттлы», «квесты»: закономерность развития языка, креативность пользователей или нечто иное? // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. 2018. № 2 (27). С. 59–72.
- Выготский Л.С.* Психология развития человека. М.: Смысл; Эксмо., 2005. 1136 с.
- Девиантность в обществе потребления:* Коллективная монография /Под ред. Я.И. Гилинского и Т.В. Шипуновой. СПб.: Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2012. 464 с.
- Залевская А.А.* Некоторые проблемы теории понимания текста // Вопросы языкознания. 2002. №3 С. 62–71.
- Залевская А.А.* Психолингвистические исследования. Слово. Текст. Избранные труды. М.: Гнозис, 2005. 543 с.
- Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. Изд. 6-е. М.: Издательство ЛКИ, 2007. 264 с.
- Кирилина А.В.* Проблемы развития коммуникативно мощных европейских языков в эпоху глобализации // Этнопсихолингвистика. 2018. № 1. С. 26–62.
- Клемперер В.* ЛП. Язык третьего рейха. Записная книжка филолога: М.: Прогресс-Традиция, 1998. 175 с.
- Лазуткина Е.М.* О механизмах влияния на речевой узус в эпоху консциентальной войны // Вопросы психолингвистики. 2024. №2 (60). С. 90–103. doi: 10.30982/2077-5911-2024-60-2-90-103
- Лазуткина Е.М.* Термин «Литературный язык» // Терминология и знание. Материалы III Международного симпозиума (Москва, 8–10 июня 2012 г.) / Отв. ред. С.Д. Шелов. М., 2013. С. 375–383.
- Countering cognitive warfare: awareness and resilience. URL: <https://www.nato.int/docu/review/articles/2021/05/20/countering-cognitive-warfare-awareness-and-resilience/index.html> (дата обращения: 23.08.2024).
- Maher J.C.* Metroethnicities and Metrolanguages. The Handbook of Language and Globalization. Blackwell Publishing Ltd. 2010. P. 575–591.

Источники примеров

15 лучших детских развлекательных центров в Москве. URL: <https://www.kp.ru/afisha/msk/obzory/moj-gorod/luchshie-detskie-razvlekatelnye-czentry/> (дата обращения: 23.08.2024).

ЖК “HIGH LIFE”. URL: <https://dzen.ru/a/Zbv-ZhxEYFP0otb7?ysclid=m0pkoqr9gt67659468> (дата обращения: 28.08.2024).

ЖК “ХАМОВНИКИ 12”. URL: <https://khamovniki12.ru/?ysclid=m0pkht74uf352191073> (дата обращения: 28.08.2024).

ЖК VICTORY PARK RESIDENCE. URL: <https://vp.moscow/freedom> (дата обращения: 28.08.2024).

Квартиры “SPIRES SENSES N6”. URL: <https://spires.ru/apartments> (дата обращения: 28.08.2024).

О проекте ЖК “Will Towers”. URL: <https://willtowers.ru/about/> (дата обращения: 23.08.2024).

Отели Москвы. URL: <https://101hotels.com/main/cities/moskva/alphabetically> (дата обращения: 23.08.2024).

THEPATRICKS. URL: <https://thepatricks.moscow/> (дата обращения: 23.08.2024).

Сведения об авторе:

Бубнова Ирина Александровна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков Национального исследовательского университета «МЭИ»

Контактная информация:

111250, г. Москва, ул. Красноказарменная, д. 14, стр. 1

ORCID: 0000-0002-1024-600X

e-mail: aribubnova@gmail.com

Для цитирования:

Бубнова И.А. Англификация повседневной жизни как инструмент построения общества потребления и элемент современной когнитивной войны // Вопросы психолингвистики №3(61) 2024, С. 14–23, doi: 10.30982/2077-5911-2024-61-3-14-23

UDC 81’23

LBC 81.1

DOI 10.30982/2077-5911-2024-61-3-14-23

Research article

**ANGLICIZATION OF DAILY LIFE AS A TOOL FOR THE CONSUMER SOCIETY
AND AN ELEMENT OF MODERN COGNITIVE WAR**

Abstract

The article is devoted to the problem of the Anglicization of the Russian language that in recent decades has experienced a constant pressure from the English language in all spheres of life of a resident of modern Russia. Areas of everyday life where English is used are

analyzed. Arguments are given in favor of the fact that the anglicization of everyday life is one of the most important tools for building a consumer society and the means by which the main goal of cognitive warfare - the alienation of the human psyche and its transformation into an object controlled from the outside - can be realized.

Keywords: Russian language, anglicization, everyday life, consumer society, cognitive warfare

© **Bubnova I.A., 2024**

Bionotes:

Irina A. Bubnova – Doctor of Philology, Full Professor, Professor of Foreign Languages Chair; National Research University «Moscow Power Engineering Institute»

Contact information:

111250, Moscow, st. Krasnokazarmennaya, 14, building 1

ORCID: 0000-0002-1024-600X

e-mail: aribubnova@gmail.com

For citation:

Bubnova I.A. Anglicization of daily life as a tool for the consumer society and an element of modern cognitive war // Journal of Psycholinguistics. 3(61), 2024, P. 14–23. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2024-61-3-14-23 (In Russian)

УДК 81`23

ББК 81

DOI 10.30982/2077-5911-2024-61-3-23-36

Научная статья

МОЛОДЕЖНЫЙ СЛЕНГ: ВОСПРИЯТИЕ ГЛАГОЛЬНЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ НОСИТЕЛЯМИ ЯЗЫКА

Зайцева Елена Анатольевна

Тверской государственный университет, Тверь, Россия

Новикова Инна Вальтеровна

Тверской государственный университет, Тверь, Россия

Гинзбург Ольга Владимировна

Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия

Аннотация

В статье представлены результаты психолингвистического исследования, нацеленного на определение особенностей восприятия англоязычных глагольных заимствований российскими представителями разных возрастных групп и профессий. В основу исследования легли разработанная А.А. Залевской психолингвистическая теория слова как средства доступа к единой перцептивно-когнитивно-аффективной информационной базе человека, а также концепция специфики функционирования индивидуального знания. Актуальность исследования определяется все возрастающим интересом нынешней молодежи к сленгу и обильным использованием англоязычных заимствований. В качестве методов исследования использовались сравнительный и сопоставительный анализ, а также опрос испытуемых; материалом исследования послужили тексты СМИ, соцсетей и данные словарей (для отбора материала экспериментального исследования).

Количественные показатели и качественный анализ полученных в эксперименте результатов позволили выделить несколько групп глаголов-англицизмов в зависимости от уровня их адаптации в новой языковой системе. Экспериментальное исследование проводилось в два этапа (в первой части испытуемым слова-стимулы предъявлялись без контекста, во второй – в контексте), что позволило в ходе анализа результатов эксперимента сравнить особенности идентификации испытуемыми заимствованного англоязычного слова в ситуативном контексте и вне его.

Англоязычные глагольные заимствования анализируются с точки зрения пользующегося ими индивида: возраст, уровень образования, профессия, уровень знания/не знания иностранного языка играют важную роль в процессе идентификации слов молодежного сленга. Результаты эксперимента показали, что чем больше возраст испытуемых, тем больше трудностей возникает при идентификации англицизмов в молодежном сленге, а также увеличивается нетерпимое отношение к этим словам. Испытуемые, представляющие гуманитарные профессии, а также люди, обладающие начальным/базовым уровнем знания английского языка в целом показали более высокие результаты (лучшее знание молодежного сленга и более терпимое отношение к нему), чем испытуемые, не связанные профессионально с языком или изучением культуры.

Ключевые слова: англицизмы, англоязычные заимствования, лексическое заимствование, адаптационный процесс, молодежный сленг, иноязычная лексика

Введение

В настоящее время русский язык (особенно его лексический состав) претерпевает изменения в связи с огромным потоком заимствований. Наиболее восприимчивой и податливой к изменениям была и остается молодежь. Молодые люди всегда стремились общаться на языке, непонятном взрослым. Сегодня же на таком малопонятном или непонятном языке молодежь разговаривает благодаря заимствованиям из английского языка.

По мнению Л.П. Крысина, наиболее открытой для изменений и внешнего воздействия является именно лексическая сторона языка, в ней «находят отражение все изменения, происходящие в социальной жизни общества» [Крысин 2004: 26]. Одним из самых популярных способов обогащения лексической системы является заимствование [Костомаров 1994; Колосов 2013]. Англицизмы являются самым большим пластом заимствований в русский язык-реципиент. А.И. Дьяков определяет их как «слова или фразы, заимствованные из английского языка и адаптированные фонетически, графически, грамматически, морфологически и семантически к нормам русского языка или сохранившие свой оригинальный облик» [Дьяков, Гурина 2022: 68].

Основными причинами англоязычных заимствований, по мнению исследователей молодежного жаргона, являются социально-психологические причины, фактор престижности иноязычного слова. На современном этапе развития молодежного сленга, помимо номинативной функции сленговых заимствований, ярко выражена и функция «эстетизации иноязычных слов», их употребление ради моды [Цибизова, Галанкина 2021: 692]. Важно отметить и такой фактор, как эмотивность: «наиболее активно заимствуются лексические единицы, выражающее настроение, отношение к людям, реалии общения», при этом среди выделенного корпуса молодежного сленга почти нет слов, обозначающих явления природы или процессы познания» [цит. раб.: 691]. Н.В. Дубинкина акцентирует внимание на том, что моду на использование англоязычного сленга в большей степени формируют СМИ: «через медиaprостранство в социум внедряются идеи “трендовости”» [Дубинкина 2018: 265].

Говоря о моде на новые слова, однако, необходимо подчеркнуть, что еще несколько лет назад использование молодыми людьми заимствованных слов оценивалось если не негативно, то уж точно не вызывало одобрения. Е.А. Майзенберг пишет: «Желание части молодежи подражать западному образу жизни ведет к тому, что *вечеринка* у них становится *пати*, *неудачник* – *лузером*, *выходные* – *уик-эндом*, а *няня* – *бэби-ситтером*» [Майзенберг 2016: 99]. Сегодня же заимствования встречаются не только в речи молодежи, но и в речи, обращенной к молодежи. Слова *тьютор* вместо *воспитатель*, *руководитель*, *наставник*; *волонтер* вместо *доброволец*; *пейсмейкер* – ‘задающий темп бегун’; *воркаут* – ‘уличная гимнастика’, *митап* – ‘встреча’, ‘собрание’ и др. прочно вошли в обиход учителей, преподавателей и самих студентов.

В настоящее время кажется совершенно естественным, что миллионы людей используют интернет в профессиональной и обыденной жизни. Этот способ передачи информации и общения считается едва ли не основным в сегодняшней действительности. Вместе с тем, мы согласны со многими исследователями, в том

числе М.К. Абайдельдановой и Р. Гусманом Тирадо, которые считают, что самым активным пользователем сети все-таки является молодежь, для которой интернет – не только средство познания, но и способ развлечения, коммуникации и социализации. «Для этих целей молодые люди кодируют информацию и представляют ее посредством арго, жаргона или сленга» [Абайдельданова, Гусман Тирадо 2024: 179].

Если говорить о молодежном сленге, то, по мнению Л.М. Гареевой, существуют следующие источники его пополнения.

1. Информационные технологии (ИТ). Следует отметить, что существуют даже мини-словари для начинающих разработчиков («разрабов»), в которых можно обнаружить не только специфическую лексику компьютерного специалиста, но и слова, ставшие понятными и рядовому «юзеру».

2. Интернет. В настоящее время все представители молодежи являются активными пользователями соцсетей, поэтому большой пласт сленга заимствуется ими оттуда: «мемы – ‘смешные картинки’, *постить* – ‘выкладывать фото или тексты’, *личка* – ‘личные сообщения’, *стримить* – ‘проводить видеотрансляции’ и т.п.».

3. Иноязычные заимствования (в большинстве своем англицизмы) [Гареева 2021: 130]. О.В. Цибилова отмечает, что в настоящее время заимствования происходят не только из общелитературного языка, но и из английского молодежного сленга напрямую. Например, слова *рофлить*, *эцкере*, *дисс* и др. [Цибилова, Галанкина 2021].

Во всех перечисленных выше группах, наравне с кальками из английского языка, используются и в разной степени ассимилированные слова-заимствования, включенные в грамматическую структуру русского языка.

Действительно, сегодняшние темпы компьютеризации превышают темпы развития всех других отраслей. Современный человек постоянно взаимодействует с компьютером: дома, на работе, в транспорте, или ожидая своей очереди где бы то ни было. Известны разные формы взаимодействия в сети: телеконференции, интернет-конференции, онлайн-дневники, чаты, общение в социальных сетях и форумах, переписка по e-mail, сетевые игры и др. Такое взаимодействие, по мнению В.А. Буряк, В.А. Осиповой и И.А. Власова, обладает анонимностью, замещенным характером общения, полифоничностью, эмоциональной насыщенностью и полилогичностью – чертами, которые отличают его от привычного нам, «живого» общения. При этом взаимодействовать можно как в режиме реального времени, так и будучи в текущий момент «не в сети». «Молодежный интернет-сленг выходит за пределы виртуального пространства, проникая на страницы СМИ или в живую разговорную речь, позволяя выразить длинную фразу в нескольких сленговых словах» [Буряк и др. 2020: 136]. Об экспрессивности сленга говорит и Л.Х. Махиева, подчеркивая, что, употребляя сленг в речи, субъект получает эмоциональную разрядку; более того, «если в разговорной речи старшего поколения экспрессивная функция является не господствующей, а лишь сопутствующей, то в молодежной речи она доминирует» [Махиева 2012: 184].

Проблемы знания слова, владения словом, особенности восприятия и интерпретации тех или иных лексических единиц привлекают внимание лингвистов не одно десятилетие. Проведение психолингвистического исследования с возможностью обратиться непосредственно к носителю языка позволяет чуть лучше понять специфику функционирования индивидуального знания. Таким образом, исследование, выполненное на материале заимствований из английского языка, ставших неотъемлемой частью молодежного сленга, представляется актуальным и своевременным.

Результаты исследования

В 2022–2023 гг. на факультете иностранных языков и международной коммуникации Тверского госуниверситета нами (при участии студентки факультета О.В. Волковой) было проведено экспериментальное исследование. Его целью было определить особенности восприятия некоторых глагольных заимствований людьми разных возрастов и профессий.

Теоретическую базу настоящего исследования составила психолингвистическая теория слова как средства доступа к единой перцептивно-когнитивно-аффективной информационной базе человека (памяти) и концепция специфики функционирования индивидуального знания, разработанные А.А. Залевской. Концепция специфики индивидуального знания разграничивает индивидуальное знание (ИЗ) как достояние активного субъекта речемыслительной и прочей деятельности; совокупное коллективное знание-переживание, формирующееся и функционирующее в определенной лингвокультурной общности по законам психической деятельности и взаимодействий в сверхбольших системах (КЗ1); «зарегистрированное» в продуктах разнообразной деятельности людей коллективное знание, отображающее лишь часть того, что входит в понятие совокупного коллективного знания-переживания (КЗ2). Другими словами, в соответствии с концепцией А.А. Залевской, языковые знания существуют не сами по себе, а в контексте многообразного опыта пользующегося языком индивида, формируемого через личностное преломление и с учетом сложившихся в социуме норм и оценок. При этом слово становится средством доступа к единой сокровищнице знаний и опыта человека (информационному тезаурусу), в контексте которой реализуются все акты понимания и производства речи. Психолингвистическая концепция слова опирается на изучение особенностей становления слова как достояния индивида. Слово трактуется как продукт переработки перцептивного, когнитивного, аффективного опыта и таким образом оказывается средством доступа к единой информационной базе человека – памяти с ее многосторонними связями между знаниями разных типов и эмоционально-оценочными переживаниями [Залевская 1977, 1982, 1992].

Материал для исследования составили 30 транслитерированных глаголов английского языка. Нами были отобраны слова именно данной части речи, поскольку глаголы играют особую роль в молодежном языке. Из-за виртуальных действий в ходе компьютерной игры или коммуникации в соцсетях их объем очевидно превосходит количество заимствований другой частеречной принадлежности. Однако, в описываемом исследовании мы не ставили перед собой цель измерить соотношение заимствований разных частей речи.

Проанализировав более 100 современных статей, более 50 сообществ в социальных сетях и 30 каналов на ютубе, мы выбрали 30 слов-стимулов: БАНИТЬ, БРЕЙНШТОРМИТЬ, БУЛЛИТЬ, ВКРАШИТЬСЯ, ГАМАТЬ, ГУГЛИТЬ, ГЭТСБИТЬ, ЗАДОНАТИТЬ, ЗАФРЕНДИТЬ, КЛИКАТЬ, ЛАЙКНУТЬ, ПИАРИТЬ, ПОАПАТЬ, ПРАНКАНУТЬ, РЕПОСТИТЬ, СВАЙПИТЬ, СКИПАТЬ, СМЭТЧИТЬСЯ, СПАМИТЬ, СТАЛКЕРИТЬ, ТРОЛЛИТЬ, ФЛУДИТЬ, ХАЙПИТЬ, ХЕЙТИТЬ, ЧЕКАТЬ, ЧИЛИТЬ, ЧИТЕРИТЬ, ШИППЕРИТЬ, ШОПИТЬСЯ, ЮЗАТЬ.

Процедура исследования. Психолингвистическое исследование состояло из двух частей. В первой части испытуемым (далее – ии.) были представлены слова без контекста, а во второй – в контексте (примеры контекста представлены в последнем столбце табл. 1–4). Первое задание начиналось следующей инструкцией: «Вы стали

участником психолингвистического исследования, состоящего из двух частей, в каждой из которых Вам нужно ответить на один и тот же вопрос: «Что, по-Вашему, означает данное слово?»».

Вступлением ко второй части эксперимента были следующие слова: «Вы приступаете ко второй части исследования. Напишите, что, по Вашему мнению, означают выделенные в тексте глаголы».

В начале опросника ии. предлагалось указать свой возраст; пол; вид деятельности/ профессию и изучаемый иностранный язык. Далее, ознакомившись с инструкцией, ии. выполняли первую часть исследования, затем приступали ко второй. Поучаствовать в эксперименте можно было одним из следующих способов: онлайн (опросник был представлен в системе Яндекс) или традиционно, получив бумажный бланк. Важно отметить, что люди более старшего возраста предпочитали второй вариант опросника.

Время ответа на вопросы не ограничивалось. Фактически ии. потребовалось от 2 до 5 минут для ознакомления с инструкцией и от 15 до 20 минут для выполнения обоих заданий.

Испытуемыми проведенного исследования стали 105 человек (школьников – 22 ии, студентов – 22 ии., взрослых инженеров – 20 ии., учителей – 22 ии. и врачей – 19), в результате от ии. было получено и проанализировано 7457 реакций.

В ходе анализа полученных данных мы выделили три группы глаголов (см. табл. 1–3): 1) высокочастотные (9 глаголов); 2) среднечастотные (20 глаголов); 3) низкочастотные (1 глагол).

Таблица №1

Примеры реакций ии. на высокочастотные глаголы-стимулы

Слово-стимул	Слово вне контекста	Слово в контексте	Пример контекста
БАНИТЬ (от англ. to ban – ‘запрещать’)	<i>Блокировать – 80 Запрещать – 29 Гнобить – 2 Ходить в баню – 1 Оскорблять – 1 Отказ – 0</i>	<i>Блокировать – 96 Запрещать – 35 Удалять – 10 Оскорблять – 1 Отказ – 0</i>	<i>Теперь я буду банить за любой комментарий, который мне не понравится. Я предупредила.</i>
ШОПИТЬСЯ (от англ. shopping – ‘ходить по магазинам’)	<i>Ходить по магазинам – 105 Отказ – 0</i>	<i>Ходить по магазинам – 105 Отказ – 0</i>	<i>А мы шопились целый день всей семьей) устали , отдыхаем)))</i>
ГУГЛИТЬ (от англ. to google – ‘искать информацию в Google’)	<i>Искать – 105 Отказ – 0</i>	<i>Искать – 105 Отказ – 0</i>	<i>Я присматривал себе кресло, соответственно гуглил инфу, надстроек в браузере от яндекса не имею.</i>

Высокочастотные глаголы были отнесены к таковым, потому что все ии. дали им правильные дефиниции. Таким образом, можно сделать вывод, что слова БАНИТЬ, ГУГЛИТЬ, КЛИКАТЬ, ЛАЙКАТЬ, РЕПОСТИТЬ, ХЕЙТИТЬ, СПАМИТЬ, ЗАФРЕНДИТЬ, ШОПИТЬСЯ воспринимаются людьми разных возрастов и профессий

как знакомые, то есть слово перестает быть частью исключительно молодежного сленга. Интересен случай идентификации слова-стимула БАНИТЬ с опорой на его фонетическое звучание на первом этапе эксперимента: *ходить в баню*. Однако во второй части исследования контекст помог испытуемому правильно идентифицировать это слово. В.В. Красных называет подобные реакции фонетико-звуковыми и считает, что звукобуквенное сходство нового слова с каким-то уже хорошо усвоенным, а также неустойчивость образа нового слова в сознании затрудняют смысловую идентификацию и приводят к именно фонетическим ассоциациям [Красных 1998: 141]. С.И. Тогоева, И.С. Лачина, Т.Ю. Сазонова, говоря о стратегиях идентификации слов, выделяют сходство по звукобуквенному комплексу: при идентификации нового незнакомого слова, люди часто подменяют его на более привычное для себя слово на основе звукобуквенного комплекса [Тогоева 1998, Лачина 1993, Сазонова 2000].

Таблица №2

Примеры реакций ин. на среднечастотные глаголы-стимулы

Слово-стимул	Слово вне контекста	Слово в контексте	Пример контекста
БРЕЙНШТОРМИТЬ (от англ. brainstorming – ‘мозговой штурм’)	<i>Думать – 50</i> <i>Изучать – 34</i> <i>Решать – 16</i> <i>Ходить в плавание – 2</i> <i>Отказ – 22</i>	<i>Думать – 78</i> <i>Советаться – 39</i> <i>Напрягать мозг – 12</i> <i>Отказ – 8</i>	<i>Где и когда лучше брейнштормить?</i> <i>Если ты можешь думать только о еде, то ты думаешь только о еде.</i>
ПИАРИТЬ (от англ. public relations – ‘связи с общественностью’)	<i>Продвигать – 47</i> <i>Рекламирывать – 44</i> <i>Распространять – 14</i> <i>Отказ – 6</i>	<i>Рекламирывать – 96</i> <i>Продвигать – 9</i> <i>Отказ – 3</i>	<i>Как пропиарить себя в интернете?</i> <i>Построение личного бренда в соцсетях.</i>
ПОАПАТЬ (от англ. to up – ‘поднимать’)	<i>Улучшить – 37</i> <i>Поднять уровень – 29</i> <i>Повысить – 17</i> <i>Прокачать – 11</i> <i>Отказ – 11</i>	<i>Поднять – 91</i> <i>Продублируйте – 7</i> <i>Отказ – 7</i>	<i>Решил поапать 30 в бб, не метовым пиком за 2,30 часа с 800 я апнул 1к на джеси.</i>

Результат идентификации глаголов, отнесенных впоследствии к среднечастотной группе (глаголы БРЕЙНШТОРМИТЬ, БУЛЛИТЬ, ВКРАШИТЬСЯ, ГАМАТЬ, ЗАДОНАТИТЬ, ПИАРИТЬ, ПОАПАТЬ, ПРАНКАНУТЬ, СВАЙПИТЬ, СКИПАТЬ, СМЭТЧИТЬСЯ, СТАЛКЕРИТЬ, ТРОЛЛИТЬ, ФЛУДИТЬ, ХАЙПИТЬ, ЧЕКАТЬ, ЧИЛИТЬ, ЧИТЕРИТЬ, ШИППЕРИТЬ, ЮЗАТЬ), во многом зависел от таких параметров, как «Вид деятельности/профессия» и «Возраст». Наиболее полные и точные дефиниции давали студенты и ученики школы. Полагаем, это связано с тем, что учащиеся много времени проводят в социальных сетях и одними из первых узнают все новые тренды. Для них не было проблемой дать дефиниции предложенным глаголам-стимулам. Инженеры тоже неплохо справлялись с заданиями; мы полагаем, что этому способствовали знание иностранного языка и логическое мышление. Интересными оказались реакции учителей (среди которых были учителя младшей

и средней школы) на слова-стимулы и сама манера их участия в эксперименте. Учителя средней школы показали более высокий результат, давали полные дефиниции и правильно идентифицировали многие глаголы-стимулы уже на первом этапе исследования. Считаем возможным объяснить данный феномен тем, что учителя уже слышали эти слова от учеников и задумывались об их значении. Учителя младших классов были менее решительны, они боялись ошибиться, поэтому часто отказывались от реакции. Больше всего отказов было в группе медицинских работников. Очевидно, причиной тому стали незнание английского языка и более ограниченная, по сравнению с учителями, коммуникация с молодежью. По окончании исследования медики признались, что некоторые глаголы слышат впервые.

Самым низкочастотным среди правильно опознанных оказался глагол ГЭТСБИТЬ. Этот глагол стал появляться на просторах интернета в 2016 году и означает, по версии словаря Urban Dictionary: «*Публиковать в социальных сетях что-то, а затем ждать, пока конкретный человек это проверит (Posting to social media and then waiting for that one specific person to check it out)*» [Urban ... http].

Таблица №3

Примеры реакций ии. на низкочастотный глагол-стимул
ГЭТСБИТЬ

Слово-стимул	Слово вне контекста	Слово в контексте	Пример контекста
ГЭТСБИТЬ (от англ. gatsbing – ‘публикация в социальных сетях, а затем ожидание, пока конкретный человек проверит это’)	<i>Развлекаться – 22</i> <i>Выкладывать фотки специально для одного человека – 15</i> <i>Устраивать вечеринки – 11</i> <i>Подражать Гэтсби – 8</i> <i>Отказ – 57</i>	<i>Пытаться завладеть вниманием другого человека в интернете – 36</i> <i>Флудить – 24</i> <i>Отказ – 45</i>	<i>Эта Маша только и делает, что гэтсбит в вк. Наверное, она сильно запала. Я ее фотки уже не лайкаю, просто пролистываю.</i>

Не все испытуемые знали это слово, самыми осведомленными оказались студенты IV курса факультета ИЯ и МК ТвГУ, так как в программу курса входит роман американского писателя Фрэнсиса Скотта Фицджеральда «Великий Гэтсби», заглавное имя героя которого, очевидно, и способствовало появлению глагола «гэтсбить» в молодежном сленге. Многие ии. были знакомы с соответствующим явлением и после эксперимента признались, что и сами *гэтсбят* в социальных сетях. Некоторые ии. поняли, что это заимствование как-то связано с главным героем романа «Великий Гэтсби», однако не смогли дать дефиницию этому глаголу-стимулу.

Более того, стоит отметить, что при появлении глагола-стимула в контексте ии. намного реже отказывались от выполнения задания, например, количество отказов дать дефиницию снизилось до нуля в случае с глаголами БУЛЛИТЬ, ВКРАШИТЬСЯ, ЗАДОНАТИТЬ, ПРАНКАНУТЬ, СМЭТЧИТЬСЯ, СТАЛКЕРИТЬ, ТРОЛЛИТЬ, ФЛУДИТЬ, ХАЙПИТЬ, ЧЕКАТЬ, ЮЗАТЬ.

Таблица №4

Влияние контекста на идентификацию значения глаголов-стимулов

Слово-стимул	Слово вне контекста	Слово в контексте	Пример контекста
ЗАДОНАТИТЬ (от англ. donate – ‘жертвовать, дарить’)	<i>Проплатить – 66 Запретить – 2 Купить что-то в интернете – 1 Отказ – 36</i>	<i>Отправить деньги – 101 Дать в долг – 3 Подарить – 1 Отказ – 0</i>	<i>Вы задонатили мне 14 289 рублей — я отправил их на помощь бездомным животным</i>
ХАЙПИТЬ (от англ. to hype – ‘расхваливать, рекламировать’)	<i>Быть популярным – 41 Разжиться на чем-то – 34 Ловить славу – 3 Шуметь – 3 Поднимать ажиотаж вокруг чего-то – 3 Выпендриваться – 1 Отказ – 23</i>	<i>Прославиться – 84 Хвалиться – 13 Пиариться – 11 Отказ – 0</i>	<i>Из-за таких как Саша потом не верят другим блогером и думают, что они только хайпятся.</i>
БУЛЛИТЬ (от англ. to bully – ‘задирать’)	<i>Унижать – 67 Обижать – 40 Гнобить – 15 Дразнить – 13 Травить – 5 Обзывать – 5 Шеймить – 3 Отказ – 13</i>	<i>Унижать – 97 Обижать – 74 Гнобить – 45 Отказ – 0</i>	<i>Меня буллили и за это, потому что в этом возрасте уже никто не играл в игрушки.</i>
ПРАНКАНУТЬ (от англ. prank – ‘шалость, розыгрыш’)	<i>Разыграть – 95 Подшутить – 43 Отказ – 8</i>	<i>Разыграть – 103 Подшутить – 98 Отказ – 0</i>	<i>Официально заявляю, что вас пранканули. Ну шо, хлопцы с 1 апреля вас, наивные мои!</i>

Данные эксперимента, приведенные в табл. 4, также показывают, что при встрече слова в контексте, испытуемые демонстрируют менее разнообразные значения слова-стимула. Возможно, это говорит о том, что контекст способствует актуализации только нужного значения слова согласно одной из четырех точек зрения психолингвистов по поводу опознавания неоднозначных слов в тексте (теории доступа к слову под влиянием контекста), описание которых мы находим в [Залевская 2007: 315]. Мы полагаем, что процесс идентификации иноязычных заимствований в некотором роде схож с процессом идентификации неоднозначных слов.

При анализе полученных данных мы столкнулись со случаями описания сленгового глагола-стимула посредством другого сленгового глагола. Например, глагол ГЭТСБИТЬ в предложении «*Эта Маша только и делает, что гэтсбит в вк. Наверное, она сильно запала. Я ее фотки уже не лайкаю, просто пролистываю*» был идентифицирован как

ФЛУДИТ. Глагол ФЛУДИТЬ был заменен синонимом СПАМИТЬ. А глагол ХАЙПИТЬ глаголом ПИАРИТЬСЯ.

Некоторые испытуемые, как им казалось, не испытывают сложностей при идентификации слова ШИППЕРИТЬ (от англ. *relationship* – *отношения*), однако в качестве синонима приводили слово ШИПЕТЬ. Контекст «Я тоже их **шиперила**, но прекрасно понимала, что такие близкие отношения скорее всего просто дружеские» способствовал более адекватной идентификации этого слова-стимула. Глагол *crash* (рус. *врезаться*) ошибочно повлиял на восприятие глагола-стимула ВКРАШИТЬСЯ (от англ. *crush* – ирон. *предмет обожания*). Глагол БРЕЙНШТОРМИТЬ был отнесен некоторыми ии. к морской тематике из-за корня *шторм*, поэтому ему была дана дефиниция *ХОДИТЬ В МОРЕ*. Глагол КЛИКАТЬ (от англ. *to click* – *целкать*) был заменен омонимом глагола *кликнуть*, то есть ЗВАТЬ.

Иногда в контексте актуализировались дополнительные значения. Например, в предложении «Я знаю 3 семьи, где мужья геймеры, причем тоже в ВОВ. И жены их **гамают** тоже. Ребенка уложили и **гамают**» актуализировалось значение УБАЮКИВАТЬ. Скорее всего в этом случае большую роль сыграло слово «ребенок». Предложение «Я увидела этого мальчика в дайвинчике, случайно **скинула** его, дайте контактик пжпж. запал в душу» оказалось непонятным для людей старше 30 лет, в чьих анкетах обнаружили реакции в виде отказа. В отличие от старшего поколения, молодое поколение знает такой сервис, как «дайвинчик», в котором люди могут найти вторую половинку. Упомянутый сервис работает следующим образом: пользователь выставляет свою анкету, и если эта анкета понравилась кому-то, он нажимает «сердечко», если нет – нажимает кнопку «дизлайк». В вышеприведенном примере девушка поставила дизлайк случайно, то есть «скинула», и теперь выложила пост в интернете, чтобы найти того юношу.

Выводы

Результаты проведенного эксперимента подтвердили, что в процессе идентификации слова носитель языка опирается на языковые данные и собственный опыт. Исследование показало, что слова, представленные изолированно, труднее поддаются идентификации, чем те, что представлены в контексте. Однако в нашем случае даже контекст не всегда способствовал пониманию слова. Наблюдая за тем, как испытуемые выполняли предложенные задания, мы периодически слышали, как люди старше 50 лет то и дело недовольно приговаривали: «Я не понимаю, что тут написано!»

Подобные наблюдения позволили нам сделать вывод о том, что, во-первых, иноязычные заимствования вызывают у носителей языка разнообразные реакции: одни относятся к заимствованиям толерантно, считая их естественной составляющей живого языка, который не может не меняться с течением времени; другие чувствуют негодование при встрече с непонятными словами и выражениями. Во-вторых, соответствующему отношению способствуют различные факторы, такие как возраст, уровень образованности, род профессиональных занятий и даже пол. Наблюдения продемонстрировали следующую зависимость:

1) терпимое отношение к заимствованиям меняется с возрастом: чем старше носитель языка, тем менее он склонен воспринимать новые языковые единицы (более того, возрастает вероятность резко отрицательной оценки иноязычных явлений); мы можем объяснить это тем фактом, что при недостаточном знании чего-либо возникает

повышенная тревожность и напряженность, что вызывает у человека естественное отторжение источника данных негативных эмоций;

2) чем выше уровень образованности, тем легче человек адаптируется к новым, в частности, языковым, явлениям;

3) представители профессий, так или иначе связанных с иностранным языком, более терпимы к иноязычной лексике (особенно если это профессиональная терминология). При этом у них может возникать негативное отношение, если заимствования появляются в других сферах деятельности или в повседневном общении, то есть без необходимости;

4) люди, имеющие более тесное общение с молодежью (учителя, например), более толерантны к использованию ими заимствований.

Проведенное исследование позволило нам убедиться в том, что идентификация заимствований происходит по-разному, важную роль играет знание языка, возраст, профессия. Транслитерированные глаголы не затрудняют коммуникацию молодежи между собой, в то время как могут создать трудности для людей старшего или, наоборот, младшего возраста.

© Зайцева Е.А., Новикова И.В., Гинзбург О.В., 2024

Литература

Абайдельданова М.К., Гусман Тирадо Р. Русский язык в интернете: анализ молодежного сленга с оценочным значением // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Т. 17, №1. С. 177–189.

Буряк В.А., Осипова В.А., Власов И.А. Интернет-сленг как форма коммуникации молодежи в виртуальной среде // Заметки ученого. 2020. № 8. С. 133–139.

Гареева Л.М. Современный молодежный сленг: его источники и разновидности // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. №9 (111). С. 129–131. DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.9.111.095>

Дьяков А.И., Гурина Е.Н. Англицизмы и культура речи // Сибирский учитель. 2022. №2. (141) С. 67–71.

Дубинкина Н.В. К вопросу о роли англоязычных заимствований в современном социуме // Гуманитарные технологии в современном мире. Материалы VI Международной научно-практической конференции. 2018. С. 264–265.

Залевская А.А. Проблемы организации внутреннего лексикона человека: Учеб. пособие. Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1977. 83 с.

Залевская А.А. Психолингвистические проблемы семантики: учеб. пособие. Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1982. 110 с.

Залевская А.А. Индивидуальное знание: специфика и принципы функционирования: Монография. Тверь: Твер. гос. ун-т, 1992. 136 с.

Залевская А.А. Введение в психолингвистику: Учебник. 2-е изд. испр. и доп. М.: Российский гос. гуманит. ун-т, 2007. 560 с.

Колосов С.А. Некоторые аспекты освоения английских заимствований в современном русском языке // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». 2013. Выпуск 2. С. 83–88.

Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи: из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. М.: Педагогика. Пресс, 1994. 247 с.

Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация). М.: Диалог-МГУ, 1998. 350 с.

Крысин Л.П. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. Москва: Языки славянской культуры, 2004. 888 с.

Лачина И.С. Особенности идентификации прилагательных: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 1993. 16 с.

Майзенберг Е.А. Английские заимствования и современный сленг // Наука и общество. 2016. № 1 (24). С. 98-101.

Махиева Л.Х. Эмоциональность в сленговой лексике (на материале карачаево-балкарского языка) // Известия КБНЦ РАН. 2012. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/emotsionalnost-v-slengovoy-leksike-na-materiale-karachaevo-balkarskogo-yazyka> (дата обращения: 17.07.2024).

Сазонова Т.Ю. Психолингвистическое исследование процессов идентификации слова: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2000. 46 с.

Тогоева С.И. Фактор «новизны» единицы и его роль в развитии внутреннего лексикона // Семантика слова и текста: психолингвистические исследования. Тверь: Твер. гос. ун-т, 1998. С. 98–101.

Цибизова О.В., Галанкина И.И. Англицизмы в молодежном сленге 2020—2021 гг.: опыт описания и анализа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 3. С. 684–698. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-3

Urban Dictionary. URL: <https://www.urbandictionary.com/> (дата обращения: 25.02.2023).

Сведения об авторах:

Зайцева Елена Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры герменевтической лингводидактики и английской филологии факультета иностранных языков и международной коммуникации Тверского государственного университета

Контактная информация:

170000, г. Тверь, ул. Желябова, 33, Тверской государственный университет

ORCID: 0009-0006-5499-6212

e-mail: e_zaitseva@mail.ru

Новикова Инна Вальтеровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры герменевтической лингводидактики и английской филологии факультета иностранных языков и международной коммуникации Тверского государственного университета

Контактная информация:

170000, г. Тверь, ул. Желябова, 33, Тверской государственный университет

ORCID: 0009-0008-2848-0639

e-mail: iw_novikova@mail.ru

Гинзбург Ольга Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и межкультурной коммуникации Финансового университета при Правительстве РФ

Контактная информация:

125167 г. Москва, Ленинградский проспект, д. 49/2, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

ORCID: 0000-0001-7737-0032

e-mail: ivolya2000@mail.ru

Для цитирования:

Зайцева Е.А., Новикова И.В., Гинзбург О.В. Молодежный сленг: восприятие глагольных заимствований носителями языка // Вопросы психолингвистики №3(61) 2024, С. 23–36, doi: 10.30982/2077-5911-2024-61-3-23-36

UDC 81`23

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2024-61-3-23-36

Research article

YOUTH SLANG: THE PERCEPTION OF VERBAL BORROWINGS BY NATIVE SPEAKERS

Elena A. Zaitseva

Tver State University, Tver, Russia

Inna V. Novikova

Tver State University, Tver, Russia

Olga V. Ginzburg

Financial University under the Government of the RF, Moscow, Russia

Abstract

This article presents the results of a psycholinguistic study aimed at determining the peculiarities of perception of English-language verb borrowings by Russian representatives of different age groups and professions. The research is based on the psycholinguistic theory of the word as a means of access to a single perceptual-cognitive-affective information base of a person and the concept of the specifics of the functioning of individual knowledge, developed by A.A. Zalevskaya. Quantitative indicators and qualitative analysis of the results obtained in the experiment made it possible to identify several groups of borrowed verbs depending on the level of their adaptation in the new language system.

In addition, the experimental study was conducted in two stages (in the first part, stimuli were presented without context, in the second – in context), which allowed, during the analysis of the experimental results, to compare the characteristics of the identification of a borrowed English word by the subjects in a situational context and without it. The experimental material, English-language verb borrowings, is analyzed from the point of view of an individual using them: age, level of education, profession, level of knowledge /non-knowledge of a foreign language play an important role in the process of identifying words of youth slang. With age, the tolerant attitude towards borrowings decreases, while it turned out that representatives of the humanitarian professions are generally more tolerant of foreign language vocabulary than people who are professionally unrelated to language and cultural studies. With an increase in the level of education of the subjects, the speech adaptation of new borrowings is easier.

Keywords: anglicisms, English-language borrowings, lexical borrowings, adaptation process, youth slang, foreign language vocabulary, word acquisition

© Zaitseva E.A., Novikova I.V., Ginzburg I.V., 2024

Bionotes:

Elena A. Zaitseva – Candidate of Philology, Associate professor, Department of Hermeneutical Linguodidactics and English Philology, Tver State University

Contact Information:

170100, Tver, Zhelyabova St., 33

ORCID: 0009-0006-5499-6212

e-mail: e_zaitseva@mail.ru

Inna V. Novikova – Candidate of Philology, Associate professor, Department of Hermeneutical Linguodidactics and English Philology, Tver State University

Contact Information:

170100, Tver, Zhelyabova St., 33

ORCID: 0009-0008-2848-0639

e-mail: iw_novikova@mail.ru

Olga V. Ginzburg – Candidate of Philology, Associate professor, Department of Foreign languages and Intercultural Communication, Financial University under the Government of the Russian Federation

Contact Information:

125167, Moscow, Leningradsky Prospekt, 49/2

ORCID: 0000-0001-7737-0032

e-mail: ivolya2000@mail.ru

For citation:

Zaitseva E.A., Novikova I.V., Ginzburg I.V. Youth slang: The perception of verbal borrowings by native speakers // Journal of Psycholinguistics. 3(61) 2024. P. 23–36. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2024-61-3-23-36 (In Russian)

СМЫСЛОВЫЕ ЗАМЕНЫ И СУБЪЕКТИВНАЯ ЗАВИСИМОСТЬ В ДВУЯЗЫЧНОЙ ТЕКСТОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Масленникова Евгения Михайловна
Тверской государственный университет,
Тверь, Россия

Аннотация

Получаемый в процессе переводческой деятельности вторичный текст рассматривается как личностная (переводческая) проекция оригинала, предназначенная для вторичных читателей из системы переводящего языка, чью концептуальную систему принимает во внимание переводчик, являющийся активным интерпретатором наряду с настоящими первичными читателями из системы исходного языка. Имеющийся у переводчика образ реально существующего Мира и Мира текста обуславливает как выбор переводческих эквивалентов и переводческих замен, так и установление компонентов ситуации из Мира текста. На N-множественность переводов влияют не только факторы психологического, когнитивного и социокультурного характера, но и имеющиеся у переводчика личностные установки, из-за которых он начинает приписывать оригиналу актуальные (или текущие актуализированные) смыслы, выполняя смысловые замены, которые способны иногда практически полностью преобразовать и / или видоизменить авторский Мир текста. Цель статьи – показать особенности действия принципа смысловых замен и принципа субъективной зависимости (термины А.А. Залевской) на языковое (пере)конструирование Мира текста в целом или его отдельных фрагментов в частности. Материалом исследования послужили переводы произведений русских писателей на английский язык и английских писателей на русский язык.

Ключевые слова: текст, понимание, перевод, интерпретация, смысл, смысловые замены, субъективная зависимость

Многоплановость художественного текста, когда СЛОВО становится его конвенционально-специфической единицей, делает принципиально возможной реализацию одного и того же плана содержания в разных планах выражения, что изначально предполагает направленность на совместное осмысление текста в режиме диалога «автор « читатель».

Поэтическое значение СЛОВА в художественном тексте создается автором как осложнение обыденного слова семантической нагрузкой, когда на общеязыковое значение слова накладываются новые значения. При ориентации на образно-семиотическую составляющую оригинала [Базылев, Сорокин 2000] переводческая деятельность получает дополнительную когнитивно-эмотивную нагрузку. В этом отношении развиваемый на современном этапе междисциплинарный подход к переводу как к процессу и результату позволяет дать его следующее определение:

«Перевод – это общественная функция коммуникативного посредничества между людьми, пользующимися разными языковыми системами, реализующаяся в ходе психофизической деятельности билингва по отражению реальной действительности на основе его индивидуальных способностей интерпретатора, осуществляющего переход от одной семиотической системы к другой с целью эквивалентной, т.е. максимально полной, но всегда частичной, передачи системы смыслов, заключенной в исходном сообщении, от одного коммуниканта другому» [Гарбовский 2004: 214].

Преобладающее долгое время упрощенное понимание перевода как процесса, где оригинал представляет собой только «входной материал», а собственно перевод – «выходной материал» (см. подробнее [Масленникова 2014]), не позволяет объяснить потенциальную N-множественность получаемых переводов и / или притягательность одних и тех же текстов, благодаря чему, например, в англоязычном мире существует 28 полных переводов романа в стихах «Евгений Онегин» А.С. Пушкина, 12 переводов поэмы «Мертвые души» Н.В. Гоголя и 12 переводов пьесы «Горе от ума» А.С. Грибоедова, а в русскоязычном пространстве имеется 34 перевода стихотворения «The Raven» Э.А. По, 20 переводов шекспировской трагедии «Hamlet», 16 переводов романа «A Study in Scarlet» А. Конан Дойля. Каждый из 150 стихотворных переводов шекспировского сонета 66 в той или иной степени раскрывает исходный текст по-разному. Разные способы языкового воплощения (см. об индивидуальном использовании системы языка в [Сиротинина 1986]) позволяют (потенциально) реализовывать один и тот же план содержания в разных планах выражения, но не только многоплановость художественного СЛОВА делает N-множественность текста возможной.

Концепция о системе из пяти составляющих («продюцент – его проекция текста – тело текста – реципиент – его проекция текста» [Залевская 1991: 158]), где деятельность автора-продюцента и деятельность читателя-реципиента изначально будут разнонаправленными в силу их различной мотивации, позволяет объяснить изменения, которым подвергается исходный иноязычный текст в случае двуязычной текстовой коммуникации перевода, и расхождения, которые проявляются при сравнительно-сопоставительном анализе оригинала и его переводов-интерпретаций, выполненными переводчиками, которые могут являться современниками автора или быть отделенными от автора пространственно-временным барьером. Еще в 1929 году Н.А. Рубакин, предложивший новое научное направление, названное им библиопсихологией, писал о том, что читатель является носителем значения текста, а построение читателем его проекции книги (текста) определяется его личностными особенностями восприятия [Рубакин 1929]. Е.Ф. Тарасов полагает, что различия интерпретаций представляют собой «скорее различия вариантов, так как инвариантность интерпретации обеспечивается общностью социального плана носителей языка» [Тарасов 1979: 106]. Например, иерархия антиценностей, сложившаяся в эпоху СССР 1980-х годов, заставляет русскоязычных переводчиков увидеть в строке шекспировского сонета 66 (*And gilded honour shamefully misplac'd*) *Пустоту, чья вся в наградах грудь* (Р. Винонен, 1971) и *срам орденов и галунов* (В. Орел, 1982). Даже в переводах XXI века фигурируют *ордена на платьях у шутов* (В.М. Золин, 2013), а *зло – в лампадах* (С.И. Трухтанов, 2006), что позволяет выйти на представление о войне как о мировом зле. От лица Шекспира переводчик Е.Н. Борисов (2014) не может видеть *олигархов, которые кровь сосут последнюю с планеты*, Ф. Дымов (2007) – *вместо храмов тлен на пепелищах*, В.М. Золин (2013) – *роскошь баснословную воров*.

Поскольку «в художественном тексте осуществляется не индивидуальное языковое представление некоего универсального смысла, а представление личностных смыслов в конвенциональных языковых единицах» [Пищальникова, Сорокин 1993: 4], то перевод становится индивидуальной читательской (переводческой) проекцией, на основе которой уже непосредственно вторичный читатель будет формировать свою собственную проекцию текста и представленного в нем текстового Мира, рефлексировав, таким образом, не над исходным «Шекспиром», «Агатой Кристи» или «Достоевским». Родившийся на территории Царства Польского, которое с 1815 года входило в состав Российской империи, и оказавшийся в Англии после участия в провалившемся восстании 1830 года, первый переводчик поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» Кристин Лях-Ширма / Krystyn Lach-Szygma (1791–1866) опубликовал свой перевод под названием «Home life in Russia» (буквально ‘Домашняя жизнь в России’) в 1854 году, приписав авторство неназванному русскому дворянину, опасавшемуся попасть за свое произведение в Сибирь. Объявив в предисловии, что читатель познакомится с домашней жизнью «древних союзников» и «нынешних врагов» Англии («our ‘ancient allies’ and present foes»), переводчик намеренно «правит» гоголевский текст с тем, чтобы в глазах европейцев показать дикость его героев. Служивший в России на должности секретаря посольства США (1862–1863) американский писатель, журналист и переводчик Б. Тейлор / B. Taylor (1825–1878) переписывает окончание повести «Старые годы» (1857) П.И. Мельникова-Печерского с учетом сложившихся западных традиций массовой культуры, требующей непременно счастливого конца.

Перевод как результат переводческой деятельности отражает непосредственно программу этой деятельности, направленной на достижение определенной цели и результата, в процессе осуществления которой взаимодействуют механизмы многоуровневого когнитивного и коммуникативного контроля, т.е. переводческая деятельность направлена «в вербальном материале <...> как на формальные элементы текста и сличение их с имеющимися в речевом опыте и в системе языка эталонами, так и на “смысловые вехи”, сличение их с имеющимися в жизненном и интеллектуальном опыте индивида понятиями и представлениями» [Ейгер 1990: 50]. Переводческое оперирование СЛОВОМ предполагает опору не только на его имеющийся индивидуальный опыт и (пере)житой социальный опыт и систему знаний, но и на эмоционально-оценочное отношение к ним. Перед тем как отправиться зимой в долгий путь, герой сказки О. Уайльда «The Devoted Friend» (1888) тепло оделся (*he took down his great fur coat, and his warm scarlet cap, and tied a muffler round his throat, and started off*). Предметами зимней одежды стали *great fur coat* ‘мужское пальто на меху’ и *muffler* ‘кашне, шарф’, но *кашне* и привычный для русской культуры *шарф* носят по-разному: *надел теплую шапку, повязал платком горло* (И.П. Сахаров, 1908). Если относительно цвета шапки (*scarlet*) переводчики выбирают разные оттенки красного (*красный, пунцовый, алый*), то относительно выбора эквивалента для верхней одежды героя они проявляют согласие: это *большая шуба* (Ю. Кагарлицкий, 1960; А. Соколова, 1937) и *толстая шуба* (А. Грызунова 2010). В соответствии с русской зимой герою потребовалась *шерстяная шапка* (П.В. Сергеев и Г. Нуждин, 2002). Удалой ямщик из пушкинского романа «Евгений Онегин», облаченный в *тулуп* и *красный кушак*, получил в переводе О. Эммет и С. Макуренковой (1999) *crimson sash*, который часто является деталью костюма удалого и храброго молодца из английской литературы XVII–XIX веков.

Считая, что ядерные ценности культуры сосредоточены в ее ключевых словах, а словарный состав становится своеобразным «ключом» к этносоциологии и психологии культуры, А. Вежбицкая [Вежбицкая 2001], пишет, что определенный набор ключевых слов заключает в себе определенную систему культурных ценностей и отражает принятые и разделяемые в социуме культурно-обусловленные модели поведения. Проанализировав сводные данные «Словаря ассоциативных норм русского языка» и «Русского ассоциативного словаря», Н.В. Уфимцева [Уфимцева 2002] делает вывод о том, что системность и стабильность языкового сознания носителя русского языка поддерживается совпадением 6 слов из первых 10 слов: *человек, хорошо, дом, друг, нет, жизнь*. Упомянутая в шекспировском сонете 66 *моя любовь (Save that, to die, I leave my love alone)* становится при переводе чаще всего именно *другом*. Герой сказки О. Уайльда «The Happy Prince» (1888) вспоминает, что при жизни он играл со своими товарищами-компаньонами (*In the daytime I played with my companions in the garden*). Перевод сказки на русский язык отражают особенности модели *дружба* (см. [Вежбицкая 2001]): *я играл с товарищами в саду...* (Т. и С. Бертенсон, 1909), *я забавлялся в саду с друзьями...* (К. Чуковский, 1960), *играл я с друзьями в саду...* (А. Грызунова, 2010), *я играл с друзьями в саду...* (П.В. Сергеев и Г. Нуждин, 2002), *я играл в саду со своими друзьями...* (Е. Кузьмин). Исключение составляет современный перевод В. Чухно, который сделал акцент на виды игр: *Дни я проводил в саду, играя в разного рода игры со своими приближенными* (В. Чухно, 1999).

А.А. Залевская [Залевская 1988, 2007 и др.] выделяет в качестве фундаментальных принципов, на которых основана работа речевого (языкового) механизма человека, принцип субъективной эквивалентности и принцип смысловых замен, которые обеспечивают предметность через выход на образ мира, контроль правильности идентификации денотатов, укрупнение единиц индивидуального знания, а также компрессию смысла и развертывание смысла.

В переводческой деятельности принцип субъективной зависимости и принцип смысловых замен могут быть увязаны с ситуациями (или наборами ситуаций), которые в той или иной степени представляются знакомыми переводчику, выступающему по отношению к автору оригинала в роли его квази(со)-автора, который при этом подбирает операторные инварианты на основе проводимого анализа ситуации из Мира текста и вывода умозаключений, позволяющих ему в определенной степени прогнозировать и / или задавать дальнейшую личностную проекцию, получаемую вторичным читателем из системы переводящего языка с учетом его системы знаний.

В отдельных случаях можно говорить о типичных переводческих приоритетах в выборе определенных эквивалентов по причине достаточно устойчивого функционирования того или иного слова как достояния индивида (термин из работ А.А. Залевской). Например, наблюдается сложившаяся переводческая традиция передавать разные члены английского синонимического ряда POLICE (*bobbies, bulls, cops, peelers* и др.) на русский язык как *фараоны*: именно такое специфическое разговорно-пренебрежительное наименование полицейских было в ходу в дореволюционной Российской империи. Конечно, за словом *фараон* у пользовавшихся им в ту эпоху стоят определенные закодированные понятия, своего рода идеологемы, связанные также с психологической структурой значения слова (термин из работ А.А. Залевской).

Общность переводческих решений относительно *фараонов* можно объяснить тем, что «для пользующегося языком человека значение слова реализуется через включение его в некоторую более объемную единицу – пропозицию, фрейм, схему, сценарий, событие, ментальную модель и т.п.» [Залевская 2007: 203]. Вариант с *фараоном* или *фараонами* выбирают не только переводчики, как, например, С. Заяицкий (1893–1930), М.Г. Волосов (1895–1941) или С.А. Вершинина (1873–1942), лично заставшие времена Российской империи, когда в глазах обывателей полицейские олицетворяли собой творимый в государстве произвол, или переводчики, как, например, Н. Галь (1912–1991), Р.Е. Облонская (1924–2010) и Е.А. Суриц (1929–2022), жившие в ту эпоху, когда память о прошлой дореволюционной России была жива: *You kin fight in the middle, under the electric light, an 'whichever way the bulls come in we kin sneak the other way*. J. London. *Martin Eden* (1909) → ... *драться будете посередке, под электрическим фонарем, а мы будем смотреть, не идут ли фараоны* (С. Заяицкий, 1929); *Драться можно посередке под фонарем, а появятся фараоны, дадим деру в другую сторону* (Р.Е. Облонская, 1984); *Look at the copper watchin'*. Th. Dreiser. *Sister Carrie* (1900) → *Посмотрите на фараона – не спускает с нас глаз* (М. Волосов, 1927); ... *Basket the butler entered with the information that there was a couple of Peelers downstairs with a warrant from the Queen*. V. Woolf. *Orlando* (1928) → ... *Баскет, дворецкий, явился с сообщением, что внизу ждут двое фараонов с приказом королевы* (Е. Суриц, 1997); *Oh, Jesus, we better beat it outa dis before de cops git here*. Th. Dreiser. *An American Tragedy* (1925) → *Надо поскорей удирать отсюда, пока не явились фараоны!* (Н. Галь, З. Вершинина, 1948).

Несмотря на то, что эту тенденцию продолжают современные переводчики, необходимо отметить, что в XXI веке они начинают постепенно использовать активно вошедшие в русский язык формы *коп* и *копы*, что позволяет сделать вывод о том, что негативное знание о *фараонах* в значении 'полицейские' начинает постепенно уходить из коллективной памяти, что можно проиллюстрировать примерами из переводов романа Д.Х. Чейза «*Consider Yourself Dead*» (1978) на русский язык: *стопроцентный фараон* (М. Савелова, 1995), *стопроцентный упертый бывший коп* (П.В. Рубцов, 2011), *стопроцентный честный коп, хоть и бывший* (Е. Королева, 2020). Таким образом, в коммуникативном контексте СЛОВА со стоящим за ним (индивидуальным) образом мира находят свое отражение личностные и социальные модели коммуникативных ситуаций.

В рамках оппозиций «Я / МЫ / СВОИ» «ОНИ / ЧУЖИЕ» этнонимы могут приобретать дополнительные коннотативные смыслы, манипулирование которыми задает определенный набор фиксированных в массовом сознании интерпретаций. Англоязычные писатели часто высмеивали консерватизм, национализм и узколобий патриотизм британцев. Так, А. Кристи в романе «*The Mystery of the Blue Train*» (1928) подчеркивает, что ее герой постоянно проживает на европейских курортах, где члены высшего общества из британской колонии буквально «присвоили» себе часть чужой страны, но все время возмущается местными жителями и сравнивает их со своими соотечественниками: *He was one of those staunch patriotic Britons who, having made a portion of a foreign country their own, strongly resent the original inhabitants of it*. В российском обществе сложилась тенденция относиться пренебрежительно не только к жителям других стран, но и к жителям российской глубинки и выражать свое к ним отношение, именуя их *аборигенами*: *Наш городской сосед постоянно оскорбляет меня, деревенского жителя, похабным словом «абориген» и гнусно*

смется при этом (Комсомольская правда. 13.02.02); Любой абориген расскажет, как найти излюбленные места гей-тусовок (Комсомольская правда. 22.04.04). Социальное окружение заставляет переводчика использовать в качестве эквивалента для национально окрашенного негативного эвфемизма *original inhabitants* (буквально ‘первоначальные жители’) именно *аборигенов*, основываясь именно на читательском (культурном, социальном, интерсубъективном) опыте реальности, когда СЛОВО приобретает психоэмотивную окрашенность и устойчивые связи с определенными семантическими признаками: *Мистер Эванс принадлежал к тем стойким, патриотически настроенным британцам, которые, проведя почти всю жизнь за границей, никогда не перестают возмущаться характерами и обычаями аборигенов* (С.Н. Шпак, 1991). Используемые в другом переводе *коренные жители* в реплике героя-англичанина по отношению к европейцам заставляет «припомнить» уничтожение коренного населения Америки: *Все французы таковы, – проворчал он, будучи одним из тех стойких британских патриотов, которые, оказавшись в другой стране, начинают возмущаться ее коренными жителями* (В.В. Гирдатов, 2000).

Выводы

Перевод как вторичная интерпретация, реализуемая в виде письменно-фиксируемой личностной (переводческо-читательской) проекции текста, ориентируется на концептуальную систему вторичного читателя из системы принимающего языка. На деятельность переводчика влияют факторы психологического, когнитивного и социокультурного характера, что также обеспечивает N-множественность имеющихся и потенциально возможных переводов. На выбор переводческих эквивалентов и переводческих замен влияние оказывает стоящий за словом образ мира у переводчика как у активного интерпретатора. Выделяемые переводчиками компоненты ситуации зависят от их личностных установок, имеющихся у них как первичных читателей оригинала. Объективные факторы, в том числе историко-временные, и субъективные факторы обуславливают в итоге вторичную концептуализацию и вторичную категоризацию.

© Масленникова Е.М., 2024

Сведения об авторе:

Масленникова Евгения Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры герменевтической лингводидактики и английской филологии, факультет иностранных языков и межкультурной коммуникации, Тверской государственный университет

Контактная информация:

170100, г. Тверь, ул. Желябова, 35 (корпус 10)

ORCID: 0000-0003-3360-8605

e-mail: e-maslennikova@inbox.ru

Для цитирования:

Масленникова Е.М. Смысловые замены и субъективная зависимость в двуязычной текстовой коммуникации // Вопросы психолингвистики №3(61) 2024, С. 37–44, doi: 10.30982/2077-5911-2024-61-3-37-44

Литература

- Базылев В.Н., Сорокин Ю.А.* Интерпретативное переводоведение: пропедевтический курс. Ульяновск: УлГУ, 2000. 134 с.
- Вежбицкая А.* Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001. 288 с.
- Гарбовский Н.К.* Теория перевода. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. 544 с.
- Ейгер Г.В.* Механизмы контроля языковой правильности высказывания. Харьков: Основа, 1990. 184 с.
- Залевская А.А.* Понимание текста: психолингвистический подход. Калинин: Калинин. гос. у-т, 1988. 95 с.
- Залевская А.А.* Введение в психолингвистику. М.: Российск. Гос. гуманитар. ун-т, 2007. 560 с.
- Масленникова Е.М.* Модель перевода // Художественный перевод: Терминологический словарь-справочник. М.: ИНИОН РАН, 2014. С. 100–106.
- Пищальникова В.А., Сорокин Ю.А.* Введение в психопэтику. Барнаул: Изд-во Алтайск. ун-та, 1993. 209 с.
- Рубакин Н.А.* Психология читателя и книги. Краткое введение в библиографическую психологию. М.-Л.: Гос. изд-во, 1929. 308 с.
- Сиротинина О.Б.* Межстилевая и внутрестилевая вариативность языковой системы // Вопросы стилистики. Вып. 21. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1986. С. 3–8.
- Тарасов Е.Ф.* К построению теории речевой коммуникации // Теоретические и прикладные проблемы речевого общения. М.: Наука, 1979. С. 5–147.
- Уфимцева Н.В.* Ядро языкового сознания русских // Межкультурная коммуникация и перевод. М.: МОСУ, 2002. С. 9–12.

UDC 811.111'23

LBC 81.1

DOI 10.30982/2077-5911-2024-61-3-37-44

Research article

SEMANTIC SUBSTITUTIONS AND SUBJECTIVE DEPENDENCE IN BILINGUAL TEXTUAL COMMUNICATION OF TRANSLATION

Evgeniya M. Maslennikova

Tver State University,
Tver, Russia

Abstract

The target text is considered a personal (translation) projection of the source text specially created by its translator for secondary readers belonging to the system of the target language. Thus, translators take into account secondary readers' conceptual systems. At the same time, translators interpret the source text nearly in the same way primary readers from the system of the source language do it. Translators' image of the really existing World and the text World determines both the choice of translation equivalents and substitutions and the

implementation of situation components from the text World. N-multiplicity of translations is influenced not only by psychological, cognitive, and socio-cultural factors, but also by translators' attitudes, because of which they begin to attribute actual (or currently actualised) meanings to the source text while performing semantic substitutions. All added meanings can transform and / or modify the text World created by its author. The purpose of the article is to show how the principle of semantic substitutions and the principle of subjective dependence (terms of A.A. Zalevskaya) influence the (re)construction of the text World done by translators. The study is based on the analysis of translations of works by Russian writers into English and translations of works by English writers into Russian.

Keywords: text, understanding, translation, interpretation, meaning, semantic substitutions, subjective dependence

© Maslennikova E.M., 2024

Bionotes:

Evgeniya M. Maslennikova – Candidate of Philology, Associate Professor of Hermeneutic Linguodidactics and English Philology, Faculty of Foreign Languages and International Communication, Tver State University

Contact information:

170100, Tver, st. Zhelyabova, 35 (building 10)

ORCID: 0000-0003-3360-8605

e-mail: e-maslennikova@inbox.ru

For citation:

Maslennikova E.M. Semantic substitutions and subjective dependence in bilingual textual communication of translation // Journal of Psycholinguistics. 3(61), 2024. P. 37–44. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2024-61-3-37-44 (In Russian)

**ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ ПОЛНОГО ПЕРЕХОДА
НА ОНЛАЙН-ОБУЧЕНИЕ.
ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

Навалихина Адель Исмагиловна
Уфимский университет науки и технологий,
Уфа, Россия

Аннотация

В статье отмечаются преимущества психолингвистических методов при анализе ситуации, сложившейся в образовании. Поднимается актуальный вопрос о важности сохранения традиционного «живого» обучения. С различных позиций рассматриваются риски, которые несет в себе повсеместно внедряемая цифровизация действительности. Анализируются различия восприятия информации учащимися при онлайн и офлайн обучении. Опровергается возможность приравнивания дистанционного формата занятия к традиционному уроку по способам предъявления информации и степени ее усвоения. Приводятся доказательства постепенного сдвига в сторону дигитализации сознания, происходящего в течение последних двадцати лет. Высказывается предположение, что значимость дигитальной модальности в процессах восприятия будет расти, а кинестетической – снижаться, что приведет к усугублению проблемы дигитализации сознания современного человека. Изучаются предпосылки к утрате национально-культурной идентичности общества и деградации национальных языков в случае их дальнейшей американизации. Рассматриваются последствия потери образованием статуса социального института при перекладывании образовательной и воспитательной функций на рекламу и средства массовой информации. Прогнозируется опасность возникновения и прогрессирования психических и физиологических отклонений на фоне полной цифровизации процесса обучения. Приводятся определенные способы предотвращения подобных рисков.

Ключевые слова: модальности восприятия, дигитализация сознания, онлайн-образование, традиционное обучение, глобальный человек

Введение

А.А. Залевская, стоявшая у истоков отечественной психолингвистики, создала собственную оригинальную теорию ментального лексикона, концепцию индивидуального и коллективного знания, модель восприятия текста, концепцию учебного двуязычия, а также воспитала множество учеников и последователей. В рамках данной публикации мы имеем возможность упомянуть лишь некоторых из них: И.Л. Медведева, Н.О. Золотова, С.И. Тогоева, Т.М. Рогожникова, С.В. Лебедева, Т.Ю. Сазонова, Е.Ю. Мягкова.

Мы полностью разделяем мнение А.А. Залевской и ее учеников, что по сравнению с узконаправленными исследованиями, психолингвистический анализ позволяет достичь большей доли объективности, ввиду задействования достижений различных

направлений. И в этом смысле рассмотрение актуальной проблемы применения цифровых технологий в образовательном процессе не может затрагивать только педагогические аспекты, так как речь идет о перекройке сознания будущего поколения. Интеграция методов и разработок различных областей знания, таких как лингвистика, психология, физиология, нейробиология, философия, математика, дает возможность охватить множество аспектов этого сложного вопроса. В начале XXI века стали постепенно внедряться платформы, на которых можно было получить образование дистанционно. Сфера онлайн-образования испытала невероятный подъем в период пандемии коронавируса. В данной статье предпринимается попытка с различных сторон описать потенциальные риски, которые несет цифровизация обучения.

Риск утраты образования как социального института

В настоящее время мы становимся свидетелями того, как образовательные учреждения стремительно теряют авторитет. Цитируя французского философа М. Серра, И.А. Бубнова отмечает, что внутренняя познавательная способность человека, выделявшая его среди всех других биологических видов, переместилась вовне – в компьютер [Бубнова 2018: 98]. Объяснить позицию, занимаемую многими представителями современного поколения, о бессмысленности усердной учебы можно, опираясь на утверждение М. Серра о том, что «знание, оглашаемое с кафедры, и так у всех уже есть. Под рукой. В сети, в Википедии, доступное, где угодно» [цит. по: Бубнова 2018: 99]. Отмечается, что школа и университет уступили образовательную и воспитательную функции рекламе и массмедиа [Бубнова 2018: 97].

Кризис перепроизводства, произошедший в середине XX века, ознаменовал начало эры рекламного бума. В настоящее время целые институты занимаются вопросами разработки эффективных рекламных технологий, часто основанных на манипулировании сознанием. Мы видим, как сфера рекламы конкурирует со сферой образования за влияние на молодых людей. Использование человеком смартфона повышает его чувствительность к воздействию рекламы и мотивирует к большему количеству покупок. Дело в том, что человек воспринимает смартфон как продолжение собственной руки, как часть самого себя и относится к нему с большим трепетом и доверием, чем к стационарным устройствам. Просматривая страницы в телефоне, человек намного вероятнее положит товар в корзину (с целью покупки), чем если бы он просматривал эту же страницу на стационарном компьютере. Сила стремления к непрерывному увеличению продаж – центральной идеи общества потребления – загоняет человека все дальше в цифровую паутину, пытаясь срастить его с цифровой реальностью посредством телефона, который всегда в руках и перед глазами.

Мы разделяем мнение И.А. Бубновой о том, что у российского общества пока еще есть выбор, и процессы, навязываемые западной цивилизацией в рамках глобалистического подхода, еще не стали необратимыми [Бубнова 2018: 101]. К сожалению, политика глобализма все же смогла внедрить некоторые свои идеи в российское общество, частично преуспев в формировании глобального/универсального человека, так называемого «человека-кода». Именно этот код... «человек-код»... является языковым и познавательным выражением современной культуры в новой цивилизации доступа [Бубнова 2018: 98–99].

Идеи, описанные И.А. Бубновой, находят подтверждение в результатах, полученных нами в рамках проведения диссертационного исследования. В 2010 году в ходе анализа

около 700 анкет был выявлен значительный рост числа дигиталов¹ среди молодого поколения [Навалихина 2013] по сравнению с данными А.Ю. Любимова за 2002 г. [Любимов 2002]. Эксперимент, проведенный нами в 2021 г., подтвердил сохранение данной тенденции [Навалихина 2022]. Одним из факторов, способствующих росту числа дигиталов, является престижность обучения в сфере IT и гарантия трудоустройства. Среди будущих специалистов сферы информационных технологий выявлено заметное доминирование дигиталов над кинестетиками, визуалами и аудиалами, хотя сдвиг в сторону преобладания дигитальной модальности в сознании молодежи наблюдается в целом по всем направлениям обучения различных вузов. Несомненно, глобальная виртуализация действительности, зародившаяся в конце прошлого столетия и набирающая обороты в геометрической прогрессии, стала той силой, что заставляет языковое сознание эволюционировать в сторону дигитализации.

Огромному влиянию дигитализации оказалась подвержена структура межличностного взаимодействия: люди теперь намного меньше общаются «вживую», чем раньше. Звонки по телефону не приветствуются в молодежной среде, наиболее приемлемой считается переписка в социальных сетях и мессенджерах. Наблюдается снижение качества коммуникации: чаты в социальных сетях перегружены бесполезными сведениями, ознакомление с которыми отнимает много времени и засоряет каналы восприятия информации. Увеличилось количество цифровых связей с другими людьми, но создание доверительных отношений в реальности теперь представляет для молодых людей большую трудность, чем для предыдущих поколений. Примечательно, что электронная почта уже перешла в разряд устаревших явлений для современной молодежи, так как не отвечает требованию удобства мгновенной интерактивной передачи информации неограниченному числу людей с возможностью безотлагательного отклика.

Крайне важно, что, несмотря на то что резкий рост дигиталов рассматривается нами в негативном ключе, без дигитальной модальности невозможно было бы представить нормальную работу механизмов восприятия у человека – реалистичное, объективное восприятие действительности. Дигитал в первую очередь воспринимает логику, пытается познать суть вещей, предпочитает использовать в речи термины и четкие определения, значение которых он хорошо знает. Оценка событий и поступков происходит в плоскости рациональности, разумности и целесообразности. Однако крайним проявлением подавления дигитальной модальностью других модальностей восприятия можно считать дигитализацию сознания, когда человек сам становится похож на компьютер. Характерными становятся эмоциональная «глухота», черствость, равнодушие к реальной жизни, уход в виртуальную реальность. Дигитал нередко испытывает трудности при «живом» общении или, скорее, не испытывает необходимости в нем. Побег в киберпространство рассматривается как возможность свести пребывание в реальной (более трудной) жизни к минимуму.

Между тем, представить современную жизнь без киберпространства уже невозможно. Обеспокоенность вызывает то, что свободный доступ к виртуальному пространству есть у большинства детей младшего возраста. Важнейшие аспекты

---

¹ Дигиталы – люди, которые воспринимают окружающий мир с помощью логики. Этот тип восприятия характеризуется логическим обоснованием всего, что происходит вокруг. К отрицательным чертам дигиталов можно отнести отчужденность, бесчувственность, оторванность от реальной жизни.

формирования молодой личности, такие как общение и обучение, перешли в цифровой формат. Таким образом, в большей степени глобальная компьютеризация воздействует на еще несформировавшееся языковое сознание будущего члена общества. При переходе в виртуальную реальность образование перестает выполнять социализирующую функцию, что является чрезвычайно важным для нормального развития психики ребенка.

Хочется разделить уверенность И.А. Бубновой в том, что российская система образования способна изменить вектор развития нашего социума. Одним из вариантов выхода из сложившейся ситуации может служить частичный возврат к традиционным методам обучения, особенно на начальном этапе, «сбалансированном использовании электронных средств, тщательной предварительной экспертизе материалов, размещаемых в интернет-пространстве и предназначенных для использования в обучении» [Бубнова 2018: 97].

Риск утраты национально-культурной идентичности и деградации национальных языков

Как уже отмечалось ранее, глобализм пустил свои корни в сознании современной молодежи, навязав идеализацию глобального/универсального человека, так называемого «человека-кода», одной из характеристик которого является свобода от национальной идентичности [Бубнова 2018: 99]. Мы, вслед за И.А. Бубновой, осуждаем распространенное мнение, высказываемое в работах М. Серра, о бессмысленности «попыток сохранять традиционные методы преподавания, а также культурные отличия, характерные для образовательных систем разных стран» [Бубнова 2018: 98].

В российском обществе происходит осознание противоестественности идеи свободы от национальной идентичности, когда под «родиной» понимается место, где человек платит налоги и взамен получает определенные блага. Идея «открытого мира» предполагает потерю ощущения родного государства, а значит и родного языка. Сегодня все чаще обсуждается проблема деградации русского языка и все громче звучат антиглобалистские идеи. Возможно, происходящие в мире события будут способствовать переосмыслению ценностей, насаждаемых в течение последних десятилетий, которые проявляются на культурном и языковом уровнях в виде засорения русского языка, отторжения собственной культуры, неуважения к истории своего народа.

Исследователи сегодня все чаще описывают американизацию русского языка в негативном ключе. Невозможно не согласиться с тем, что многочисленные англицизмы (американизмы), наподобие слов «паркинг» или «рафтинг» могут быть заменены на русские эквиваленты «стоянка» и «сплав по реке» соответственно [Нейвирт 2015]. Несомненно, процесс заимствования слов является неотъемлемой составляющей этапов развития языка. Однако, как отмечает М.В. Константинова, процесс заимствования, благодаря чему язык становился богаче, красивее и точнее, никогда не носил случайный или избыточный характер [Константинова 2015: 202]. К главным причинам негативного отношения к заимствованиям исследователи относят «потерю самобытности языка, потерю культурного единства, внедрение в нее иностранных посылков и традиций, намеренное эксцессивное использование заимствованных лексем, при этом зачастую в неверно истолкованном значении» [Колесников 2018]. Сегодня многие случаи заимствования можно отнести к чрезмерным, неуместным, продиктованным веяниями моды, навязанными рекламой. Это яркое проявление попыток американской экономики

занять доминирующее положение путем подавления культур других стран, попыток заменить уникальную идентичность глобалистическими идеями.

М.В. Константинова приводит показательный пример того, какие ассоциации вызывают слова «смужи и casual» с одной стороны, и «ягоды с молоком и повседневная одежда» с другой, названные на иностранном и родном языке, вызывают совершенно различные ассоциации и, соответственно, ориентируют на разные ценности [Константинова 2016: 204]. Автор говорит о разрушительной силе заимствований из английского языка, о навязываемой необходимости знания английского языка в контексте американской культуры, отмечая при этом, что русский язык оказался не самым восприимчивым к американизации. Гораздо большее влияние, по мнению М.В. Константиновой, испытывает на себе французский язык, историческое развитие которого протекало, как ни парадоксально, в русле пуризма. Пытаясь определить степень разумности употребления заимствованных слов во французском языке, исследователь отмечает, что определенные «заимствования практически не несут в себе никакой дополнительной смысловой нагрузки», причина их использования носит экстралингвистический характер – «авторитет языка-источника, своего рода языковой снобизм» [Константинова 2016: 205]. Пытаясь определить грань между органичным заимствованием и избыточным использованием американизмов, автор отмечает, что «иноязычное слово, а с ним и реалия и метасмысл, все, что окружает слово, органично проникают в язык, культуру, разрушая идентичность» [цит. раб.].

Возвращаясь к утверждению об относительной устойчивости русского языка к влиянию извне по сравнению с французским языком, мы можем предположить, что одной из причин данного феномена может служить не только богатое культурно-историческое наследие русского народа и отсутствие тесных экономических связей с Америкой, но и внутренний мультилингвизм. Русский язык и культура испытывали и продолжают испытывать на себе влияние со стороны многочисленных народов, с давних времен проживающих на территории России и оказывающих влияние на формирование общероссийского сознания и менталитета. Россия считается одной из самых этнически богатых стран, на территории которой проживают более 190 народов, исследование национальных языков которых представляет большой научный интерес. К примеру, исследуя транслингвизм на материале русско-татарско-удмуртского многоязычия, Н.В. Кондратьева и Н.В. Ильина [Кондратьева, Ильина 2023: 1763] указывают на существование ряда полиэтничных регионов, где в речи людей естественным образом используются три или более языков.

Размышляя над будущим русского языка в рамках одного интервью, М.А. Кронгауз отмечает, что нам не грозит судьба Голландии, где английский используется наравне с голландским, подчеркивая, что «сила русского языка опирается, во-первых, на великую русскую литературу, которая имеет вполне современное продолжение, и, во-вторых, на огромную массу ленивых носителей, которые никогда не выучат иностранный язык» [Кронгауз 2021]. Автор считает, что у русского языка могут возникнуть проблемы только по отдельным сферам употребления. Когда, например, ученые используют английский язык из-за удобства или для увеличения количества своих читателей. Исследователь указывает на то, что преимущество русского языка, к неудовольствию многих, состоит в том, что он активно включается в любую сферу, кроме того, он входит в первую тройку языков по охвату страниц в интернете. В целом, автор видит позитивные моменты в том, что русский язык меняется, называя это признаком того, что он жив [цит. раб.].

По нашим собственным наблюдениям, в последнее время происходит усиление влияния американизмов на молодежный сленг и экспансии интернет-терминологии. Заимствованным словам присваиваются грамматические категории русского языка: род, число, лицо, к ним добавляются суффиксы, окончания, приставки (*to fix* – ‘фиксировать’, *to log in* – ‘залогиниться’). Часто студенты ленятся подбирать русские эквиваленты и переводят словосочетание *to fix a problem* не как ‘решить проблему’, а как – ‘пофиксировать проблему’. Однако это не является показателем того, что студенты стали лучше знать английский язык. Слово внедряется в молодежный сленг в узком значении, и, например, словосочетание *to fix a shelf on the wall* вызывает у учащихся недоумение из-за незнания других значений глагола *to fix* – ‘устанавливать, прикреплять, закреплять, фиксировать’. Наблюдается коверкание слов как родного, так и иностранного языка: фразу *it can be done easily* переводят как ‘это можно сделать на изях’. Задача преподавателя, на наш взгляд, состоит в том, чтобы настаивать на подборе русского эквивалента, который бы соответствовал нормам литературного языка. При переводе с английского языка на русский акцент должен делаться на минимальном применении американизмов/англицизмов.

Риск инволюции кинестетического канала восприятия на фоне доминирования цифровой модальности вследствие дигитализации

В 2021 году было проведено психолингвистическое исследование с целью определения динамики доминирования модальностей восприятия в сознании современного человека с применением авторского теста [Навалихина 2022]. Выявлены значительные изменения в иерархии модальностей восприятия в сознании представителей молодого поколения, произошедшие в течение двух периодов (с 2002 по 2010 гг. и с 2020 по 2021 гг.).

Обобщая более чем **двадцатилетний опыт** диахронических исследований в области модальностей восприятия, мы пришли к выводу, представленному на диаграмме (Рис. 1), о том, что:

- *дигиталов становится все больше и больше;*
- *кинестетиков стало меньше во втором периоде;*
- *число визуалов начинает немного увеличиваться;*
- *число аудиалов практически не меняется.*

Результаты исследования первого периода (2002–2010 гг.) показали резкий рост числа дигиталов среди студентов младших курсов, обусловленный в первую очередь активным внедрением цифровых технологий в повседневную жизнь, что детально описано в работе: [Навалихина 2013]. Подробнее остановимся на результатах исследования второго периода (2010–2021 гг.). Установлено, что в течение указанных 11 лет степень задействования кинестетической модальности в процессах восприятия снизилась на 15,5%. Активность цифровой модальности увеличилась на 12%, сохраняя тенденцию прошлого периода. Отмечены рост степени задействования визуальной модальности на 4,5 % и снижение доли участия аудиальной модальности на 1%. Мы наблюдаем продолжение сдвига иерархии модальностей восприятия, вектор которого, в том числе, задается интенсивным внедрением онлайн-технологий в образовательную сферу.

Описанные изменения объясняются тем, что тестирование было проведено в феврале 2021 г. после целого года обучения в цифровом формате. Взаимодействие студентов друг с другом и преподавателем было как никогда опосредовано техническими

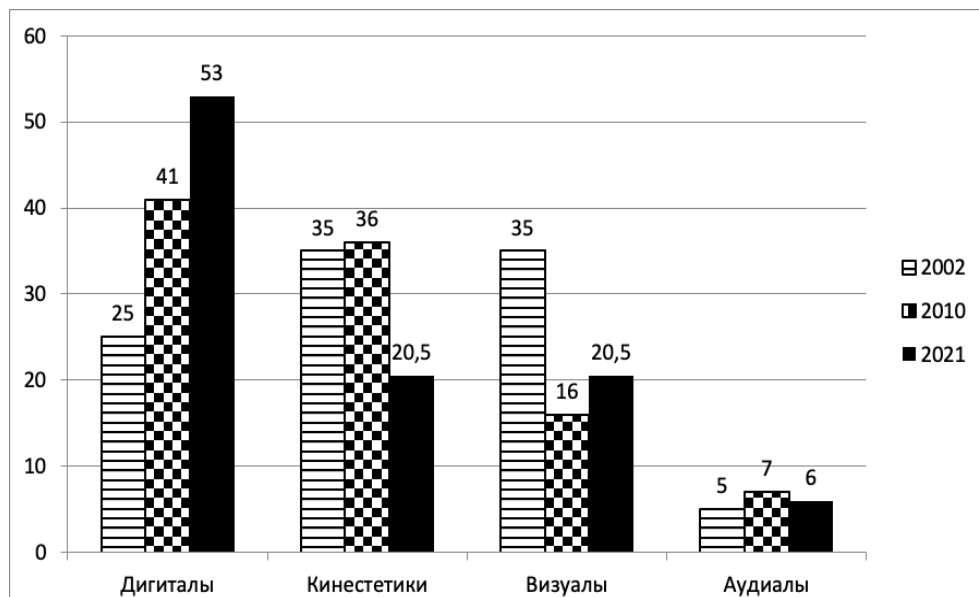

Рис. 1. Диахронические изменения доминирования модальностей восприятия

средствами и компьютерными программами. Роль учителя отошла на второй план, он стал своего рода посредником между компьютером, как основным источником знаний, и учеником. Рост числа дигиталов в сложившейся ситуации можно считать вполне закономерным. Увеличение нагрузки на визуальную модальность на ряду с ростом количества визуалов было вызвано тем, что на большинстве занятий основой служила визуальная составляющая (видеоизображения, фотографии, презентации, таблицы, схемы, тесты). Отметим, что визуальный канал служит основным источником перцепции для дигитальной модальности, не имеющей своего канала восприятия. Аудиальная модальность использовалась гораздо реже, чем при традиционном обучении. В тех случаях, когда аудиальный канал использовался, он служил чаще всего в качестве вспомогательного для визуального канала (например, когда студенты смотрели обучающее видео с фоновым звуковым сопровождением). Представление информации только в звуковом виде (когда преподаватель говорил или включал запись без использования визуальных опор в виде изображений) являлось малоэффективным в онлайн-среде.

Опишем изменения, коснувшиеся кинестетической модальности, для которой практически не осталось места в сложившейся цифровой реальности обучения. Все занятия, и даже те, проведение которых было трудно раньше себе представить в онлайн-формате, были переведены в дистанционный режим. Уроки по физкультуре и лабораторные занятия, которые, в случае проведения «живых уроков», предполагают опору на осязательные ощущения, а иногда и обонятельные ощущения (как на практических занятиях по химии), были заключены в цифровые рамки, что полностью нивелировало «тактильность» восприятия. Подавление кинестетической модальности проявлялось в отсутствии возможности установления эмоциональной связи не только между учителем и учеником, но и между самими учениками.

Эмоциональный вакуум был особенно заметен на занятиях с первокурсниками, у которых не было опыта непосредственного (живого) общения с преподавателем и с одноклассниками, что способствовало усилению коммуникативного барьера и препятствовало возникновению чувства принадлежности группе. В реалиях того периода казалось неуместным проявление чувств, эмоций, а также юмора, который служит частью здорового общения в рамках живого контакта. Между тем, наличие кинестетической модальности восприятия – это именно то, что отличает человека от машины.

Невозможно не согласиться с Н.И. Пушиной, которая, описывая происходящие в современном образовании процессы, рекомендует прислушаться к совету писателя-фантаста А. Азимова и «ценить то, что не должно исчезнуть из жизни – человеческое тепло, участие, общение, сопереживание, ответственность людей друг перед другом, ощущение сообщества людей, прежде всего, а не машин» [Пушина 2020: 243]. Подчеркивая важность сохранения «живого» обучения, отметим, что слово «живой» является одним из ключевых для российской культуры. Н.В. Уфимцева, выделяет такие сочетания, как: «живой разговор, живое слово... живое лицо, ... живой интерес ... живое общение, живой пример ... живая беседа...». Кроме того, автор отмечает, что «русское языковое сознание направлено и на себя, и на другого, в котором оно видит прежде всего друга, хорошего человека. Можно сказать, что сознание русских – это сознание “другоцентрическое”. Русские живут как бы по оси “я–он” и во внутреннем пространстве» [Уфимцева 1996: 161]. А.В. Сергеева, приводя в пример различные пословицы и поговорки, отмечает, что русским трудно без общества. Интересно, что автор предостерегает от злоупотребления слова «коллективизм» в отношении русских, подчеркивая, что истинный коллективизм присущ японцам [Сергеева 2004]. Не стоит забывать и том, что неотъемлемым аспектом коммуникации для носителя русского языка является юмор [Карасик 2023; Нухов 2021; Нухов 2022], в том числе, и при организации образовательного процесса [Шпар, Ризяпова 2023].

Применительно к области образования носителей русского языка и культуры, можно отметить, что психологически комфортная, дружественная атмосфера, разбавленная элементами юмора, в рамках «живого обучения» является существенным фактором, влияющим на результативность обучения. Заставить российского школьника или студента сидеть в одиночестве, проходя обучение, уткнувшись в гаджеты, – значит пойти против его сущности. Онлайн-обучение не может дать ощущение принадлежности учебному заведению, чувство сопричастности и духовной близости, возникающие у людей, присутствующих вместе на занятиях в стенах родного вуза или родной школы. Вероятно, полный переход на онлайн-обучение на постоянной основе будет способствовать дальнейшей дигитализации сознания и снижению доли участия кинестетической модальности в процессах восприятия, что приведет к неизбежной трансформации сознания человека.

Риск снижения образовательного потенциала материала, предьявляемого онлайн

Сложность восприятия информации в интернет-среде в сочетании с переутомлением от непрерывного воздействия гаджетов можно отнести к основным минусам самого процесса обучения в цифровой среде. При этом многие не задумываются над тем, что между уроком в режиме реального времени и виртуальным уроком нельзя ставить знак равенства. Исследование работ подтверждает, что при переносе «живого»

урока в онлайн-среду в неизменном виде эффективность восприятия материала учащимися значительно снижается. Основы планирования онлайн уроков должны кардинально отличаться от того, как преподаватели привыкли вести традиционные занятия. Мы считаем, что необходимо учитывать 3 базовые свойства виртуальной коммуникационной среды Интернета, которые выделяет И.Л. Балымов: «анонимность, телесную непредставленность (специфичность выразительных средств), специфику пространственно-временных координат» [Балымов 2008: 9]. В сфере обучения эти свойства находят проявление в том, что учитель не всегда знает, кем являются его ученики (например, если они занимаются онлайн с самого первого занятия); не может в полной мере установить эмоциональный контакт с учащимися с целью более активного вовлечения в процесс обучения, ввиду «физического отсутствия»; имеет возможность расширить пространственно-временные границы образовательного процесса (например, при асинхронном проведении занятий).

Важно понимать, что эффективное преобразование традиционного урока в онлайн-формат требует определенных знаний в области восприятия информации. Так, В.Н. Панферов и соавторы подчеркивают, что видеолекцию нельзя рассматривать в качестве полноправного аналога аудиторного лекционного занятия ввиду выраженности специфики первой. Своеобразие обучения в формате опосредованного взаимодействия обусловлено «изменением качества социального присутствия субъектов взаимодействия в учебной ситуации», «сокращением возможностей формирования единого смыслового поля в отношении происходящего», «принципиально иными, нежели в условиях непосредственного контакта, механизмами социального познания», «особенностями интерпретации поведения партнеров по взаимодействию и атрибуции им тех или иных личностных качеств на этой основе» [Панферов и др. 2020: 438]. Подробный сравнительный анализ особенностей восприятия при традиционном уроке и онлайн-занятии приводится в работе: [Навалихина 2023].

Таким образом, эффективность восприятия информации, оценка качества предъявляемого материала, уровень доверия к предлагаемой информации и отношение студентов к преподавателю значительно отличаются в зависимости от того, вживую происходит урок или онлайн. При дистанционном обучении эти показатели оказываются гораздо ниже, что указывает на меньшую эффективность данного формата. Отрицательные стороны перехода в дистанционный формат ощущает и преподаватель. Снижение отдачи со стороны учащихся, слишком большое разнообразие платформ для проведения онлайн-занятий, быстрая потеря актуальности учебных материалов (касающихся, например, развития информационных технологий), выход учебного процесса за рамки рабочего времени, необходимость быть в онлайн доступе круглые сутки – все это психологически и физически выматывает преподавателя, который еще не выработал способы защиты своего организма от негативного воздействия постоянного нахождения в виртуальной среде.

Риск возникновения психических и физиологических отклонений на фоне цифровизации образования

Изменения в языке и восприятии, как правило, бывают взаимосвязаны с психофизиологическими преобразованиями. Существует ряд исследований, проведенных в разных частях земного шара, указывающих на прямую связь между полным переходом на онлайн-обучение и ухудшением психического состояния людей [Child in Digital...2021; Evans et al. 2021; Fawaz et al. 2021; Kalayasiri 2021; Ogurtsova

et al. 2021]. Нами так же было замечено, что студенты после выхода из годового периода самоизоляции испытывали трудности в коммуникации на занятиях, вели себя заторможенно, мотивация к обучению была снижена.

Е.В. Огурцова и соавторы по результатам исследования случаев госпитализации подростков в психоневрологическое отделение одной из московских больниц в период с ноября 2020 по февраль 2021 гг. считают дистанционное обучение одним из факторов, провоцирующих нервно-психические расстройства у подростков [Ogurtsova et al. 2021]. С. Эванс и соавторы, проводившие исследование последствий локдауна, введенного из-за распространения коронавируса, на основе данных самоотчета, полученных от 254 студентов одного из британских университетов, выявили усиление симптомов депрессии и беспокойства у участников, наряду с ухудшением общего самочувствия. Авторы также приводят данные по другим странам, где отмечалось учащение случаев бессонницы, обострение чувства одиночества, увеличение употребляемого алкоголя в период самоизоляции. Отмечается, что молодежь больше подвержена негативному влиянию, чем люди старшего поколения [Evans et al. 2021]. Вероятно, одной из главных причин возникших проблем стала необходимость постоянного нахождения в ограниченном пространстве и осуществление большинства видов деятельности посредством компьютера и интернета. Потоки огромного объема негативной информации относительно происходивших событий никак и никем не ограничивались, что не могло не отразиться на психическом состоянии людей.

Возможно, в качестве некой психической защиты возникло и развивается такое явление, как «цифровой детокс», подразумевающий временный сознательный отказ от использования цифровых устройств с целью снятия психоэмоционального напряжения, погружение в реальное общение или творчество. По-видимому, мы живем в то время, когда человек пытается осознать свое место в новом мире и выработать режим конструктивного взаимодействия с виртуальной реальностью, в которой он вынужден воспринимать колоссальные объемы информации.

Человек на протяжении всей жизни нуждается в социализации, но особенно остро эта необходимость ощущается в детском возрасте для правильного развития психики и в подростковый период, когда отсутствие или ограничение контактов с людьми может усугубить проблемы, актуальные для данного этапа взросления. Исследователи со всего мира пытаются определить место ребенка в цифровом пространстве, выявить преимущества и риски раннего приобщения к интернет-среде [Child in Digital...2021]. В школах и в некоторых сферах деятельности постепенно вводят запрет на использование смартфонов в учебное/рабочее время. Осознание правильности подобных решений происходит на фоне появления все большего количества исследований, указывающих на то, что регулярное длительное нахождение в интернет-среде провоцирует возникновение, с одной стороны, дофаминовой зависимости, а с другой – усиление чувства тревоги, беспокойства и одиночества. Автором настоящей статьи в процессе проведения очных занятий по английскому языку было замечено, что большинство студентов, выходящих к доске с ответом (как перед аудиторией, так и лично перед преподавателем), берут с собой смартфон, объясняя это тем, что так они чувствуют себя спокойнее и безопаснее. Между тем, в научный обиход уже вошло такое понятие, как «номофобия», означающее страх остаться без телефона.

К проблемам физиологического характера можно отнести не только нарушение зрения и осанки, которые возникали и раньше из-за малоподвижного образа жизни,

но и синдром «компьютерной шеи» – понятие, возникшее относительно недавно, и характеризующее неестественную специфичную позу человека за цифровым устройством (чаще – смартфоном), когда шея вытянута вперед, а голова опущена вниз. Неправильное положение шеи при использовании смартфона значительно усиливает нагрузку на шейные отделы позвоночника и со временем провоцирует мышечные зажимы, сосудистые спазмы и гипоксию. Примечательно, что в цепочке гаджетов «телевизор – компьютер – смартфон» наибольшим злом сегодня считается смартфон, а телевизор уже практически реабилитирован как оказывающий наименьшее воздействие.

Выводы

Сегодня, спустя время, опираясь на накопленный опыт, мы можем дать объективную оценку обучению в виртуальной среде. Анализ рисков, которые несет в себе полный переход на получение образования онлайн, показал жизненную необходимость сохранения традиционного «живого» обучения. При грамотном внедрении дистанционный формат может служить эффективным дополнением, но не приоритетным направлением в сфере образования. Сравнительно-временное исследование модальностей восприятия дало нам возможность выявить глубинные изменения в сознании индивида, происходящие под влиянием глобальной цифровизации образования и определить направленность вектора в сторону дигитализации сознания. Сегодня общество еще имеет возможность корректировать происходящие изменения. Осознавая существующие тенденции и предпринимая меры по сохранению вуза и школы как социальных институтов, вводя нормы пребывания в интернет-среде, повышая интерес к культуре и истории собственного народа, российское общество имеет все шансы не утратить национально-культурную идентичность, сохранить психическое здоровье и предотвратить интеллектуальную и нравственную деградацию своих представителей.

© **Навалихина А.И., 2024**

Литература

Бальмов И.Л. Социальное познание в ситуации интернет-общения: автореф. дис. ... канд психол. наук. СПб., 2008. 21с.

Бубнова И.А. Проблемы современного образования: психолингвистический аспект // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2018. № 4 (32). С. 94–103, doi: 10.25688/2076-913X.2018.32.4.12.

Карасик В.И. Комическая констатация: содержательные типы // Коммуникативные исследования. 2023. Т. 10. № 3. С. 443–455, doi: 10.24147/2413-6182.2023.10(3).443-455.

Колесников А.Е. Язык сети Интернет и американизация русского языка // Молодой ученый. 2018. № 20 (206). С. 446–448. URL: <https://moluch.ru/archive/206/50324/>. Дата обращения: 15.05.2024.

Кондратьева Н.В., Ильина Н.В. Транслингвизм как повседневная практика (на материале русско-татарско-удмуртского многоязычия) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. № 6. С. 1762–1766, doi:10.30853/phil20230261.

Константинова М.В. Американизация европейских языков как угроза утраты идентичности (на примере современного русского и французского языков) // Вестник Костромского государственного университета. 2016. Т. 22. № 2. С. 202–206.

Кронгауз М.А. Культура речи. 2021. URL: <https://www.culture.ru/materials/173675/kultura-rechi?ysclid=lu477yd8rw518913601>. Дата обращения: 15.05.2024.

Любимов А.Ю. Мастерство коммуникации. М.: КСП+, 2002. 320 с.

Навалихина А.И. Ассоциативная структура значения слова и модальности восприятия: дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2013. 193с.

Навалихина А.И. Тест на определение ведущей модальности восприятия с целью применения в сфере образования // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2022. № 3. С. 192–204, doi:10.15593/2224-9389/2022.3.16.

Навалихина А.И. Особенности процесса восприятия во время традиционного занятия и онлайн урока // Теория и практика языковой коммуникации. Уфа: УУНиТ, 2023. С. 135–140.

Нейвирт Н. И. Проблема «американизации» языка в массовых коммуникациях (на примере региональной прессы) // Современная парадигма гуманитарных исследований: проблемы филологии и культурологи: сборник научных статей. М.: «Перо», 2015. С. 251–254.

Нухов С.Ж. Некоторые темы и объекты насмешек в русских анекдотах // Доклады Башкирского университета. 2021. Т. 6. № 6. С. 384–392, doi:10.33184/dokbsu-2021.6.5.

Нухов С.Ж. Каламбур в русском анекдоте // Доклады Башкирского университета. 2022. Т. 7. № 6. С. 411–425, doi:10.33184/dokbsu-2022.6.9.

Панферов В.Н., Безгодова С.А., Васильева С.В., Иванов А.С., Микляева А.В. Интерпретация поведения преподавателя в условиях непосредственного и опосредованного взаимодействия со студентами // Индивидуальное, национальное и глобальное в сознании современного человека: новые идеи, проблемы, научные направления. М.: Ин-т психологии РАН, 2020. С. 438–447, doi:10.38098/univ.2020.55.72.032.

Пушина Н.И. Цифровые образовательные технологии в научной фантастике и в современном учебном процессе (на материале рассказов А. Азимова “the fun they had” и “someday”) // Теория и практика языковой коммуникации. Уфа: УГАТУ, 2020. С. 237–244.

Сергеева А.В. Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность. М.: Наука, 2004. 328 с.

Шпар Е.В., Ризяпова Э.М. Комические креолизованные тексты карикатур как средство формирования лексико-грамматических навыков в процессе обучения иностранным языкам // Теория и практика языковой коммуникации: материалы XV Международной научно-методической конференции. Уфа: УУНиТ, 2023. С. 218–232.

Уфимцева Н.В. Русские: опыт еще одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. Изд. 2-е испр. и доп. М.: «Эйдос», 1996. С. 139–162.

Child in Digital World: The International Psychological Forum: Book of Abstracts. Moscow: Moscow University Press, 2021. 194 p.

Evans S., Alkan E., Bhangoo J. K., Tenenbaum H., Ng-Knight T. Effects of the COVID-19 Lockdown on Mental Health, Wellbeing, Sleep, and Alcohol Use in a UK Student Sample. *Psychiatry Research*, V. 298. 2021, doi.org/10.1016/j.psychres.2021.113819. URL: www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0165178121001165. Дата обращения: 18.08.2024.

Fawaz M., Samaha A. E-learning: Depression, anxiety, and stress symptomatology among Lebanese university students during COVID-19 quarantine. *Nurs Forum*. 2020. N 56

(1), P. 52–57. doi: 10.1111/nuf.12521. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/nuf.12521>; <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/33125744/>. Дата обращения: 18.08.2024.

Kalayasiri R. Depression and Anxiety Plus Levels of Stress among Secondary School Students during the COVID-19 Lockdown: An Online CrossSectional Survey. 2021. Journal of Health Science and Medical Research. N 40 (2), doi:10.31584/jhsmr.2021824

Ogurtsova E., Zyavkin I., Sadykova A. Distance learning as a factor of negative influence on the development // International psychological forum. 2021 <https://www.morressier.com/o/event/618275e5c0df950013fbb63c/article/618aaeaa4a84e7b4701d81d4>. URL: <https://doi.org/10.26226/morressier.618aaeaa4a84e7b4701d81d4>. Дата обращения: 18.08.2024.

Serres M. Petite poucette. Paris: Le Pommier. 2012. 82 p.

Сведения об авторах:

Навалихина Аделя Исмагиловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры инновационных технологий языковой коммуникации, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»

Контактная информация:

450076, Россия, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д.36

ORCID: 0000-0002-9473-1677

e-mail: Adellinal@yandex.ru

Для цитирования:

Навалихина А.И. Потенциальные риски полного перехода на онлайн-обучение. Психолингвистический анализ // Вопросы психолингвистики №3(61) 2024, С. 45–58, doi: 10.30982/2077-5911-2024-61-3-45-58

UDC81'23

LBC 81.003

DOI 10.30982/2077-5911-2024-61-3-45-58

Research article

**TOTAL ONLINE EDUCATION POTENTIAL RISKS.
PSYCHOLINGUISTIC ANALYSIS**

Adele I. Navalikhina

Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Russia

Abstract

The advantages of psycholinguistic methods when analyzing the situation in education are described in the article. A relevant issue concerning the importance of getting education in the traditional “live” environment is raised. The total reality digitalization hazards are discussed from several points of view. The differences between information perception during online and offline education are analyzed. The idea that distant learning is the same as traditional learning when it comes to information presentation ways and the degree of information comprehension is refuted. The evidence of the twenty-year-long gradual shift

to consciousness digitalization is given. According to the achieved results digital modality engagement in perception process will increase, while that of kinesthetic one will decrease, which will lead to exacerbation of the problem of modern people consciousness digitalization. Prerequisites to cultural and ethnic identity loss and national languages degradation within the societies in case of continuing americanization are studied. The outcome of school and university influence weakening, being replaced by advertising and mass media, is described. Hazards of mental and physiological disorders emerging and evolution due to the fully digitalized education are forecasted. Some of the possible solutions to prevent risks are given.

Keywords: perception modality, consciousness digitalization, online education, traditional education, global person

© Navalikhina A.I., 2024

Bionotes:

Adele I. Navalikhina – Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor of Innovation Technologies of Language Communication Department, Ufa University of Science and Technology

Contact information:

Zaki Validi str., 36, Ufa, Russia, 450076

ORCID: 0000-0002-9473-1677

e-mail: Adellinal@yandex.ru

For citation:

Navalikhina A.I. Total online education potential risks. Psycholinguistic analysis // Journal of Psycholinguistics. 3(61), 2024. P. 45–58. Available from: doi:10.30982/2077-5911-2024-61-3-45-58 (In Russian)

**О ДВУХ ПОДХОДАХ К ПРОБЛЕМЕ ПОНИМАНИЯ ТЕКСТА:
КОНЦЕПЦИИ А.А. ЗАЛЕВСКОЙ И А.И. НОВИКОВА**

Нестерова Наталья Михайловна

Пермский национальный исследовательский политехнический университет,
Пермь, Россия

Котельникова Анастасия Николаевна

Пермский национальный исследовательский политехнический университет,
Пермь, Россия

Аннотация

Статья посвящена теоретическому обзору двух концепций понимания текста в рамках психолингвистического направления исследований, а именно, теорий А.А. Залевской и А.И. Новикова. Сопоставительный анализ трудов ученых по заявленной проблематике позволил определить и кратко описать основные закономерности процесса понимания, выделяемые обоими учеными. Основополагающими принципами, по мнению обоих авторов, являются активная роль реципиента в процессе восприятия текста, многоплановость и имплицитность самого процесса понимания, механизм которого, благодаря его двойственной природе, можно сравнить с проекцией. Анализируя процесс понимания текста, исследователи подчеркивают важную роль ключевых слов как доминантных единиц текста, как материальных «носителей смысла», обеспечивающих свертывание и развертывание информации, содержащейся в тексте. Детальный анализ позволил показать, что и А.А. Залевская, и А.И. Новиков подчеркивают актуальность и значимость использования междисциплинарного подхода для исследования проблемы понимания и разработки интегративной модели для его описания. В статье приводится краткое описание моделей понимания, разработанных учеными в рамках их экспериментальных изысканий: спиралевидная модель А.А. Залевской и интерактивная модель А.И. Новикова, получившие развитие в работах их учеников. В качестве общего вывода авторы статьи предлагают рассмотреть перспективу интеграции этих двух направлений исследований в рамках психолингвистики текста, что гипотетически могло бы обеспечить комплексный системный подход к решению «вечной» проблемы понимания.

Ключевые слова: понимание, интегративный подход, психолингвистика, смысл, содержание, ключевые слова

Введение

«Загадка человеческого понимания» – одна из «вечных», разгадать которую, как известно, пытались еще древние греки, заложив основы философской герменевтики. Прошло не одно тысячелетие, а «загадка» все еще до конца не разгадана, хотя появилось много гипотез относительно того, КАК и ЧТО мы понимаем. Одним

из объектов нашего понимания является ТЕКСТ, который имеет много ипостасей – как традиционных вербальных, так и невербальных. Сегодня «сложноустроенным» текстом считается вся культура и в определенной мере весь мир, который мы пытаемся в той или иной степени понять. Но в этом огромном текстовом мире (пространстве) есть «традиционные» тексты – те, что мы привыкли называть текстами – письменные и/или устные. Проблеме именно их понимания и были посвящены исследования двух отечественных ученых – Александры Александровны Залевской и Анатолия Ивановича Новикова, внесших неизмеримый вклад в исследование этой проблемы. Они оба искали ответы на два главных вопроса, которые были приведены выше: что и как мы понимаем? В данной статье делается попытка проанализировать подходы двух исследователей к пониманию феномена текста (его природы и его понимания), выявить «точки пересечения» предложенных авторами концепций и попробовать их интегрировать. Материал нашего анализа – научное наследие двух выдающихся отечественных ученых-психолингвистов, каждый из которых внес существенный вклад в осмысление феномена текста.

Сопоставительный анализ подходов к проблеме понимания текста

Основная проблема, которая объединяет два имени – Александры Александровны Залевской и Анатолия Ивановича Новикова, – это проблема понимания текста, о чем говорят и названия их монографий «Текст и его понимание» [Залевская 2001] и «Текст и его смысловые доминанты» [Новиков 2007], созданных практически в одно время (монография А.И. Новикова была написана в 2003 г., но увидела свет только в 2007, т.е. четыре года спустя после ухода автора из жизни). Даты написания монографических работ свидетельствуют о том, что ученые работали параллельно и, несомненно, были хорошо знакомы с трудами друг друга. На наш взгляд, сопоставительный анализ научного наследия двух представителей отечественной психолингвистики позволит приблизиться к тому интегративному подходу, который они оба рассматривали в качестве необходимого условия для создания психолингвистической теории текста. Для проведения такого сопоставительного анализа нами было выбрано несколько аспектов, которые объединяют концепции обоих исследователей. Такими «соприкасающимися гранями», своего рода «точками пересечения», являются: констатация необходимости междисциплинарных исследований и создания интегративного подхода; признание активной роли реципиента и его внутреннего мира в процессе понимания текста; рассмотрение понимания как «проекции»; изучение роли ключевых слов в понимании.

Ниже представим поаспектный анализ двух авторских подходов к вышеуказанной проблеме. Начнем с концепции А.А. Залевской.

«Смотреть разумным взглядом»: концепция А.А. Залевской

«Смотреть разумным глазом (Завещание А.А. Залевской)» – это заголовок, под которым в 2021 г. в журнале «Вопросы психолингвистики» было опубликовано небольшое посвящение, с любовью написанное учениками в память об их Учителе и Наставнике [Смотреть разумным ... 2021: 8]. В этом небольшом по объему очерке был отмечен большой интерес А.А. Залевской к феномену текста. Авторы подчеркивают, что для нее как ученого главным в изучении текста и его понимания было осознание необходимости интегративного подхода, поскольку и сам текст, и его понимание – явления комплексные и многогранные.

Как уже отмечалось, в 2001 году выходит монография А.А. Залевской «Текст и его понимание», в которой находят отражение размышления автора о Тексте.

Прежде всего автор отмечает наличие разных исследовательских подходов к изучению текста, а именно: «1) логико-лингвистический подход (понимание как аргументативный анализ); 2) системно-семиотический подход (понимание как перевод); 3) герменевтический подход (понимание как пробуждение рефлексии); 4) когнитивный подход (понимание как построение ментальной модели); 5) подход с позиций психопозитики (понимание как выявление личностного смысла); 6) психолингвистический подход (понимание как построение проекции текста)» [Залевская 2007: 398]. Особую важность для психолингвистических исследований природы и закономерностей процесса понимания представляют три последних направления. А.А. Залевская предлагает анализировать текст с опорой на идею внутреннего лексикона человека и особенностей индивидуального знания. В своих исследованиях текста она обращается к широкому спектру теоретических основ, которые лежат в основе метатеории текста. В первую очередь, это философия языка, герменевтика и феноменология. Феноменологический подход акцентирует внимание на субъективном опыте восприятия текста, на его смысловых связях с индивидуальным миром читателя. А.А. Залевская также обращается к семиотическим и системным теориям (теория функциональных динамических систем), которые позволяют анализировать текст как сложную систему знаков. Ключевую роль в построении теории текста в ее исследованиях играла и концепция «семиозиса». Это направление, исследующее процессы функционирования знаковых систем, позволяет рассмотреть текст как систему знаков, взаимосвязанных и взаимодействующих друг с другом.

Такое разнообразие подходов к пониманию феномена текста ведет, по мнению А.А. Залевской, к необходимости интегративного подхода, в рамках которого можно было бы разработать специфическую «систему координат», базирующуюся на единой теории психических процессов и тем самым трактующую язык как одну из составляющих сложной динамической системы взаимодействия «тела» и «души», индивида и социума, вербального и невербального, осознаваемого и неосознаваемого и т.д. Свою цель А.А. Залевская видит в исследовании характеристик текста и его понимания с точки зрения обычного, «наивного» носителя языка, а не «искушенного» лингвиста, что требует пересмотра некоторых традиционных методик исследования текста и расширения их потенциала путем внедрения инструментария и некоторых приемов из смежных областей науки.

Второй аспект, выделенный нами как общий в концепциях А.А. Залевской и А.И. Новикова, – это активная роль реципиента и его внутреннего мира в процессе понимания текста.

Обращение А.А. Залевской к психологическим концепциям, таким как психология памяти и специфика живого знания, позволяет ей подчеркнуть в своих работах уникальность человеческого познания, его активный, творческий характер. В контексте понимания текста это означает, что человек не просто пассивно воспринимает текст, а активно «строит» его смысл, опираясь на свой опыт, знания, ценности. Таким образом, пишет А.А. Залевская, текст как бы «воздействует» на сознание человека, его концептуальную систему, заставляя реципиента обращаться к своему вербальному и невербальному, перцептивному, когнитивному и аффективному опыту (личному, но включенному в социальные взаимодействия) при обязательном сочетании понимания с переживанием понимаемого. Сама природа человека подразумевает, что с развитием его когнитивных способностей проявляется так называемая «тяга к осмысленности».

Восприятие и понимание, согласно А.А. Залевской, не являются «пассивным копированием» внешнего сигнала или воздействия, это живой «пульсирующий», творческий процесс, интенциональный и динамичный по своему характеру; восприятие информации протекает симультанно с процессом категоризации в сознании индивида: как в узком плане – категоризации отдельных перцептивных элементов формы, так и в широком – смысловой и морально-этической категоризации. Другими словами, реципиент как бы конструирует личностный смысл воспринятого, проецируя знание, содержащееся в тексте, на свой субъективный опыт – индивидуальный и социальный. Таким образом, понимание – это проекция, что также является точкой пересечения в работах двух исследователей.

Идея встречного конструирования как процесса построения проекции текста (или образа содержания текста [Леонтьев 1997]), базируется на достижениях отечественной и мировой науки, в том числе – психологии (А.Г. Асмолов, Ф. Бартлетт, Н.И. Жинкин, П.И. Зинченко, В.П. Зинченко, А.Н. Леонтьев, А.А. Леонтьев, Б.Ф. Ломов, А.Р. Лурия, А.А. Смирнов, С.Д. Смирнов и др.), физиологии активности (Н.А. Бернштейн, П.К. Анохин), библиопсихологии (Н.А. Рубакин).

А.А. Залевская определяет проекцию текста как «ментальное образование (концепт текста, смысл текста как цельность / целостность), продукт процесса смыслового восприятия текста реципиентом, в той или иной мере приближающийся к авторскому варианту проекции текста» [Залевская 2007: 409]. Проекция текста «формируется, трансформируется, пересматривается при взаимодействии множества факторов» [Залевская 2005: 434].

Сам процесс смыслового восприятия происходит при постоянном взаимодействии внешнего и внутреннего контекстов с опорой на прошлый опыт и механизм вероятностного прогнозирования. Взаимодействие внешнего и внутреннего контекстов обеспечивает необходимую для говорящего и слушающего инвариантность смысла текста. Понимание текста не происходит как его постепенная «сборка» из некоторых «блоков»; понимание не идет по пути суммирования отдельных компонентов смысла к общему смыслу. С самого начала восприятия текста смысл дан в своей целостности, которая по мере восприятия и понимания дифференцируется, уточняется, изменяется под воздействием внешнего и внутреннего контекста. И опорами для успешного понимания текста (т.е. для изменения его проекции в нужном «направлении») в разных условиях могут служить отдельные единицы смысла, ключевые слова, заголовок, ситуация восприятия текста, элементы предшествующего опыта обращения к подобным текстам и т.д.

Ключевые слова как опора в понимании текста – это еще одна точка пересечения в подходах к изучению текста А.А. Залевской и А.И. Новикова.

Известно, что А.А. Залевская придавала особое значение отдельному слову, его роли в процессе понимания текста. Приведем ее цитату: «...слово при его функционировании в индивидуальном лексиконе как самоорганизующейся системе выполняет роль, сравнимую с ролью лазерного луча при считывании голограммы: оно „высвечивает“ определенный условно-дискретный фрагмент континуальной и многомерной индивидуальной картины мира во всем богатстве связей и отношений, полнота которых обеспечивается в разной мере осознаваемой опорой на прямые и/или опосредованные выводные знания и переживания разных видов» [Залевская 1998: 53].

Говоря о понимании текста, А.А. Залевская подчеркивает важность ключевых слов, которые она называет ориентирами, направляющими процесс понимания текста. Они создают «преднастройку для лучшего понимания» текста, а также являются «точками контакта» информационного сообщения с системой знаний реципиента [Залевская 1987: 48]. Ключевые слова активизируют ассоциативный механизм реципиента, благодаря которому из долговременной памяти извлекаются хранящиеся там знания и «запускается» процесс смыслообразования. В результате теоретических и экспериментальных исследований А.А. Залевская разработывает спиралевидную модель идентификации слова и понимания текста, которая позволяет изучать различные стратегии и опоры, используемые носителями языка при понимании текстов разных видов и определения их смысла.

Таким образом, мы попытались выделить и кратко рассмотреть наиболее важные аспекты проблемы понимания текста, как они отражены в концепции А.А. Залевской. Ниже приводится анализ аналогичных аспектов в концепции А.И. Новикова.

Психолингвистическая теория текста А.И. Новикова

Научные интересы Анатолия Ивановичи Новикова всегда были связаны с текстом и его семантикой, обе его монографии – «Семантика текста и ее формализация» (1983) и «Текст и его смысловые доминанты» (2007) – посвящены именно тексту и проблеме его понимания. И если в первой книге главной проблемой была попытка алгоритмизации процесса понимания и разработки способа формального представления содержания текста, то во второй работе ученый обращается к феномену смысла как результату понимания. Временная дистанция между написанием монографий составляет 20 лет, в течение которых исследователь не только размышлял над природой текста, но и проводил экспериментальные исследования процесса понимания, результатом которых стала разработанная им методика «встречного текста», доказавшая свою эффективность в исследованиях, проводимых его учениками (см. Н.П. Пешкова, Д.Р. Гилязова, Я.А. Давлетова, И.Х. Мигранова, А.В. Моисеева, А.С. Титлова) [Новые формы... 2023].

Сам А.И. Новиков называл собственную концепцию текста психолингвистической, противопоставив ее лингвистической теории текста 70-х годов двадцатого столетия. Основное различие лингвистики текста и психолингвистики текста заключается в объекте исследования. Для лингвистики текста объектом изучения служит текст в его статическом состоянии, а для психолингвистических исследований интерес представляет динамическое состояние текста. А.И. Новиков рассматривает именно динамическое состояние, когда происходит взаимодействие текста и личности, его воспринимающей. Поэтому ученый считает, что такое направление можно назвать «психолингвистикой текста». Исходя из цели нашего анализа двух подходов к проблеме понимания, рассмотрим, как те аспекты, которые нами были выделены для сравнения, представлены в концепции А.И. Новикова. Сохраним тот же порядок, который был использован выше при описании концепции А.А. Залевской.

Первый аспект – это интегративный междисциплинарный подход к изучению текста. Необходимость такого подхода А.И. Новиков подчеркивал неоднократно, он считал, что только междисциплинарный подход может приблизить нас разгадке формирования смысла как результата понимания.

Хорошо известно, что смысл – понятие очень многогранное, далеко не однозначное, дать ему строгое научное определение практически невозможно. Мы

говорим о смысле в совершенно разных ситуациях, поскольку наше существование подразумевает осмысление не только текстов, но и разных форм действительности: социальной, ментальной, материальной, в наши дни еще и виртуальной. Изучением смысла занимаются ученые многих областей науки, примеры работ которых А.И. Новиков приводит в своей монографии «Текст и его смысловые доминанты», в разделе «Смысл как междисциплинарный объект исследований» [Новиков 2007: 31]. Ученый, как и А.А. Залевская, анализируя работы, посвященные проблеме смысла, обращается к философским трудам (аналитическая философия, феноменология, экзистенциализм); психологическим и лингвистическим исследованиям, рассматривает он и «кибернетический» подход к понятию «смысл». В результате анализа разных «отраслевых» концепций смысла ученый приходит к выводу о необходимости интегративного подхода, способного «растворять» междисциплинарные перегородки при изучении таких абстрактных и имплицитных явлений, каким является смысл.

Второй аспект, который мы рассматриваем, – это активная роль реципиента и его внутреннего мира в процессе понимания текста.

В концепции текста А.И. Новикова данный аспект, возможно, является наиболее важным. Ученый постоянно подчеркивает, что человек как носитель языка является активным субъектом познания, наделенным индивидуальным и социальным опытом, системой информации о мире, на основе которой он осуществляет коммуникацию. Именно при восприятии и понимании реципиент не является пассивным участником процесса, но играет активную роль, создавая свой внутренний «встречный текст» и тем самым вступая в «диалог» с воспринимаемым текстом, с автором и с самим собой [Пешкова 2018]. Зафиксированный с помощью экспериментальной методики «встречный текст» можно сравнить со своего рода «протоколом» или экспликацией внутренней речи. «Встречный текст» – это не пересказ, а результат уникального диалога реципиента с текстом. В нем проявляются индивидуальные особенности личности, ее знания, опыт, ценности, которые влияют на восприятие и интерпретацию информации, полученной реципиентом из текста.

Следующий аспект, который был нами выбран – это представление о понимании как «проекции». Именно понятие проекции позволило А.И. Новикову дать четкие определения содержанию и смыслу текста. В своих исследованиях ученый исходил из постулата о том, что главным фактором понимания является целостность как фундаментальное свойство текста. Целостность текста задается целостностью содержания, соответственно, не текст как таковой целостен, а целостен образ его содержания, который формируется в сознании не только как результат проекции текста на сознание, но и как встречающая проекция сознания на текст в виде определенных ментальных структур, в частности, системы предметных связей и отношений.

Принципиальное различие смысла и содержания как ментальных образований заключается в направлении проецирования: содержание – это проекция текста на сознание, а смысл – это проекция сознания на текст. Названные проекции (текста на сознание и сознания на текст) могут быть как разделены, так и не разделены во времени, они являются взаимосвязанными и переплетенными друг с другом. Однако способы представления этих проекций различны. Отсюда ученый делает вывод, что смысл удобно исследовать, противопоставляя его содержанию.

Смысл, как полагает А.И. Новиков, – это способ членения мира в сознании, при этом существуют одновременно различные способы членения мира. Им соответствуют

способы репрезентации такого членения в памяти и сознании человека, возможно, и свои языки внутреннего представления. Такое различие репрезентаций связано с различием тех жизненных задач, которые приходится решать, с необходимостью ориентироваться в мире, быть готовым к переживанию самых неожиданных ситуаций. В результате возникает знание как система связей и отношений не только в одной плоскости членения, но и между их проекциями друг на друга. Итак, А.И. Новиков видит процесс понимания как проекцию, причем двойную: проекцию текста на сознание и проекцию сознания на текст. Понятие проекции и позволило дать ему четкие операциональные определения содержанию и смыслу текста.

Занимаясь исследованием феномена смысла, А.И. Новиков ищет в тексте его «носители», и к таким носителям он относит ключевые слова. Это еще одна точка пересечения с концепцией А.А. Залевской.

Согласно определению А.И. Новикова, ключевые слова – это «языковые единицы, выделенные непосредственно из текста и предназначенные для свернутого представления его основного содержания» [Новиков 2007: 56]. Чтобы подтвердить представление о наборе ключевых слов (НКС) как о свертке содержания текста, ученый провел несколько экспериментальных исследований. В основу эксперимента была положена гипотеза о том, что человек может сгенерировать полноценный текст из заданного набора ключевых слов. Результаты проведенных исследований позволили ученому сделать вывод о важной роли ключевых слов в процессе понимания и назвать их «материальными носителями смысла». Доказывая свою гипотезу, ученый подчеркивал, что сами ключевые слова не являются смыслом, но они как бы высвечивают его, отсылают к нему, поскольку, как уже отмечалось выше, они активируют имеющиеся у реципиента знания, представления о той или иной предметной ситуации, о межпредметных связях и отношениях.

Также А.И. Новиков подчеркивал, что при развертывании набора ключевых слов в текст они влияют на выбор языковых средств и организацию порождаемого текста. Представляется очень важным замечание ученого о двойном статусе ключевых слов. С одной стороны, это слова естественного языка, но, когда они выделены из текста как определенный набор, как свертка текста, они расширяют свое значение, представляя не только свое лексическое значение, но и содержание и смысл отрезков текста, которые они замещают [Новиков 2007: 64].

Итак, выше были кратко представлены наиболее важные аспекты проблемы понимания текста, выделенные нами в концепциях А.А. Залевской и А.И. Новикова. Попробуем их интегрировать.

Обсуждение результатов: на пути к интегративному подходу

Проведенный сопоставительный анализ двух подходов к проблеме текста и его понимания, предложенных и разработанных двумя отечественными учеными-психолингвистами, позволяет сделать попытку их интегрирования в одну психолингвистическую теорию текста, основные положения которой попробуем тезисно обозначить.

1. Текст является речемыслительной единицей, и его нужно рассматривать в динамическом состоянии, т.е. когда он порождается, воспринимается и понимается. При этом необходимо различать типы реципиентов – «наивного» носителя языка и профессионального филолога. Для разработки теории понимания текста более

важным представляется исследование протекания процесса восприятия текста первым типом реципиента («наивного» носителя языка).

2. Понимание – это процесс творческий, динамичный, протекающий симультанно со множеством мыслительных операций. В результате этого процесса, т.е. процесса взаимодействия текста и интеллекта того, кто воспринимает текст, в сознании последнего формируются ментальные структуры, одна из них соответствует содержанию (как результат проекции текста на сознание), другая – смыслу (как результат обратной проекции – сознания на текст). Это означает, что и содержание, и смысл текста не существуют вне сознания реципиента, вне процесса понимания.

3. Понимание – это «диалог» текста и сознания, который происходит в определенном контексте – внешнем и внутреннем. Понимание представляет собой не только когнитивный процесс, но и эмоциональный.

4. Смысл как результат понимания всегда является личностным, но вместе с тем он может быть и «коллективным», благодаря общему быту, культуре, профессии.

5. В тексте не все слова имеют одинаковое значение для его понимания, есть особые доминантные, которые как «лазерный луч» высвечивают основное содержание текста. Эти слова являются ключевыми, и их набор представляет текст в свернутом виде, который может быть развернут в полный текст. Это связано с тем, что ключевые слова, выделенные из текста, «замещают» в сознании определенные фрагменты текста, «запускают» ассоциативный механизм, извлекают из долговременной памяти соответствующие знания и связанные с ними эмоции.

6. Понимание предполагает встречное конструирование собственного текста как «ответной реплики» на воспринимаемый текст. Эта особенность процесса понимания и легла в основу экспериментальной методики «встречного текста», которая позволяет изучать, с одной стороны, специфику восприятия и понимания разных типов текстов, а с другой – специфику понимания представителями различных по социальному и профессиональному статусу групп.

Выводы

Анализ научного наследия А.А. Залевской и А.И. Новикова, разработавших собственные концепции текста и его понимания, позволяет «пролить свет» на многие вопросы, касающиеся процесса понимания текста. Основу рассматриваемых концепций составили многолетние теоретические и экспериментальные исследования, проводимые обоими учеными. Они шли разными исследовательскими путями, но в их концепциях много точек соприкосновения, которые мы и попытались выявить и проанализировать. Главная идея, которая высказывалась как А.А. Залевской, так и А.И. Новиковым, – это необходимость конвергенции разных наук, изучающих понимание, и формирования междисциплинарного подхода к разгадке феномена человеческого понимания.

Представляется, что сегодня проблема понимания стоит очень остро: более детальное раскрытие механизмов понимания и построения теоретических моделей этого процесса представляется ключевым для программ обработки естественного языка и дальнейшего расширения функционала искусственного интеллекта.

Работы А.А. Залевской и А.И. Новикова представляют несомненную ценность для исследователей, работающих в русле психолингвистики, когнитивной лингвистики, психологии, компьютерной лингвистики и т.д. Они позволяют глубже понять

механизмы восприятия и интерпретации реципиентом той или иной информации, а также разработать более эффективные методы обучения чтению, иностранным языкам, межличностной коммуникации. Попытка интеграции двух данных подходов представляет перспективу для дальнейших исследований и разработок.

© **Нестерова Н.М., Котельникова А.Н., 2024**

Литература

Залевская А.А. Некоторые пути исследования психологической структуры значения ключевых слов в целях оптимизации межнационального общения // Перевод и автоматическая обработка текста: сборник научных трудов. М., 1987. С. 46–57.

Залевская А.А. Значение слова и возможности его описания // Языковое сознание. Формирование и функционирование. М.: Ия РАН, 1998. С. 35–54.

Залевская А.А. Текст и его понимание: монография. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. 178 с. Воспроизведено: // Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: избранные труды. М.: Гнозис, 2005. С. 235–481.

Залевская А.А. Введение в психолингвистику: учебник. 2-е изд., испр. и доп. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2007. 558 с.

Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997. 287 с.

Новиков А.И. Текст и его смысловые доминанты / Под ред. Н.В. Васильевой, Н.М. Нестеровой, Н.П. Пешковой. М.: Институт языкознания РАН, 2007. 224 с.

Новые формы и условия современной речевой коммуникации: Монография / Н.П. Пешкова, Д.Р. Гилязова, Я.А. Давлетова [и др.]. Уфа: Уфимский университет науки и технологий, 2023. 184 с.

Пешкова Н.П. О некоторых особенностях восприятия информации в форме текста в новых условиях (из опыта экспериментальных исследований) // Вестник Московского государственного областного университета серия «Лингвистика». 2018. №5. С. 54–62.

Смотреть разумным глазом (Завещание А.А. Залевской) // Вопросы психолингвистики. 2021. № 4(50). С. 8–11.

Сведения об авторах:

Нестерова Наталья Михайловна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода Пермского национального исследовательского политехнического университета

Контактная информация:

614990, Пермский край, г. Пермь, Комсомольский проспект, д. 29

ORCID: 0000-0001-9064-6742

e-mail: nest-nat@yandex.ru

Котельникова Анастасия Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода Пермского национального исследовательского политехнического университета

Контактная информация:

614990, Пермский край, г. Пермь, Комсомольский проспект, д. 29

ORCID: 0000-0001-8263-4856

e-mail: ketova.anastasiya@yandex.ru

Для цитирования:

Нестерова Н.М., Котельникова А.Н. О двух подходах к проблеме понимания текста: концепции А.А. Залевской и А.И. Новикова // Вопросы психолингвистики №3(61) 2024, С. 59–69, doi: 10.30982/2077-5911-2024-61-3-59-69

UDC 81'23

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2024-61-3-59-69

Research article

**TWO TEXT COMPREHENSION MODELS:
CONCEPTS OF A.A. ZALEVSKAYA AND A.I. NOVIKOV**

Natalya M. Nesterova

Perm National Research Polytechnic University
Perm, Russia

Anastasia N. Kotelnikova

Perm National Research Polytechnic University
Perm, Russia

Abstract

The article is devoted to the theoretical review of two concepts of text comprehension within the framework of psycholinguistic research, namely, the theories of A.A. Zalevskaya and A.I. Novikov. The comparative analysis of the scientists' works on the stated problematic allowed to define and briefly describe the main regularities of the comprehension process highlighted by both scientists. The fundamental principles, according to both authors, are the active role of the recipient in the process of text perception, the multidimensional and implicit nature of the understanding process itself, the mechanism of which, due to its dual nature, can be compared to projection. When analysing the process of text comprehension, researchers emphasize the important role of key words as dominant units of the text, as material 'carriers of meaning' providing the coagulation and unfolding of information contained in the text. The detailed analysis allowed us to show that both A.A. Zalevskaya and A.I. Novikov emphasise the relevance and significance of using an interdisciplinary approach to investigate the problem of understanding and to develop an integrative model to describe it. The article gives a brief description of the models of understanding developed by the scientists within the framework of their experimental research: A.A. Zalevskaya's spiral model and A.I. Novikov's interactive model, which were developed in the works of their pupils. As a general conclusion, the authors of the article suggest considering the prospect of integrating these two areas of research within the framework of text psycholinguistics, which hypothetically could provide a comprehensive systematic approach to solving the 'eternal' problem of understanding.

Keywords: understanding, integrative approach, psycholinguistics, meaning, content, keywords

© Nesterova N.M., Kotelnikova A.N., 2024

Bionotes:

Natalya M. Nesterova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Foreign Languages, Linguistics and Translation, Perm National Research Polytechnic University

Contact information:

29, Komsomol'skij Prospekt, Perm, Russia, 614990

ORCID: 0000-0001-9064-6742

e-mail: nest-nat@yandex.ru

Anastasia N. Kotelnikova – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Linguistics and Translation, Perm National Research Polytechnic University

Contact information:

29, Komsomol'skij Prospekt, Perm, Russia, 614990

ORCID: 0000-0001-8263-4856

e-mail: ketova.anastasiya@yandex.ru

For citation:

Nesterova N.M., Kotelnikova A.N. Two text comprehension models: Concepts of A.A. Zalevskaya and A.I. Novikov // Journal of Psycholinguistics. 3(61), 2024. P. 59–69. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2024-61-3-59-69 (In Russian)

ЭТНОПСИХОЛИНГВИСТИКА ПОЧТИ 25 ЛЕТ СПУСТЯ, ИЛИ НАУЧНОЕ ПРЕДВИДЕНИЕ АЛЕКСАНДРЫ ЗАЛЕВСКОЙ

Пищальникова Вера Анатольевна

Московский государственный лингвистический университет,
Москва, Россия

Аннотация

Одной из важнейших фундаментальных задач отечественной психолингвистики А.А. Залевская считала обнаружение культурно-национальной специфики речевой деятельности. В современной этнопсихолингвистике на основе теоретико-экспериментального исследования речевого действия развиваются три устойчивые направления: синхроническая психолингвоаксиология, диахроническая психолингвоаксиология, диагностическая (психо)лингвоаксиология. Каждое из этих направлений разрабатывает свой концептуальный аппарат и методы. На основе разработанных принципов в первом устанавливается содержание ценностей, верифицируемое ранжирование и шкалирование полученных экспериментальных данных. Во втором исследуются основные психолингвистические факторы, влияющие на динамику содержания аксиологических понятий и изменение иерархии в ценностных системах. При этом возможно диахроническое сопоставление смоделированных для разного времени аксиологических фрагментов картины мира носителей определенной лингвокультуры. В третьем из названных направлений содержание актуальной системы ценностей используется для диагностирования социальных отношений разного рода в определенном обществе. Автор определяет понятия базовой ценности, культурного значения и смысла, культурной коннотации, отличные от принятых в лингвокультурологической парадигме, и представляет некоторые основные положения заявленных направлений этнопсихолингвистики. Автор представляет некоторые методики анализа ассоциативных полей, позволяющие исследовать предикативные отношения между стимулом и реакцией, что делает возможным определение личностного смысла ценностей и ценностных ориентаций индивида.

Ключевые слова: этнопсихолингвистика, культурный смысл, культурное значение, культурная коннотация, синхроническая психолингвоаксиология, диахроническая психолингвоаксиология, диагностическая (психо)лингвоаксиология

Введение

В 2000 г. А.А. Залевская, выделяя актуальные проблемы этнолингвистики [Залевская 2000], писала, что, наряду с «лавинной публикаций преимущественно практической ориентации», представляющих исследование отдельных языковых фактов, чаще лексических, появились работы, в которых произведены серьезные теоретические обобщения, например: [Лебедева 1999]. В совокупности этих исследований А.А. Залевская выделила формирование разных направлений,

в названии которых есть определение *этническая* или деривационный компонент *этно-*: от этнической психологии до этнопсихоллингвистики. Кроме того, отмечается и появление синкретичных исследований, условно объединяемых, в частности, названием *когнитивная этнопсихоллингвистика*. В этом обилии разнонаправленных исследований, стремящихся установить этническую специфику лингвокультуры, на наш взгляд, отразилось стремление лингвистов и психоллингвистов понять специфические способы представления в языке (речевой деятельности) содержания национальных культур. Поэтому расширение предметной области теории речевой деятельности и частичное пересечение ее с разными направлениями лингвистики – от формирующейся лингвокультурологии до исследования политического дискурса – представляется закономерным. Оно сопровождается не только заимствованием методов, конкретных данных и, как следствие, – взаимоверификацией полученных результатов, но, к сожалению, и использованием терминов разных парадигм без методологической обработки (что, впрочем, характеризует не только период конца XIX – начала XXI века): «Нередки случаи, когда принципиальные различия между этими двумя подходами попросту не замечаются или декларируемое исследование образа мира фактически подменяется описанием языковой картины мира с позиций системы языка» [Залевская 2000: 75].

Синтезирование данных разных наук с целью обнаружения культурно-национальной специфики речевой деятельности А.А. Залевская считала закономерным и необходимым процессом, и, по мнению ученого, оно может быть осуществлено в рамках этнопсихоллингвистики, которая, согласно А.А. Леонтьеву, изучает «*национально-культурную вариантность речевых операций*». Характер речевых операций определяется комплексом социально-психологических факторов, которые так или иначе исследуются в вышеупомянутых и иных направлениях лингвистики. При этом, подчеркивала А.А. Залевская, «... требуется не “креолизованная дисциплина”, а новый интегративный подход, способный творчески синтезировать новейшие результаты теоретических и экспериментальных изысканий в разных областях науки о человеке. При этом должно произойти своеобразное возвращение разных наук из заоблачных высот абстрагирования и от препарирования оторванных от человека продуктов такого абстрагирования к живому человеку» [Залевская 2000: 76].

Это очень сложная задача, которая может быть решена только теоретико-экспериментальным путем. К решению ее в последнее время приблизился Н.И. Степыкин, экспериментально изучая специфику речевого действия [Степыкин 2021] и полагая установление универсальных параметров речевого действия и его моделирование фундаментальной теоретической проблемой психоллингвистики. В основании концепции исследователя – общеизвестное сейчас положение о том, что «в структуре и содержании ассоциативного поля отражается специфика речевых действий индивидов, проявляющаяся в характере предикации между стимулом и реакцией» [Степыкин 2021: 3]. Но общеизвестное не означает общеиспользуемое, хотя положение позволяет как раз спуститься «с заоблачных высот абстрагирования», что позволило Н.И. Степыкину экспериментально установить важнейшие параметры речевого действия: предикативность, модальность, ситуативность, полнота цикла синтаксирования, в то время как для ассоциативного поля существенны цельность, связность компонентов, специфичность структуры как проявления характера

связности. Вместе с тем, Н.И. Степыкин подчеркивает, что «в настоящее время в речевой деятельности испытуемых в возрасте от 17 до 25 лет наблюдается устойчивая тенденция превалирования речевого действия неполного цикла синтаксирования: речевые операции семантического и поверхностного синтаксирования оказываются пропущенными, грамматические механизмы продуцирования речи не задействованы» [Цит. раб.: 167], и это положение объясняет многие наблюдения психологов и психолингвистов, сделанные в рамках исследования так называемой функциональной неграмотности – еще одного направления, получившего теоретическое осмысление в рамках российской психолингвистики [Функциональная неграмотность ... 2022].

Отметим, что 25 лет назад трудно было представить себе те проблемы, которые подняты авторами упомянутой монографии: влияние функциональной неграмотности на изменение систем ценностей лингвокультуры (З.Г. Адамова), исследование письменной речи современных российских школьников, которое приводит к выводу об усилении тенденций развития функциональной неграмотности (Л.О. Бутакова), изучение причин, в том числе нейрофизиологических (В.А. Пищальникова) и социально-психологических (И.А. Бубнова) «мемификации» сознания. Представлены также попытки диагностирования функциональной неграмотности на основе исследования речевого действия (Н.И. Степыкин) и развития внутреннего метаязыка как способ противостоять общей ментальной угрозе. Тем не менее, очевидно, что теория значения слова как достояния индивида А.А. Залевской объясняет все процессы, связанные с функциональной неграмотностью.

К сожалению, в некоторых направлениях этнопсихолингвистики теоретическое осмысление проблем идет медленно и построение теорий второго уровня еще ждет своего часа, несмотря на то, что ряд серьезных, методологически важных идей, необходимых для построения таких теорий, был акцентирован рядом исследователей еще в 90-е гг. XX в. Например, Е.Ф. Тарасов подчеркнул, что главная причина неэффективной внутри- или межкультурной коммуникации – не типологические или иные различия языков, а различие в содержании сознаний коммуникантов. В рамках психолингвистики это методологически важное положение привело к разработке исследовательской категории «образа национальной культуры»; различия в этих образах и приводят к непониманию в коммуникации. Со времен В. фон Гумбольдта так или иначе рассматривается положение, согласно которому *образ* любой реалии всегда в той или иной степени культурно специфичен, как специфична и внутренняя форма, способ представления этого образа в языке. Отсюда разной степени лакунизация значений, репрезентированных в разных языках. (В этом смысле исследование концептуализации действительности могло бы сыграть огромную роль в становлении синкретичной теории понимания, если бы в настоящее время были сформулированы хоть сколько-нибудь аргументированные принципы разграничения концепта и понятия.) Сказанное воспринимается как общеизвестная истина, однако чаще всего не становится основой новых концепций. В системе таких образов определяющее место принадлежит базовым и иным ценностям, которые репрезентируют важнейшие для культуры аксиологические значения, реализованные в системе вербальных и невербальных символов.

**Внутренняя структура современной этнопсихоллингвистики:
проблемные области и направления**

Изучение базовых ценностей

Терминологический аппарат психолингвоаксиологии

Ценностные фрагменты аксиологических систем мира в современной этнопсихоллингвистике в последнее время изучались, в отличие от иных объектов психоллингвистики, целенаправленно и активно, чему в немалой степени способствует современная политическая обстановка в мире. Начало систематическому исследованию базовых ценностей лингвокультуры было положено Ю.А. Сорокиным, Е.Ф. Тарасовым, Н.В. Уфимцевой в 1990-е гг.; их работы были неоднократно интерпретированы, а положения реализованы в серьезной совокупности общеизвестных исследований. С тех пор это направление устойчиво развивается, несмотря на сложности сбора репрезентативного материала и моделирования объекта исследования, теоретические расхождения в определении самого понятия «ценность» и необходимость серьезного сопоставления данных его междисциплинарного изучения. Актуальность этого направления исследований определяется целым рядом взаимодействующих факторов. Современная историко-социальная реальность активизировала проблему этнической идентичности: очевидно серьезное противостояние ценностных систем, их изменение под влиянием обострения политической ситуации и совокупности экономических проблем. Поэтому разница между аксиологическими системами увеличивается, причем наибольшее количество расхождений фиксируется в группе морально-этических ценностей, хотя они во многом детерминируют сохранение национального самосознания и суверенности обществ. Лингвистическое исследование ценностей может дать объективные данные о составе, иерархии, содержании, специфике функционирования ценностных систем, а также определить факторы, которые приводят к изменению содержания конкретных ценностей и, следовательно, к их иерархии. Кроме того, в современном обществе необходимо установить, как морально-этические ценности в целом влияют на развитие социума и, возможно, прогнозировать тенденции их развития. Эта значимая социально-культурная проблема, решение которой имеет прагматическое значение, актуализирует ряд фундаментальных теоретических проблем, например, позволяет уточнить научное понятие «образ мира» (А.Н. Леонтьев) за счет привлечения междисциплинарных методов изучения сложнейшего феномена и разработать новые приемы его моделирования. Это совсем не исключает важности собственно лингвистических исследований, целью которых является установление способов вербализации ценностных представлений и определения роли языка в редупликации содержания ценностей.

Одним из важнейших достижений современной этнопсихоллингвистики мы считаем установление сущностных характеристик базовых ценностей как самостоятельного объекта психоллингвистики, что влечет за собой создание основных интерпретирующих его терминов.

Базовой ценностью, вслед за А.А. Леонтьевым, мы называем аксиологическое понятие, содержание которого определяется отображаемыми в нем способами и моделями поведения и деятельности, принятыми и предпочтительными в определенном этносе. Такое определение позволяет рассматривать *систему* базовых ценностей любой лингвокультуры как безусловно специфичную, но обязательно иерархическую; место каждой ценности как порождения культуры в этой иерархии

подвижно. Поскольку содержание системы формируется в течение определенного времени стихийно под влиянием самых разных культурных факторов, оно принципиально динамично. Однако синхронически каждая иерархическая система ценностей обладает неустойчивым равновесием, что позволяет обществу и каждому его члену формировать этническую идентичность. Иными словами, система ценностей является основой этнической идентичности, потому что члены этноса сами формируют собственные жизненные установки и идеалы, определяющие бытие как отдельного представителя народа, так и социума в целом. Сформированные установки и идеалы осознанно и неосознанно реализуются во всех типах деятельности индивидов.

Базовая ценность – это аксиологическое понятие, исторически сформированное социумом и фиксирующее ту или иную предпочтительную модель практической или ментальной деятельности и поведения. **Система базовых ценностей** – неустойчиво равновесная совокупность иерархических аксиологических понятий, фиксирующих основные представления о значении в их жизни вещей, явлений, отношений. Для интерпретации систем ценностей с этнопсихолингвистической точки зрения наиболее важны введенные нами понятия культурного значения и культурного смысла. Это методологическое приспособление основополагающего противопоставления психологического значения и личностного смысла (А.Н. Леонтьев) к исследованию ценностей как особого объекта. Под **культурным значением** мы предлагаем понимать обобщенное содержание базовой ценности лингвокультуры, представленное в языке или других семиотических системах. Тогда **культурный смысл** – это совокупность психологически актуальных содержательных компонентов, соотносимых индивидом с составляющими аксиологических систем. При этом мы акцентируем отличие последнего понятия в психолингвистике и некоторых направлениях современной лингвокультурологии, где культурный смысл включается в семантику языкового знака в виде особого компонента, сущность которого определяется «взаимодействием языка и культуры» (В.Н. Телия). Примечательно, что понятие «культурное значение» в лингвокультурологии не используется и не зафиксировано словарями, однако и содержание «культурного смысла» в рамках этого направления нельзя назвать вполне определенным. В ряде случаев существенное значение для толкования содержания ценностей приобретает термин **«культурная коннотация»** как содержания, добавочного к лексическому значению слова и представляющего оценку, эмоцию, силу проявления актуального признака или отношения при актуализации ценностей в речевой деятельности индивида. В последнее время доказано: если в ассоциативном эксперименте отмечается значимое увеличение реакций с отрицательной коннотацией, это свидетельствует о начале содержательного изменения ценности, обозначенной словом. (Попутно обратим внимание на специфику понимания культурной коннотации в лингвокультурологии: здесь она трактуется как способность разных аспектов значения знака интерпретироваться в терминах и категориях культуры. Очевидно, что такое определение не может быть использовано для анализа содержания конкретных ценностей, поскольку не представляет никаких параметров значения.) Уточним содержание еще нескольких научных понятий, частотно используемых в этнопсихолингвистической интерпретации базовых ценностей различных лингвокультур. Так, в случаях анализа фразеологических единиц часто необходимо использование термина **«образ»**, в самом общем значении – как представления одного предмета через наглядные признаки другого, поскольку в основе возникновения

национально-специфического содержания, как правило, лежит образ, представляющий специфический способ отражения действительности в конкретной лингвокультуре и порождающий понятие **образности** как семантического компонента языкового знака, представляющего специфическое культурное значение. В образе могут быть представлены разные характеристики реалии, поэтому образность всегда ассоциативно и культурно обусловлена и является принципиально динамичным компонентом. Наконец, **символ**, в котором репрезентируется содержание ценности, – это приписывание предмету дополнительного культурного специфического значения (например, в Китае *тигр* выступает как символ власти, справедливости, храбрости как значимых для культуры аксиологических понятий). Уточнение содержания концептуального аппарата исследования ценностей позволяет устранить некоторые расхождения в принципах их исследования.

Опираясь на представленные интерпретирующие термины, для того или иного исторического периода или момента существования любого этноса можно смоделировать содержание системы ценностей лингвокультуры на основе разных источников – от памятников письменности до данных корпусов и ассоциативных полей. При этом можно смоделировать как синхроническое intersubjectное содержание ценности, характерное для всего социума, так и установить субъективные предпочтения членов социума в реализации в их деятельности определенных аксиологических представлений, ведь большинство представителей социумов в конкретной деятельности поступают в соответствии с принятой обществом системой ценностей, которая принимается, как правило, некритично и обеспечивает индивиду социально комфортное существование. Другое дело, что степень присвоения ценностей индивидом и их реализация зависят от многих факторов – от уровня и характера образования до семейного положения.

Новые направления исследования ценностей

За два десятилетия были осуществлены многочисленные **контрастивные исследования** русской и ряда других лингвокультур, установившие совокупность особенностей, характерных для становления, функционирования и изменения аксиологических систем национальных культур.

Задача определить «специфику взаимодействия гетерогенных составляющих в пределах такого (поликодового – В.П.) текста с целью представления национально специфических компонентов морально-этических ценностей в изучаемых культурах» [Цюй Юнь 2023: 5] решается Цюй Юнем, исследующим китайскую и русскую печатную наружную рекламу как поликодовый текст. Он наблюдает средства и устанавливает способы языкового представления морально-этических ценностей в этом типе текста, определяя «особенности мотивационных и когнитивных механизмов понимания поликодовых текстов, выявляющих специфику связей в них между разными модальностями и гетерогенными семиотическими системами, проясняющих прагматическую целесообразность и результативность их объединения в пределах одного текста» [цит. раб: 8].

Иной аспект репрезентации ценностных представлений изучает Чэнь Сыфань: она полагает, что фразеологические единицы «китайского языка, символическое содержание которых актуально и для современной культуры страны, ... активно включается в систему функционирующих культурных значений, важных для поддержания представлений традиционной культуры; большая их часть реализуется

и в современной системе ценностей. (фразеологические единицы – *В.П.*) являются одним из важнейших способов репрезентации новых китайских ценностей “социализма с китайской спецификой”, содержание которых одновременно и отсылает к древнейшим к древнейшим символическим образам, и актуализирует современные культурные смыслы» [Чэнь Сыфань 2023: 3]. Особая важность исследования Чэнь Сыфань определяется тем, что «социально-политическая ситуация в стране создает условия “естественного эксперимента”, в которых исследователь *может наблюдать процесс становления новой системы ценностей и характер ее присвоения носителями культуры*» [цит. раб.: 6] (курсив наш – *В.П.*). Кроме того, Чэнь Сыфань представляет опыт детального и последовательного, теоретически хорошо обоснованного описания динамики содержания китайских фразеологизмов, репрезентирующих содержание традиционных ценностей, подкрепленного этимологическими данными. Исследователь акцентирует «диахроническую связь между изменением системы базовых ценностей, в том числе *иерархией* компонентов этой системы, и изменением содержания», «между сложностью образного компонента ФЕ и развитием содержания» последнего [цит. раб.: 11]. Чэнь Сыфань доказала, что «во фразеологическом фонде языка есть ядерная совокупность ФЕ, которые являются репрезентантами психологически актуального для носителей лингвокультуры национально специфичного аксиологического содержания, представляющего систему ценностей социума» [цит. раб.: 11].

Продолжаются исследования содержания отдельных ценностей, но с применением новых методик анализа. Так, Яо Чжипэн, изучая специфику этического понятия «вежливость» в китайской культуре, рассматривает вежливость как универсальную морально-этическую ценность, которая реализуется в иерархической системе аксиологических понятий и регламентов [Яо Чжипэн 2019]. Исследователь устанавливает культурные смыслы ценностей, психологически актуальные для индивидов, анализируя данные массового свободного ассоциативного эксперимента и опираясь на характер предикации между стимулом и ассоциатом. Яо Чжипэн в полной мере использует общеизвестное, но реально редко эксплуатируемое положение А.А. Леонтьева о том, что это соотношение является речевым действием, и исследует направления изменения семантики через выявление *признака ассоциирования* в соотношении стимула и реакции, при этом по сути устанавливается *мотив* речевого действия [Яо Чжипэн 2019]. Позволим себе большую цитату, показывающую, как «признаковый анализ» соотношения стимула и реакции позволяет делать обоснованные выводы не только о содержании определенной ценности, но и о ее роли в реализации социально одобряемого поведения индивида: Яо Чжипэн доказал, что в сопоставляемых лингвокультурах «ядра ассоциативных полей “礼貌” / “вежливость” внешне совпадают по количеству признаков, но существенно различаются по их составу, содержанию и иерархии компонентов: в первом из них представлены признаки: ‘носитель качества’, ‘соблюдение приличий’, ‘положительное отношение к личности другого человека’, во втором – ‘носитель качества’, ‘этикет’ и ‘иерархичность в реализации вежливого поведения’ / ‘зависимость проявления вежливости от коммуникативных факторов’. Отсюда следует, что вежливость для китайца – строго обязательная коммуникативная составляющая, детерминированная господствующими философскими учениями и реализующаяся в определенных ритуалах и не зависящая от условий общения. Для носителя русской культуры изучаемой группы вежливость – внешний, поведенческий ритуал, который реализуется в зависимости от отношения коммуникантов друг к другу, статуса и возраста общающихся и иных факторов» [Яо Чжипэн 2019: 16].

Новым в исследовании ценностей представляется изучение содержания так называемых **антиценностей** и их динамики [Пэй Цайся 2019]. Пэй Цайся отмечает, что «ценности выполняют для индивида ориентирующую и нормативную функции, во многом определяют мотивы индивидуальных и/или коллективных действий, регулируют критерии поступков людей. Национальные культуры могут отдавать предпочтение разным ценностям, акцентировать разные компоненты содержания так называемых универсальных ценностей, создавать систему ценностей с разной иерархией элементов. Для субъекта ценности – это система определенным образом личностно структурированных, аффективно окрашенных знаний, воспринимаемых как истинные и потому выполняющих ориентирующую функцию в социуме» [цит. раб.: 8]. «Антиценности», напротив, разрушающе влияют на систему базовых ценностей, но по ряду причин они могут быть выбраны индивидом в качестве основы своего поведения. Пэй Цайся исследует коррупцию как антиценность, при этом, как и ряд других исследователей (О.В. Дубкова, А.И. Хлопова, Яо Чжипэн, Цюй Юнь, Чэнь Сыфань и др.) ставит своей задачей выработку «эффективных процедур выявления и анализа психологически актуального значения слова» [цит. раб.: 3], акцентируя регулирующую функцию ценностных ориентаций. Попутно исследователь показала значимость такого параметра ассоциативного поля, как индекс разнообразия: «показатель разнообразия ассоциатов в ассоциативных полях “коррупция” и “腐败” свидетельствует об устойчивости ядра поля и опосредованно – об одинаковом отношении носителей культуры к явлению коррупции. При ограничении ядра поля самыми частотными реакциями показатель разнообразия снижается, что также свидетельствует об однородности понимания слова-стимула членами языкового сообщества.

В последнее время существенно изменились и **принципы сбора репрезентативного материала для психоллингвистического анализа ценностей**, и методы его анализа, поскольку в ряде исследований акцентированы методологически важные составляющие теории речевой деятельности А.А. Леонтьева, долгое время воспринимавшейся только как общая методологическая установка, но при этом на ее базе редко разрабатывались операции анализа. Во-первых, установлен **список базовых ценностей**, характерных для ряда лингвокультур, на основе ранжирования различных списков ценностей, шкалирования каждого ценностного понятия, кропотливого и тщательного сопоставления списков данных философии, психологии, лингвистики, социологии с привлечением корпусов русского и иных языков (всего 28 ценностей) [Хлопова 2019]. Однако такой список вовсе не исключает разного места той или иной ценности в рамках определенной лингвокультуры и специфики ее содержания. Поэтому много внимания уделяется контрастивным исследованиям содержания ценностей в разных аспектах, в том числе и близкородственных культур [Хлопова 2019; Баранов 2024]. В свое время некоторые авторы говорили о ненадежности стимулов в свободном ассоциативном эксперименте, поскольку экспериментатор «вкладывает в них свои смыслы», однако эти опасения несущественны, если учесть, что есть отработанная методика проведения любого эксперимента и принципы отбора материала, которые обеспечивают валидность эксперимента. Что же касается характера интерпретации данных, то он зависит от множества факторов, основными из которых мы полагаем фундаментальность теоретической базы и степень ее освоенности, непротиворечивое использование интерпретативных терминов и разработанность

методик анализа материала. Вот почему в ряде работ актуализировано положение о наличии предикативного отношения («признака ассоциирования») между стимулом и ассоциатом, что позволяет рассматривать это отношение как речевое действие и предлагать различные параметры его анализа, в частности, характер признака предикации. Анализ предикативных связей стимула и реакции, а не лексического значения слова-стимула, позволяет устанавливать мотивы речевой деятельности, ассоциативные связи, на основе которых ценностное понятие «встраивается» в образ мира индивида, психологическую значимость ценности для индивида и даже «степень присвоения» им ценности. Последнее может быть установлено на базе количества признаков ассоциирования в конкретном речевом действии. При этом принципиально, что ценностные представления не равны ценностным ориентациям и не равны моделированному содержанию базовых ценностей.

Во-вторых, более глубокому исследованию подвергаются составляющие ассоциативного поля, которое анализируется не только с привычной точки зрения частотности ассоциатов. Установление различных индексов соотношения ассоциатов внутри ассоциативного поля, соотношения между стимулом и реакцией позволяет не только более точно установить характер предикативной связи между компонентами речевого действия, но и определить смыслогенерирующий и операциональный потенциал слова – потенциальные возможности лексем к образованию речевых действий разного типа [Nelson, Bennett, Leibert 1997; Nelson, McEvoy, Schreibe; Пищальникова 2019; Степыкин 2021; Пищальникова, Степыкин 2024]. Индексы количества и силы пересечения ассоциатов, прямой и обратной связи реакций, опосредованной силы и количества опосредованных связей ассоциаций и др., рассчитанные по известным формулам, дают возможность верифицировать признаки ассоциирования, проявляющие содержание личностного смысла и, следовательно, характера присвоенности базовой ценности индивидом. Например, индекс прямой ассоциативной силы представляет вероятность активации сочетаемости стимула и реакции, а индекс обратной ассоциативной силы – вероятность предикации между ассоциатом и стимулом. Количество опосредований – это квантитативный показатель, указывающий на количество признаков, по которым активируется связь стимула и реакции. Число пересечений – это тоже числовой показатель, отображающий количество общих ассоциатов на слово при включении его в прямой и обратный свободный ассоциативный эксперимент. Индекс силы перекрытия указывает на близость смыслов слов.

Использование индексов в анализе данных ассоциативного поля, направленных на формализацию связей между стимулом и реакцией, позволяет выходить за пределы исследования лексического значения слова и устанавливать различные аспекты психологически значимого для индивида содержания ассоциатов, что помогает определять ценностное отношение к актуализируемому в эксперименте понятию. Именно поэтому исследуется не семная структура значения, а содержание ценности, стоящей за словом.

Исследование характера предикации между стимулом и реакцией

Ценностные системы культуры определяют индивидуальное и социальное бытие индивида тогда, когда они в разной степени психологически и, как правило, неосознаваемо *присвоены* индивидом и детерминируют его поведение. В частности, предпочитаемая обществом модель поведения может осознаваться человеком как

не только необходимая, но и единственно возможная; в этом случае можно говорить о глубоко личностном осмыслении ценности, или о ее присвоенности индивиду. Поэтому даже так называемые универсальные ценности реализуются в разных лингвокультурах неодинаково. Так, Яо Чжипэн на основе интерпретации ядерных ассоциатов поля 礼貌 / вежливость предположил, что вежливость является базовой ценностью китайцев, поскольку она неотделима от их обыденных поведенческих реакций [Яо Чжипэн 2019]. Это отражено в преобладании операциональных речевых действий, зафиксированных экспериментально. Иначе обстоит дело в русскоязычной культуре: здесь доминируют реакции, обозначающие внешние признаки этикета: *вести себя, букет, галстук* и под. многочисленные ассоциаты-представления, чаще связанные с внешним проявлением этикета: *галстук, джентльмен, цветы...* Поэтому ассоциативные поля являются значимым и презентативным материалом для моделирования так называемой *личностной идентичности* в рамках определенной лингвокультуры. Анализ предикации в паре стимул – реакция представлен в ряде работ [Пищальникова 2019; Хлопова 2018; Цюй Юнь 2023; Яо Чжипэн 2019] и др.

Анализ характера предикации между стимулом и реакцией обнаружил еще один важный факт: аксиологический компонент значения лексемы как единицы системы языка содержательно не равен ценности, которую можно рассматривать как аксиологическое понятие, но его содержание детерминировано содержанием культуры. И тогда возникает вопрос: на каком основании их можно разграничить? Вероятно, таким основанием может служить характер предикации между стимулом и реакцией: именно специфика предикации оказывается маркером «аксиологичности» речевого действия. Следовательно, возникает возможность типологизации речевых действий по специфике (типу) предикации. В свою очередь, тип предикации предполагает осмысление иерархии и частотности признаков, которые формируют личностную или социальную идентичность.

Общеизвестно, что в речевом действии индивида отражается мотив речевой деятельности; в последнее время экспериментально установлено, что в нем специфически представляется и *личностная иерархия* ценностей. Поэтому психоллингвист может эффективно моделировать содержание этнической идентичности, наблюдая за способами языкового представления ценностей лингвокультуры.

В современной литературе представлены и иные теоретические обобщения, которые, на наш взгляд, не выдерживают критики.

Так, анализируя теоретические обобщения О.В. Казаченко, можно отметить, что исследователь, казалось бы, в полной мере опирается на общеизвестные положения теории речевой деятельности и предлагает вариацию модели аксиологического фрагмента образа мира, однако при этом пишет: «Языковое сознание находится в соподчинительной связи с образом мира» [Казаченко 2022: 38], что, несомненно, вызывает вопросы, как и утверждение о том, что «психоллингвистический феномен ‘образ мира’ представляет собой глубинный уровень отражения объективной действительности, формирующийся не только на когнитивных, но и на аффективно-аксиологических основаниях» [Казаченко 2022: 9]. Такие очевидные методологические заблуждения закономерно приводят к очередному заблуждению: «Составляющими аксиологическую сферу элементами являются имена ценностей, которые в сознании каждой личности отражают познанную ею реальность во всем многообразии аффективных, когнитивных и деятельностных связей» [цит. раб.: 12]. Очевидно, что

составляющими ценностной подсистемы образа мира не могут быть *имена* ценностей, но даже если допустить возможность построения такой модели сферы сознания, опираясь на нее, невозможно установить содержание ценностей и тем более ее иерархию и динамику содержания. Мы возвращаемся на тот порочный круг, в котором анализируется лексическое значение слова с опорой на словарные дефиниции и из такого анализа делается вывод о содержании ценностей.

Словари (базовых) ценностей

Еще одно перспективное направление развитие этнопсихолингвистики – создание словарей (базовых) ценностей разных лингвокультур. Многоязычный ассоциативный словарь базовых ценностей (русско-немецкий, русско-якутский, русско-китайский, немецко-австрийский и др.) создан лабораторией психолингвистики Московского государственного лингвистического университета [Пищальникова, Адамова, Кошелева и др. 2020; Степыкин, Миронова 2021–2022; Пищальникова, Адамова, Хлопова 2024]. Стимулы, представленные в словаре, – лексемы, номинирующие ценности. Они отобраны в результате двухэтапного ранжирования списков ценностей. Соотношение стимулов и ассоциатов представляет психологически актуальные предикативные признаки, интерпретация которых позволяет установить значимость той или иной ценности для индивида и смоделировать содержание ценности в лингвокультуре.

Внастоящеевремяотечественнаяпсихолингвистикаформируетлексикографическую базу исследования содержания ценностей русской и других лингвокультур и формулирует основы *психолингвоаксиологии*, призванной создать теоретические основы науки, выявляющей лингвистическую специфику аксиологических понятий и представлений, обосновывающей принципы их моделирования, способной разработать экспериментальные и иные методы исследования ценностей, определить факторы и тенденции изменения аксиологических систем, объяснить роль базовых ценностей в формировании личностной и этнической идентичности. Немаловажно и то, что созданная эмпирическая база является основой для решения как теоретических, так и прагматических социально-политических задач, связанных, например, с определением социальной и межэтнической напряженности и в целом с диагностированием состояния культуры социума.

Заключение

Наблюдаемое в психолингвистике снижение интереса к теоретическим проблемам речевой деятельности и ее составляющих во многом объясняется тем, что социально-политически сейчас востребовано решение прагматических задач – например, создание средств компьютерной защиты и шпионажа. А их решение традиционно связывают с поисками в области когнитивных наук и нейрофизиологии. Проще говоря, создание какой-нибудь бионической мухи-разведчика прагматически гораздо важнее выявления особенностей речевого действия. От первого зависит соотношение реальных сил в противостоянии сообществ и социально-политических систем, от второго – какие-то эфемерные представления о морали, ценностях, национальном характере и пр. Однако современная этнопсихолингвистика уже доказала не просто важность – необходимость их исследования.

Перечисленные тенденции исследования базовых ценностей позволяют сделать некоторые теоретические обобщения, которые закладывают основы психолингвоаксиологии в трех направлениях: синхроническая психолингвоаксиология, диахроническая психолингвоаксиология, диагностическая (психо)лингвоаксиология.

В рамках первого на основе теории речевой деятельности

- разработаны основные принципы установления содержания базовых ценностей;
- на основе ранжирования и шкалирования различных списков ценностей, дефиниционного анализа лексем, номинирующих ценности, данных корпусов языков и экспериментов, а также других источников выделен список базовых ценностей;
- определены основные психоллингвистические факторы, влияющие на динамику содержания аксиологических понятий и изменение иерархии в ценностных системах;
- установлена система научных понятий, интерпретирующих психоллингвистическую специфику аксиологических систем;
- определены маркеры начинающихся содержательных изменений ценностей и др. (В.А. Пищальникова, Н.И. Степыкин, А.И. Хлопова и др.).

Диагностирование социальной, и, в частности, межэтнической напряженности, на основе исследования ценностных систем различных лингвокультур аргументировано З.Г. Адамовой [Адамова 2023 и др.]. Условия сосуществования современных этносов приводит к повышению межэтнической напряженности, поскольку попытки побудить членов этнокультурного сообщества принять чужую модель мира, как правило, вызывают сопротивление, интенсивность, характер протекания и продолжительность которого зависят от совокупности социально-культурных факторов. Все перечисленные характеристики так или иначе фиксируются в содержании аксиологических понятий, принятых социумом. Поэтому З.Г. Адамова предлагает психоллингвистические методики их диагностирования. Исследователь отмечает, что «выявление механизмов социального действия как конституирующей социальную реальность единицы, включая его цели и средства, становится возможным благодаря психоллингвистическому анализу ассоциативных данных и предполагает выделение параметров анализа, соответствующих свойствам речевого действия как социального действия. На наш взгляд, такой подход может быть применим к исследованию механизма функционирования любого аксиологического понятия как побуждающей и придающей смысл человеческому действию, или шире – деятельности, ценности» [Адамова 2023: 10]. Исследователь опирается на «первостепенные для анализа социального действия... параметры целенаправленности и мотивированности», в которых устанавливается отношение «между целью и той ролью, которую играют форма языка и социальные формы мышления в процессе овладения индивидом социальной ситуацией» [цит. раб.: 12].

Разработка методов анализа *динамики* ценностей обобщена О.В. Дубковой, которая сформулировала принципы диахронической психолингвоаксиологии, отмечая, что ценностная картина мира представляет собой сложную многоуровневую систему социальных правил и оценок, принятых в обществе, проявляющуюся в поведении как индивида, так и в целом этнической / социальной группы [Дубкова 2022]; при этом ценностные картины разных лингвокультур всегда неэквивалентны. О.В. Дубкова развивает оригинальную идею о важности этимологического и семантического анализа письменных знаков в исследовании формирования и функционирования базовых ценностей китайской культуры и акцентирует мысль о том, что китайские иероглифы являются специфическими символами, сохраняющими информацию о содержании моральных и иных ценностей, об устройстве мироздания, о качестве и специфике социальных связей и др. Анализ ряда графем, произведенный О.В. Дубковой, показал, например, что иероглифы, обозначающие базовые ценности, построены

на основе древних пиктограмм, которые фиксировали образные представления людей о природных объектах и артефактах, о частях тела и действиях человека, поэтому преемственность символического содержания иероглифов помогает сохранять традиционное и создавать связанное с ним новое ценностное смысловое пространство.

Таким образом, в рамках этнопсихолингвистики формулируются новые объекты исследования, связанные с необходимостью разноаспектного изучения ценностей, расширяется предметное поле, уточняется терминология. С удовлетворением можно отметить, что созданы методики анализа ассоциативных полей, позволяющие изучать не лексическое значение слова, а предикативные отношения между стимулом и реакцией, что делает возможным определение личностного смысла ценностей и опосредованно – ценностных ориентаций индивида. На наш взгляд, именно в этих направлениях проявляется естественное синтезирование знаний разных гуманитарных наук и лингвистических направлений, поскольку ценности – не логически порождаемый ментальный феномен, а эмоционально-ценностные образования, обусловленные деятельностью человека. Приземление «из заоблачных высот абстрагирования», на наш взгляд, оказалось результативным, поскольку психолингвоаксиология опирается на материал, наиболее непосредственным образом отражающий содержание образа мира индивида и верифицируемый другим многочисленным и разнородным языковым материалом.

© Пищальникова В.А., 2024

Литература

Адамова З.Г. Параметры психолингвистического исследования «социальных образов» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия Гуманитарные науки. 2023. № 9 (877). С. 9–15.

Баранов Ю.В. Обнаружение этнокультурной специфики социума (на материале ассоциативных полей русских, немцев, австрийцев) // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2024. № 3 (884). С. 55–62.

Дубкова О.В. От пиктограммы к идеологеме: особенности анализа ценностей социализма с китайской спецификой // Новейшая филология: динамика речевых и текстовых форм. Омск: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 2022. С. 14–18.

Дубкова О.В., Денисенко А.В. Методология исследований картины мира китайцев // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2021. № 5. С. 32–36. DOI: 10.20339/PhS.5-21.032.

Залевская А.А. Актуальные проблемы этнопсихолингвистики // Методология современной лингвистики: проблемы, поиски, перспективы. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. С. 74–83.

Казаченко О.В. Структура и содержание аксиологической сферы русского образа мира в XXI веке: авторефер. дис. ... д-ра. филол. наук: 10.02.19 / Казаченко Оксана Васильевна; [Место защиты: ГАОУ Московский государственный педагогический университет]. Москва, 2021. 42 с.

Лебедева Н.М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию. М.: Ключ, 1999. 223 с.

Пищальникова В.А. Интерпретация ассоциативных данных как проблема методологии психолингвистики // Russian Journal of Linguistics. 2019. Т. 23. № 3. С. 749–761.

Пищальникова В.А., Адамова З.Г., Кошелева Ю.П. и др. Двухязычный ассоциативный словарь базовых ценностей / Под ред. В.А. Пищальниковой. М.: Спутник+, 2020. 261с.

Пищальникова В.А., Адамова З.Г., Хлопова А.И. и др. Мультиязычный ассоциативный словарь базовых ценностей / Под ред. В.А. Пищальниковой. М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2024. 255 с.

Пищальникова В.А., Дубкова О.В., Цун Фэнлин, Яо Чжипэн. Картина мира китайцев: теория и практика научного исследования. М.: Р.Валент, 2020. 239 с.

Пищальникова В.А., Карданова-Бирюкова К.С., Панарина Н.С. и др. Ассоциативный эксперимент: Теоретические и прикладные перспективы психоллингвистики / Под ред. Пищальниковой В.А. М.: Р-Валент, 2019. 200 с.

Пищальникова В.А., Степыкин Н.И. Речевое действие как смыслообразующий компонент коммуникации: психоллингвистические параметры анализа // Вестник ВолГУ. Серия 2. Языкознание. 2024. т.23. № 3. С.1–11.

Пэй Цайся. Антиценность «коррупция» / «腐败» как фрагмент языковой картины мира русских и китайцев: авторефер. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Пэй Цайся; [Место защиты: ФГБОУ ВО Московский государственный лингвистический университет]. Москва, 2019. 26 с.

Степыкин Н.И. Речевое действие как психоллингвистический механизм порождения и актуализации смысла: автореф. дис. ... д-ра. филол. наук: 10.02.19 / Степыкин Николай Иванович; [Место защиты: ФГБОУ ВО Московский государственный лингвистический университет]. Москва, 2021а. 51 с.

Степыкин Н.И. Потенциал применения формализованных параметров для моделирования речевого действия // Научный диалог. 2021б. № 8. С. 112–127.

Степыкин Н.И. «Мультилингвальный ассоциативный тезаурус вежливости» как платформа межкультурной коммуникации. Курск: «Университетская книга», 2022. 115 с.

Степыкин Н.И., Миронова Д.М. Проект мультилингвального ассоциативного тезауруса вежливости. Курск: Изд-во ЗАО «Университетская книга», 2020. 204 с.

Степыкин Н.И., Миронова Д.М. Мультилингвальный ассоциативный тезаурус вежливости. Часть I. IV. Курск: Изд-во ЗАО «Университетская книга», 2021–2022.

Тарасов Е.Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. М.: Эйдос, 1996. С. 7–22.

Функциональная неграмотность как объект психоллингвистики / Пищальникова В. А., Степыкин Н. И., Бубнова И. А. [и др.]; под редакцией В. А. Пищальниковой; Московский государственный лингвистический университет, Лаборатория психоллингвистики. М.: Р.Валент, 2022. 215 с.

Цюй Юнь. Способы репрезентации моральных ценностей в русской и китайской рекламе как поликодовом тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Цюй Юнь; [Место защиты: ФГБОУ ВО Московский государственный лингвистический университет]. Москва, 2023. 21 с.

Чжао Цюе. Экспериментально-сопоставительное исследование языкового сознания и образа ассоциации у китайских и русских студентов // Русский язык за рубежом. 2013. № 6 (241). С. 96–100.

Чэнь Сыфань, Пищальникова В.А. Динамические процессы в семантике фразеологизмов // Вестник МГЛУ. Серия Гуманитарные науки. 2023. №11 (879). С. 119–124.

Яо Чжипэн. Содержательная специфика этического понятия «вежливость» / «礼貌» в русском и китайском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Яо Чжипэн; [Место защиты: ФГБОУ ВО Московский государственный лингвистический университет]. Москва, 2019. 29 с.

Nelson D. L., McEvoy C. L., Schreiber T. A. The University of South Florida Word Association, Rhyme, and Word Fragment Norms. [Electronic resource]. Available from: <http://w3.usf.edu/FreeAssociation>

Nelson D.L., Schreiber T.A. Word concreteness and word structure as independent determinants of recall / D.L. Nelson, T.A. Schreiber // Journal of Memory and Language. 1992. N 31. P. 237–260.

Сведения об авторе:

Пищальникова Вера Анатольевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и сравнительного языкознания Московского государственного лингвистического университета

Контактная информация:

119034 г. Москва, ул. Остоженка, 38

ORCID: 0000-0002-0992-0466

e-mail: pishchalnikova@mail.ru

Для цитирования:

Пищальникова В.А. Этнопсихолингвистика почти 25 лет спустя, или научное предвидение Александры Залевской // Вопросы психолингвистики №3(61) 2024, С. 70–85, doi: 10.30982/2077-5911-2024-61-3-70-85

UDC 81`1

LBC 87.4

DOI 10.30982/2077-5911-2024-61-3-70-85

Research article

**ETHNOPSYCHOLINGUISTICS ALMOST 25 YEARS LATER,
OR THE SCIENTIFIC FORESIGHT OF ALEXANDRA ZALEVSKAYA**

Vera A. Pishchalnikova

Moscow State Linguistic University,
Moscow, Russia

Abstract

Professor Zalevskaya considered one of the most important fundamental tasks of Russian Psycholinguistics to be the discovery of cultural and national specifics of speech activity. In modern Ethnopsycholinguistics, three stable directions are developing on the basis of theoretical and experimental research of speech action: synchronic psycholinguoaxiology, diachronic psycholinguoaxiology, diagnostic (psycho)linguoaxiology. Each of these areas develops its own conceptual apparatus and methods, based on the developed principles, the first establishes the content of values, verifiable ranking, and scaling of the experimental data obtained. The second examines the main psycholinguistic factors influencing the dynamics

of the content of axiological concepts and the change in hierarchy in value systems. At the same time, a diachronic comparison of axiological fragments of the worldview of speakers of a certain linguistic culture modeled for different times is possible. In the third of these areas, the content of the current value system is used to diagnose social relations of various kinds in a particular society. The author defines the concepts of basic value, cultural significance and meaning, cultural connotations that differ from those accepted in the linguistic and cultural paradigm, and presents some of the main provisions of the declared directions of ethnopsycholinguistics. The author presents some methods of analyzing associative fields that allow us to explore the predicative relationship between a stimulus and a reaction, which makes it possible to determine the personal meaning of values and value orientations of an individual.

Keywords: ethnopsycholinguistics, cultural meaning, cultural significance, cultural connotation, synchronic psycholinguoaxiology, diachronic psycholinguoaxiology, diagnostic (psycho)linguoaxiology

© Pishchalnikova V.A., 2024

Bionotes:

Vera A. Pishchalnikova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of General and Comparative Linguistics of MSLU

Contact information:

38, Ostozhenka St., Moscow, Russia, 119034

ORCID: 0000-0002-0992-0466

e-mail: pishchalnikova@mail.ru

For citation:

Pishchalnikova V.A. Ethnopsycholinguistics almost 25 years later, or the scientific foresight of Alexandra Zalevskaya // *Journal of Psycholinguistics*. 3(61), 2024. P. 70–85. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2024-61-3-70-85 (In Russian)

К АССОЦИАТИВНОЙ ТИПОЛОГИИ В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКА КАК ДОСТОЯНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Шапошникова Ирина Владимировна

Институт филологии СО РАН

Новосибирск, Россия

Памяти Александры Александровны Залевской, чья профессиональная деятельность была посвящена разработке «интегративного подхода к анализу языка как достояния индивида»¹

Аннотация

В статье обсуждаются возможности развития ассоциативной типологии – фундаментальные положения, связанные с системообразованием языка как достояния человека. На примере психологических значений лексических единиц, составляющих этнополитически маркированную парадигму «национального», автор размышляет о закономерностях в функционировании живого языка, которые выявляются на ассоциативно-вербальных моделях русской языковой личности (РЯЛ) и могут послужить основанием для развития ассоциативной типологии языка. Рассматривается постановка проблемы об онтологии и функциональной мотивированности ассоциативной (активной) грамматики (как достояния языковой личности) на *смысловой основе*. Предлагается к рассмотрению гипотеза об ассоциативной грамматике как факторе, содействующем интегративному формированию носителей значений в ходе их непосредственного включения в речевой процесс на основе *устранения избыточности*. Высказывается положение о том, что экспериментально выделенные на этой базе разные функционально специфические типы техник могут рассматриваться в качестве предмета для анализа в ассоциативной типологии при сопоставлении сетевых моделей среднестатистических (национальных) языковых личностей. Такие типы могут быть идентифицированы в качестве *ассоциативных доминант (акцентуаций языковой личности)* и статистически формализованы с помощью *психоглосс* и (или) *хроноглосс*, если процессы поддаются изучению в актуальной диахронии.

Ключевые слова: функциональные системы, ассоциативная грамматика, мотивированность грамматики на смысловой основе, ассоциативная типология, сетевые модели, устранение избыточности

Введение

В трудах, посвященных постановке проблемы изучения языка «как достояния индивида», А.А. Залевская оперирует терминами ЯЗЫК 1 и ЯЗЫК 2 [Залевская 2005: 260–262]. Для понимания онтологии и выделения закономерностей системообразования языка нам представляется важным держать в поле зрения основные положения ее

¹ [Залевская 2005: 260–262].

концепции, ставшие результатом многолетнего поиска в этой сфере. А.А. Залевская, как, впрочем, и другие представители отечественной психолингвистики, различает, с одной стороны, *«процесс и продукт: речевую организацию и деятельность человека, спонтанно создающего систему языка “по законам психической деятельности”»* (ЯЗЫК 1). С другой – модель системы языка в качестве вторичного *продукта* «строгого логико-рационального анализа в соответствии с выработанными определенной наукой постулатами» (ЯЗЫК 2) [Залевская 2005: 259–260]. В ее трактовке ЯЗЫК 1 принадлежит активному субъекту познавательной деятельности, будучи «открытой сверхбольшой динамической системой, которая функционирует посредством постоянного выхода на *индивидуальный образ мира* через вырабатываемые по законам психической деятельности перцептивно-когнитивно-аффективно обусловленные **образы сознания**» [Залевская 2005: 261]. ЯЗЫК 1 характеризуется *«функциональной организацией, многообразием оснований для разнообразных связей, эвристичностью поиска в системе», «предметностью, континуальностью и включенностью во внутренний контекст* разностороннего предшествующего опыта познания и общения» [Залевская 2005: 261]. ЯЗЫК 2, напротив, «относительно **стабильная** система с *конечным числом состояний и алгоритмичностью* поиска в ней, организованная через *структуру* с жестко заданным набором *необходимых и достаточных признаков*; система, которая описывается исключительно *по законам логики* с опорой на четкие схемы и опирается на *языковую картину мира*, выводимую из **значений языковых единиц** через логико-рациональный анализ текстов и словарных дефиниций (первичного и вторичного языкового материала)» [Залевская 2005: 260–262]. Таковы основные акценты в концепции А.А. Залевской, раскрывающей природу языка «как достояния индивида». Говоря о таком подходе к изучению языка, важно учесть, что образ мира не просто эксплицируется в вербальной коммуникации на смысловой основе, но и является основным регулятором отношений индивида с внешним миром. Поэтому функциональная организация системы ЯЗЫК 1 не может осуществляться и описываться автономно от психофизиологических и когнитивных закономерностей, которые формируют функциональность образа мира индивида, а значит направленность его вербального поведения на обеспечение жизненных потребностей через достижение жизненно важного полезного коммуникативного результата.

Учитывая специфику ассоциативно-вербальных моделей, дающих доступ к системе ЯЗЫК 1, рассмотрим их потенциал в типологическом плане. Что такое ассоциативная типология? Типология чего? Стоит ли ей идти по следам структурной типологии для поиска универсалий, к примеру, для выявления «ассоциативных типов» языка, если таковые существуют, или речь пойдет о частной типологии «ассоциативных типов в языке»? Что должно стать предметом рассмотрения ассоциативной типологии, и какими единицами анализа она *в состоянии* оперировать? Структурная типология, в полном соответствии с фундаментальными принципами, лежащими в основе модели ЯЗЫК 2, достигла немалых вершин, поставив вопрос о поиске эталонов-конструктов языка на основе, например, изучения наиболее ярких, связанных *имплицитивными* отношениями признаков. *Соприсутствие и взаимодействие* таких признаков формирует общий образ (диагностический эталон) структурного типа системы языка: корнеизолирующего, агглютинирующего, флективного, полисинтетического. Структурно также оправдана идентификация типа через технику создания носителей значений, чаще всего описываемую в терминах «анализ – синтез». Поуровневый анализ

с выявлением доминантных продуктивных типов в языке при таком подходе позволяет найти прочную эмпирическую базу для сравнительно-сопоставительного изучения языкового материала на субстантно-структурной основе. Однако, бесконечное разнообразие реально воплощенных в ткани каждого конкретного языка типов техник со всей очевидностью заставляет исследователей говорить о политипологичности конкретных живых языков, на фоне предложенных в модели ЯЗЫК 2 эталонных конструктов. Накопленный типологической отраслью лингвистики огромный исследовательский опыт позволяет судить не только об имплицативной связанности наиболее продуктивных доминантных типов в языке, но и о целносистемной, комплексной (на всех ярусах системы языка) представленности формирующих тип языка признаков с учетом специфики проявления на каждом отдельно взятом уровне. Опираясь на этот опыт, мы можем предположить, что такого рода взаимообусловленность (далее мы будем оперировать термином «взаимосодействие») типологических реалий может проявиться и на ассоциативно-вербальном материале, по крайней мере, применительно к роли ассоциативной грамматики в формировании точек концентрации смыслов в динамической смысловой структуре образа мира индивида.

Материал исследования и целеполагание

Что дает нам право говорить об ассоциативной типологии, в каких ракурсах возможно ее развитие и на каком именно материале? В данной статье мы будем опираться на выполненные нами в разные годы [Шапошникова 2020; 2022; 2023а; 2023б; 2024] исследования точек концентрации смыслов, эксплицирующих этнополитическую социализацию и национальную идентичность (специфику национального чувства испытуемых) в ассоциативно-вербальной сети русской языковой личности (АВС РЯЛ) на материалах больших ассоциативных баз данных (РАС, ЕВРАС, СИБАС 1, СИБАС 2 и др.), дающих возможность ставить задачи изучения РЯЛ не только и не столько в региональном (локальном), сколько в общерусском формате, динамичном и доступном для наблюдения в актуальной для нескольких одновременно живущих поколений диахронии. Эти масштабные экспериментальные данные обладают особой значимостью в виду их репрезентативности по отношению к динамике образа мира русских, проявившейся в ходе последних 50 переломных для нашей цивилизации лет. Ниже приводится список лексических единиц, чьи ассоциативные поля (АП), значимые для функциональной пробы маркеров этнополитической социализации, были изучены в актуальной диахронии.

РАС: *народ, народный, национальный, национализм, нацизм, фашизм, русский, советский, российский;*

ЕВРАС: *народ, нация, национальный, русский, советский, российский;*

СИБАС1: *народ, нация, национальный, русский, советский, российский;*

СИБАС2: *национальность, народ, нацизм, нацист, фашизм, народный, народная, раса, расизм, толерантность, толерантный, этнический, русская, советская.*

Прямые словари послужили источниками для экспликации психологических значений перечисленных единиц, обратные словари показали их словоизменительные парадигмы.

Мы пытались найти ответ в нашем материале на вопрос о том, может ли при этнополитической социализации в новых постсоветских условиях осуществляться опора на цивилизационный (этнокультурный) опыт СССР, на стереотипы советского

времени. Иными словами, есть ли основания говорить об опоре на внутренний ресурс смыслового поля советской (русской) культуры, а именно, на советский стереотип межнациональных отношений. Для осуществления функциональных проб с наших ассоциативно-вербальных материалов мы опирались на зафиксированные этносоциологами вербальные и поведенческие параметры национального чувства русских (советских) людей при анализе АП перечисленных выше вербальных единиц в составе парадигм *национального*. Поиск велся с целью выяснить: есть ли в АП парадигмы *национального* «взаимосодержащие» смысловые акцентуации (однонаправленные по полезному результату установочные векторы), которые свидетельствовали бы о сохранности советского стереотипа межнациональных отношений с высоким уровнем комплементарности в межнациональных отношениях и / или эксплицитировали бы его в новом воплощении. Опыт показывает, что есть [Шапошникова 2024: 76–77].

Этнополитическая социализация проявляется в активном вхождении личности в смысловое поле своей культуры, участии во внутреннем диалоге в границах этого смыслового поля (русского мира) в ходе социо-коммуникативной деятельности. ЯЛ при этом показывает знаковые формы этнополитической социализации. Это прежде всего вербально-смысловые знаки, установки и практики оперирования значениями соответствующих лексем. Векторы (доминанты) смыслообразования доступны нам для изучения через психологические значения (воплощенные в АП) на моделях АВС, и они очевидно маркируют национальную самоидентификацию (цивилизационного порядка для русских).

Специфика момента заключается в испытаниях для русского народа, связанных с утратой роли советского человека и этнополитической социализацией в новых условиях, на фоне быстрого развития антисистемных этнических процессов на постсоветском пространстве. Беспрецедентное влияние антисистемных формирований людей с негативным мироощущением на образ мира молодых россиян через новые информационно-технологические средства вело к катастрофе смыслоутиратности, которая становилась ментальным знаком перемен эпохи перестройки. Все это придает особую актуальность изучению больших баз ассоциативно-вербальных данных как материалов, пригодных для функциональных проб с флуктуаций мотивационно-установочного механизма ЯЛ и поиска единиц анализа для сравнительно-сопоставительных исследований в рамках ассоциативной типологии, как в пределах актуальной диахронии для РЯЛ, так и в межъязыковом плане. Уже достигнутые результаты наталкивают на мысль о функциональной целостности языковой личности и возможностях ее изучения на разном содержательном материале, в том числе и эксплицитирующем актуальные установки этнополитической социализации РЯЛ в сопоставлении с этносоциологическими данными [Шапошникова 2024]. Вопрос представляется нам особенно важным не только из-за остроты текущего момента, связанной, прежде всего, с украинскими событиями. Именуемые базы больших ассоциативно-вербальных данных позволяют рассмотреть проблему в актуальной диахронии, в динамике, оперируя материалами, полученными от нескольких одновременно живущих поколений россиян. Специфика динамической жизни русских людей такова, что *каждое новое поколение россиян социализуется в разных этнополитических условиях*, отвечая на разные вызовы времени, что можно трактовать как *постоянную тренировку национального чувства русских*.

Закономерно предположить, что такая ситуация может влиять на содержание процесса этнополитической социализации с одной стороны, и, как следствие, с другой стороны, на сохранение целостности державы (государства-цивилизации), вмещающей арену исторической активности российской суперэтнической системы. Возможно, есть некий деятельностный поведенческий сценарий, наполняющий процесс этнополитической социализации у всякого нового поколения россиян такими смыслами, которые неизменно дают максимально полезный для сохранения суперэтноса результат.

Здесь следует уточнить, какой именно материал мы получаем в АВС, почему он может рассматриваться как пригодный для выявления корреляций между этническими (в данном случае этнополитическими) процессами и системообразующими факторами в АВС. Как показал в своих пионерских работах в этой сфере Ю.Н. Караулов, экспериментально полученная АВС дает возможность построить *вероятностную статистическую* модель «усредненной» ЯЛ [Караулов 2010а]. Опередившие свое время работы Л.Н. Гумилева в области этнологии трактуют этнические процессы как явления, имеющие *статистическую, вероятностную основу*: «на индивидуальном уровне возможны любые случаи и отклонения от закономерности, но при повышении ранга рассматриваемой системы [субэтнос – этнос – суперэтнос] закономерность действует все более четко» [Гумилев 2002: 526]. Речевое поведение человека имеет сходную природу. Таким образом, и целостность этнической системы (для нас: этнического образа мира), и целостность ЯЛ (следовательно, и системы ЯЗЫК 1) имеют общие, связанные со смысловой регуляцией психических процессов закономерности становления, которые, будучи «достоянием» живого организма человека, как нам представляется, могут быть интерпретированы и эксплицированы с помощью теории функциональных систем. Здесь неизбежен вопрос о функциональной целостности системы языка и, собственно, о его системообразовании. Мы будем руководствоваться следующим рабочим определением границ понятия ЯЗЫК 1:

«Язык человека – динамичный сложноорганизованный комплекс функциональных систем; целостность системы в процессе ее формирования и функционирования достигается при взаимодействии внутренних индивидуально-личностных, психо-когнитивных детерминант с внешними историко-культурными, социо-коммуникативными детерминантами на вербально-*смысловой* основе. ...Образ мира носителей живого языка представляет собой смысловой субстрат языкового сознания, его целостность и системность закономерно влияют на освоение нового опыта вербальной коммуникации» [Шапошникова 2023: 29–30]. В динамической регуляции отношений с внешней средой и в саморегуляции личности образ мира играет системообразующую роль как базис мотивационно-установочного каркаса, управляющего вербальным поведением человека. Вместе с тем, новый опыт вербальной коммуникации специфически воплощается и в структуре образа мира при необходимости меняя его, чтобы достичь необходимого полезного результата.

Преимущество экспериментально полученных ассоциативно-вербальных материалов заключается в том, что они дают доступ к психологически актуальной смысловой структуре образа мира ЯЛ. АП могут в этой связи рассматриваться как материал для *функциональных проб* с доминантных смыслов, которые могут быть представлены в виде векторов смысловых акцентуаций, отражающих социо-коммуникативные установки, сложившиеся естественным путем в ходе социализации (включая этнополитическую). Статистика строится на снятом с живых организмов

в ходе эксперимента материале, что приближает АВС к статусу «природоподобной» модели. Привлечение такого материала направлено на повышение объяснительной силы теории языка (ЯЗЫК 2), поскольку позволяет найти ключ к комплементарному рассмотрению ЯЗЫК 1 и ЯЗЫК 2, к интерпретации их системогенеза через соотнесение речевого поведения с принципами работы мозга.

Здесь уместно обратиться к ключевым аспектам старых дискуссий о системности и системогенезе, которые были критически переосмыслены П.К. Анохиным в период поисков учеными общей теории систем в XX в. Уже тогда ставились вопросы о том, что именно определяет целостную организацию системы. *Как элементы «приводятся в организменное целое»?* Механистический подход давал объяснение на основе свойств входящих в целостное образование элементов². Такой подход П.К. Анохин сравнивает с изучением наркотизированного животного, а не динамически функционирующего в нормальных условиях целостного животного [Анохин 1975: 19]. Поиск изоморфности системообразующего фактора при изучении *организмов, общества, машин* проводился часто на основе принципов математической теории систем [Анохин 1975: 27], когда дедуктивный перенос осуществлялся для интерпретации биологических явлений, что приводило к неоправданному предписанию абстракций реальным биологическим процессам. П.К. Анохин придерживался иного подхода: *сначала физиологические и биологические явления, а потом их математическая обработка*. «В математическом кузове автомобиля нет мотора и топлива», то есть системообразующего фактора [Анохин 1975: 27–28]. Здесь нет мотивационно-установочной части, она и отличает живые системы от иных.

Целеполагание как свойство живой системы, а значит детерминантность, направленность ее деятельности проявляет себя, в частности, в том, что «цель всегда опережает реализацию ее организмом, то есть получение полезного результата». Принятие решения и предсказание результата зреет внутри системы и это не моделируется математически [Анохин 1975: 29]. В этом смысле вероятностно-

---

² Примечательно, что в дискуссиях специалистов с Л.Н. Гумилевым также обращалось внимание на то, что «попытки определить этнос через ряд признаков (язык, культура, территориальное единство, общность экономической жизни, самоназвание и т.д.) постоянно терпели неудачу, так как выявить основной, непременный для всех случаев этнодифференцирующий признак оказалось невозможным. Л.Н. Гумилев показал, что “вынести за скобки” можно лишь само признание этническим коллективом своего единства: “мы не такие, а все прочие другие (не мы)”. Это отождествление является отражением в сознании людей этноса как объективно существующей целостности и является разновидностью системной связи между объектами (людьми), а не их свойством (признаком)» [Гумилев 2002: 570–571]. Дальнейшее изучение общности стереотипов поведения как фундамента этнической традиции, регулирующей отношения этноса с внешней средой, показало, что стоит за таким подсознательным единством. Важно понимать, что в соцопросах и других практиках обращения к рефлексии над своей этничностью человек как раз пытается дать вербальное обоснование своей идентичности через обращение к каким-то признакам (чаще тем же, что были перечислены выше, которые мы найдем и в энциклопедических словарях, толкующих через эти признаки понятия *народа, нации, этноса*). Для соцопросов вообще очень характерно предложение респонденту готовых списков признаков-идентификаторов, например, гражданской или этнической идентичностей на выбор (среди многих: [Вагапова и др. 2024: 84–85; Зыкина 2022: 56–60; РИ 2022: 30–49]). В (меж)национальном дискурсе эти практики закрепляются и поэтому находят отражение во всех АП слов парадигмы *национального*. В них отчетливо выявляются смысловые ниши (зоны), вмещающие в себя разные виды материальных и идеальных артефактов культуры, включая язык, этнополитические концепции и разные качественно-признаковые характеристики национального (этнического, народного). Ср. структуру всех описанных нами в разное время АП слов парадигмы *национального*.

статистические модели ABC строятся только на основе и после снятия живого материала в работе с испытуемыми, что позволяет включить фактор спонтанной внутренней (психической) регуляции. При этом мы исходим из предположения о том, что процессы принятия решений (мотивационно-установочный аппарат) ЯЛ связаны с векторами ее семантических акцентуаций, отражающих социо-коммуникативные установки, которые эксплицируются в эксперименте и поддаются дальнейшей статистической обработке на моделях ABC. Как выглядит этнополитическая социализация в аспекте функциональной целостности ЯЛ?

Важнейшая мысль П.К. Анохина заключается в том, что *взаимодействие компонентов не может быть основой* какого-либо системного процесса. Для адекватного понимания природы живых систем «надо вскрыть те детерминирующие факторы, которые освобождают компоненты системы от избыточных степеней свободы» [Анохин 1975: 32].

Таким фактором является не простое взаимодействие, а «взаимоСОдействие» для достижения полезного результата, что и составляет в норме основу работы любой функциональной системы, формируя направленность поведения живого организма³.

Осознавая, что ЯЛ – субъект целостности, понимаем, что регуляция системы ЯЗЫК 1 осуществляется *на смысловой основе под потребности личности*. Проецируемый в будущее результат задает параметры целостности функциональной системы, ее компоненты взаимодействуют друг другу в достижении этого результата. Вероятно, смыслоутратность, характерная для кризиса 1990-х, была сопряжена с нарушением целостности образа мира и формированием противоречивого, а, в особо тяжелых случаях, негативного мироощущения. В каком состоянии пребывает РЯЛ сейчас, наметился ли вектор нового воплощения позитивного мироощущения русских? Этнополитическая социализация, как уже упоминалось выше, подразумевает активное включение личности в смысловое поле культуры, понимание его интенциональности, выработку способов ориентировки в социо-коммуникативной среде в ходе принятия решений о стратегии взаимодействия с внешним миром для *постоянного достижения позитивного в процессе вербального поведения результата: применительно к этнополитической социализации это успешное взаимодействие в межнациональном плане за счет высокой комплементарности русских в межнациональных отношениях* (условие существования государства-цивилизации Россия). Поскольку живые системы могут регулироваться на внутренней смысловой основе, опираясь на внутренние ресурсы, важно наличие (актуальное созревание) потребности в этнополитической социализации, для того чтобы процесс отразился в вербальном поведении.

---

³ «Системой можно назвать только такой комплекс избирательно вовлеченных компонентов, у которых взаимодействие и взаимоотношения принимают характер взаимоСОдействия компонентов на получение фокусированного полезного результата. Конкретным механизмом взаимодействия компонентов является освобождение их от избыточных степеней свободы, не нужных для получения данного конкретного результата и, наоборот, сохранение всех тех степеней свободы, которые способствуют получению результата. Таким образом, результат является неотъемлемым и решающим компонентом системы, инструментом, создающим упорядоченное взаимодействие между всеми другими ее компонентами» [Анохин 1975: 35]. Вовлечение новых компонентов в функциональную систему «в трудных условиях функционирования» осуществляется по тому же принципу использования тех степеней свободы, которые содействуют результату, а остальные – исключаются. Именно такой процесс мы наблюдаем при включении заимствований *толерантный* и *толерантность* в русскую парадигму *национального* [Шапошникова 2023а; б].

Изучая динамику ассоциативно-вербальных процессов и национального чувства РЯЛ в актуальной диахронии, мы уже не раз находили свидетельства *активации этничности у молодых поколений россиян*, повышения ее субъективной значимости, что проявлялось в росте определенных точек концентрации смыслов в парадигмах *национального*, вербальных узлах, где в свернутом виде схвачена специфика национального чувства РЯЛ. Во всех отмеченных случаях такого рода процесс этнизации явно или скрыто подкреплялся теми или иными «взаимосодействующими» механизмами ассоциативной грамматики.

Ассоциативная грамматика как предмет рассмотрения в типологии

Какие принципы должны применяться в ходе типологического изучения экспериментально полученного ассоциативно-вербального материала? Очевидно, что здесь должны работать принципы, лежащие в основе феномена ЯЗЫК 1, а основной путь к познанию этого явления – через методологический аппарат *функциональных систем*, поскольку, как мы уже видели на примере концепции А.А. Залевской, системогенез ЯЗЫК 1 подчиняется законам психической деятельности человека. Впрочем, для начала возможен и путь поиска психолингвистической верификации уже выявленных структурной типологией «типов в языке» через построение их ассоциативных профилей для дальнейшего изучения степени и характера их актуальной экспликации на экспериментальном материале. Например, давно известно, что специфика обладающих яркими признаками флективности языков проявляет себя в автосемантичности и самостоятельности готовых словоформ с высоким коммуникативно релевантным смысловым разрешением. Отдельно взятая (морфологически цельнооформленная) словоформа несет в себе довольно много информации не только о предметно-вещественном, понятийном (*индивидуальном лексическом*) значении, но и об *общеграмматическом* (категориальном частеречном, оформляющем лексическое значение понятийно), а также и о комплексе *частнограмматических значений*⁴, специфичных для слов конкретной части речи или подкласса слов внутри нее.

При обилии лексико-морфологических средств создания носителей значений во флективном языке словоформы должны быть менее зависимыми от синтаксиса в процессе идентификации вне контекста кластера стоящих за ними значений, они более предсказуемы и готовы в плане внешней оформленности для включения в речевую цепочку. Это не может не влиять на формальный состав и смысловую структуру ассоциативного поля (далее АП), представляющего психологическое значение такой словоформы. Например, в таблицах 1 и 2 показано, что при сравнении обратных АП, в которых в качестве реакций выступили прилагательные мужского, женского или среднего рода (*народный, народная и народное*), становится очевидной зависимость этих реакций-прилагательных со встроенными в них маркерами согласовательной категории рода от родового значения и его категориальной маркировки у слов-стимулов (существительных и прилагательных), показывая при этом почти стопроцентную готовность испытуемых создавать субстантно оформленные (формально согласованные) с помощью морфологических ресурсов языка синтаксемы в процессе построения цепочек «**стимул – реакция**».

---

⁴ Выделенные курсивом термины предложены В.М. Солнцевым для типологии значений и установления типов их носителей с учетом особенностей языков разного структурного типа [Солнцев1995: 141–146].

Таблица №1

Категории рода и числа в АП прилагательных *народный, народная, народное* (обратный словарь СИБАС 1 + 2: 2014 – 2022)⁵

<i>Народный</i> (47; 22)	<i>Народная</i> (37; 15)	<i>Народное</i> (16; 13)
Частречный состав стимулов в ассоциативных цепочках с прилагательными-реакциями		
Из 22 стимулов 13 существительных (артист, наряд, говор, дух и др.) в ед. ч.; на них 17 раз дана реакция <i>народный</i> . 9 стимулов – прилагательные (этнический, социальный, национальный и пр.) в ед. ч., на них получено 30 реакций <i>народный</i> .	Из 15 стимулов 13 – существительные (медицина, песня, культура и др.) в ед. ч., на них 35 раз дана реакция <i>народная</i> . 2 стимула – прилагательные (всемирная, русская) в ед. ч., на них два раза дана реакция <i>народная</i> .	Все 13 стимулов – существительные (творчество, бедствие, зерно и пр.) в ед. ч.; на них 16 раз дана реакция <i>народное</i> .
Категория рода в ассоциативных цепочках с прилагательными-реакциями		
Из 22 стимулов 21 мужского рода в ед. ч. (46 реакций); только 1 стимул женского рода (бедность), 1 реакция.	Все 15 стимулов женского рода в ед. ч. (37 реакций).	Все 13 стимулов среднего рода в ед. ч. (16 реакций).
Категория числа в ассоциативных цепочках с прилагательными-реакциями		
АП прилагательного во мн.ч. <i>народные</i> (2;2)		
оба слова-стимула существительные во мн. ч. (товары; традиции)		

Таблица №2

Категория рода в АП прилагательных-стимулов **НАРОДНЫЙ, НАРОДНАЯ, ЭТНИЧЕСКИЙ** (прямой словарь СИБАС 1 + 2: 2014 – 2022)⁶

Народный (145; 79; 3; 60)	Народная (134; 45; 1; 32)	Этнический (148; 84; 10; 60)
Из общего количества реакций (145) 84,8% – существительные; 15,2% – прилагательные. Все прилагательные мужского рода; из 123 реакций существительными 5,7% – женского рода, 6,5% – среднего, остальные 87,8% – мужского.	Из общего количества реакций (134) 94,8% – существительные; 5,2% – прилагательные (6 разных слов, из них 1 – мужского рода, 1 – среднего). Из 39 разных реакций существительными 2 среднего рода (1,6% от общего количества существительных), 3 – мужского (2,4%); остальные 96% – женского.	Из общего количества реакций (148) 79% – существительные; 19,6% – прилагательные (12 разных реакций, все мужского рода); 2 реакции (1,4%) – глаголы. Из 117 существительных 25 реакций (21,4%) 15 разными словами женского рода; 6 (5,1%) пятью разными существительными среднего рода; остальные – мужского (73,5% от всех существительных).

⁵ В первой строке таблицы приводятся данные о наполнении АП обратного словаря. Например: *народный* (47; 22). Первое число показывает общее количество реакций прилагательным *народный* (47), второе (22) – общее количество разных слов-стимулов, вызвавших в качестве реакции данное прилагательное?

Приведенные в таблицах 1 и 2 данные, полученные из новейших больших ассоциативных баз СИБАС 1 и 2 (причем СИБАС 2 – с расширенным до 4000 за счет разных типов словоформ списком стимулов), подтверждают некоторые, высказанные ранее Ю.Н. Карауловым на материале РАС, общие положения об ограничении на ассоциирование прилагательного, в отличие от существительного, которое доминирует по частоте встречаемости в АВС и не имеет ограничений на ассоциирование. Они были описаны Ю.Н. Карауловым применительно к грамматическим категориям рода, числа и падежа следующим образом: «Падеж как грамматическая категория не свойствен прилагательным-стимулам в АВС» [Караулов 2010б: 27]. Форма множественного числа также не присуща прилагательным в АВС, как падеж и род она навязывается прилагательному подчиняющим его существительным в тексте. «В ассоциативных же статьях оформленность грамматическим родом реакций прилагательных оказывается в абсолютной зависимости от грамматического рода стимула» [Караулов 2010б: 27]. В общих контурах новые материалы свидетельствуют о том, что выводы Ю.Н. Караулова не вызывают сомнения. Аналогичную отмеченной в таблицах 1 и 2 картину по частеречным предпочтениям находим практически в любом АП прилагательного и в прямых, и в обратных отношениях в цепочках **стимул ↔ реакция**. См. также таблицы 3 и 4 ниже.

Таблица №3

**Ассоциативный профиль прилагательных НАРОДНЫЙ в РАС и СИБАС 2;
НАРОДНАЯ, ЭТНИЧЕСКИЙ в СИБАС 2⁷.**

Народный: 1988–1997: РАС (103, 41, 1, 26)	Народная: 2014–2022: СИБАС 2 (134, 45, 1, 32)	Народный: 2014–2022: СИБАС 2 (145, 79, 3, 60)	Этнический: 2014–2022: СИБАС 2 (148, 84, 10, 60)
Зона 1. Номинации (а)			
Артефакты и знаки (предметные объекты материально-производственной культуры), внешние (воплощенные в предметной форме) признаки и ритуалы (игры, мероприятия), формальные структуры (учреждения и организации), а также животные.			
Суд 9; фронт 4; ансамбль 2; праздник 2; танец 2; ГАЗ; инструмент; комбинат; пир; проспект; фонд; хлеб; хор. 33 (32%) / 13 (31,7%) ⁶ Все реакции мужского рода.	Песня 38; примета 8; сказка 7; компания 2; песнь 2; поговорка 2; баллада; водка; игра; костюм; легенда; музыка; танцы; поговорка; поговорка, песня; праздник; тропа. 69 (51,5%) / 16 (35,6%). Только 2 существительных мужского рода.	Танец 16; костюм 5; голос 4; хор 3; день 2; праздник 2; береза; вальс; гимн; знамя; комитет; обычай; орнамент; песни; платье; полк; постановка; проспект; рецепт; сказка; совет; стол; сюжет; фильм; Хурал; частушки. 52 (35,9%) / 26 (32,9%). 3 существительных женского рода, 2 – среднего, остальные – мужского.	Костюм 4; танец 4; голос 3; группа 3; мотив 2; музей 2; узор 2; бубен; жанр; зверь; изображение; индейские фенечки; класс; коллектив; наряд; обряд; посох; праздник; произведения; рассказ; словарь; шарф; яркие краски. 36 (24,3%) / 23 (27,4%). 1 существительное женского рода; 1 – среднего.

⁶ В первой строке таблицы приводятся данные о наполнении АП прямого словаря. Например: **народный** (145; 79; 3; 60). Первое число показывает общее количество реакций прилагательным **народный** (145), второе (79) – количество реакций разными словами; третье – количество отказов давать вербальную реакцию; четвертое – количество реакций, которые давались только одним испытуемым.

⁷ Количественные данные в первой строке таблицы приводятся в том же порядке, что и в таблице 2. Значительное содержательное сходство в предметной соотнесенности всех прилагательных в таблице 3 с прилагательным **национальный** (см. Таблица 1 в [Шапошникова 2024: 67–69]) позволило провести психоглоссирование их АП с выделением сходных смысловых зон.

Зона 2. Номинации (б) Нематериальные объекты и абстрактные, отвлеченные и обобщающие (имеющие многообразное воплощение) понятия, социальные институты и ценности, свойства, идеологемы и качества, связанные с нацией (народом).			
Фольклор 7; язык 2; образ; характер; эпос. 12 (11,65%) / 5 (12,2%) Все существительные мужского рода.	Мудрость 21; музыка 5; республика 5; слава 5; культура 2; медицина 2; власть; демократия; искусство; партия; традиция; фольклор; хозяйство; шок. 48 (35,8%) / 14 (31%). 2 существительных среднего рода; 2 – мужского, остальные – женского.	Творчество 2; фольклор 2; гнев; говор; голосование; образ; сленг; эпос; язык. 11 (7,6%) / 9 (11,4%). 2 существительных среднего рода, остальные – мужского.	Конфликт 4; культура 4; кризис 3; музыка 2; биология; ботаника; вопрос; казус; контроль; критерий; привилегия; признак; принадлежность; принцип; разница; ресурс; слой; характер; цель; шарф; эмо; эпос; этнология. 32 (21,6%) / 23 (27,4%). 9 существительных женского рода, 1 несклоняемое среднего, остальные – мужского.
Зона 3. Толкования, связи с однопорядковыми качествами, идентичностью			
Общий 2; русский 2; наш; хороходный; хороший; чужой. 8 (7,76%) / 6 (14,6%); все прилагательные мужского рода.	Домашнее 2; всеобщая; заслуженный; людская; общая; этническая. 7 (5,2%) / 6 (13,3%). Все прилагательные. 1 среднего рода; 1 – мужского; остальные – женского.	Общий 3; всеобщий 2; общественный 2; родной 2; русский 2; старый 2; всемирный; для всех; классический; массовый, демократичный; национальный; патриотический; понятный; свой; хоровой. 22 (15,2%) / 15 (18,98%). Все прилагательные мужского рода.	Народный 10; национальный 4; старый 3; исторический 2; культурный 2; обобщенный 2; самобытный; свой; собственный; эпический. 27 (18,2%) / 10 (11,9%), все прилагательные мужского рода.

⁸ Здесь и далее статистика наполняемости каждой зоны приводится в следующем порядке: первое число – поштучное количество реакций в зоне и их % от общего количества реакций в АП; второе число – поштучное количество разных реакций в зоне и их % от общего количества разных реакций в АП.

Зона 4. Одушевленные номинации (люди, их роли, в том числе конкретные национальности, персоналии).			
Артист 19; депутат 15; герой 3; певец 3; вождь 2; русский 2; судья 2; еврей; Тарас Бульба; учитель. 49 (47,6%) / 10 (24,4%). Все существительные мужского рода.	Верка Сердючка; певичка. 2 (1,5%) / 2 (4,4%). Все существительные женского рода.	Артист 21; депутат 4; певец 3; человек 3; герой 2; русский 2; артист России; избранник; исполнитель; кумир; любимец; мститель; патриот; представитель; продюсер; спонсор. 45 (31%) / 16 (20,25%). Все существительные мужского рода.	Шаман 2; китаец; расист; славяне; хиппи. 6 (4%) / 5 (5,95%). Все существительные мужского рода. Хиппи – общего; славяне – мн. ч.
Зона 5. Локации (где и когда воплощается)			
Театр 1 (0,97%) / 1 (2,4%) Существительное мужского рода.	Республика 5; улица. 6 (4,5%) / 2 (4,44%). Все существительные женского рода.	Россия; артист России; рынок; село. 4 (2,76%) / 4 (5%). 2 существительных – мужского рода; 1 – женского, 1 – среднего.	Давний; дом; древний; мир; округ; поселение; региональный; Русь. 8 (5,4%) / 8 (9,5%). 3 прилагательных мужского рода, 3 существительных мужского, 1 существительное среднего, 1 существительное женского рода.
Зона 6. Действия и деятельность			
Надоело; смешно 2 (1,9%) / 2 (4,9%).	Гулянка; пляска. 2 (1,5%) / 2 (4,4%). Все существительные женского рода.	Бой; бунт; выбор; голосование; гуляния; парад; сбор. 7 (4,8%) / 7 (8,86%). Все существительные. 1 – среднего рода, 1 – во мн. ч., остальные – мужского рода.	Контроль; не знаю; разговор; сбор. 4 (2,7%) / 4 (4,76%). 3 существительных мужского рода.
Зона 7. С какими этносоциальными общностями (таксонами, формами объединения) связаны			
Вече 1 (0,9%) / 1 (2,4%). Существительное Среднего рода <i>вече</i> может намекать на смысловую связь с более общим словом <i>собрание</i>.	Масса; община; общественность; толпа. 4 (2,98%) / 4 (8,9%). Все существительные женского рода.	Нация; общество; толпа; принадлежит массам; пролетариат. 5 (3,45%) / 5 (6,3%). 4 существительных, 2 – женского рода, 1 – среднего, 1 – мужского. Предикат (<i>принадлежит массам</i>) указывает на субстантивацию стимула в процессе грамматикализации.	Народ 7; состав 4; раса 3; народы 2; национальность 2; общество 2; класс; коллектив; контингент; народность; нация; племя; слой; этнос. 28 (18,9%) / 14 (16,66%). Все существительные. 4 – женского рода, 2 – среднего, остальные – мужского.

Зона 8. Эмоционально-оценочные единицы			
Быдло; самый нищий; туфта; придурок. 4 (3,9%) / 4 (9,76%). 3 существительных среднего, женского и мужского рода. 1 прилагательное мужского.	Шок. 1 (0,75%) / 1 (2,22%). Существительное мужского рода.	-	Заскок; хаха. 2 (1,35%) / 2 (2,4%). 1 существительное мужского рода, 1 слово звукоподражательное.
Психоглоссы интенсивности			
Народный (РАС)	Народная (СИБАС 2)	Народный (СИБАС 2)	Этнический (СИБАС 2)
Зона 4 одушевленные номинации (47,6%) → Зона 1 (32%) номинации (а) → Зона 2 (11,65%) номинации (б) → Зона 3 толкования, качества (7,76%) → Зона 8 эмоционально оценочные (3,9%) → Зона 6 (1,9%) действия и деятельность → Зона 5 локации (0,97%) → Зона 7 таксоны (0,9%)	Зона 1 (51,5%) номинации (а) → Зона 2 (35,82%) номинации (б) → Зона 3 (5,2%) толкования, качества → Зона 5 (4,48%) локации → Зона 7 (2,98%) таксоны → Зона 4 (1,5%) одушевленные номинации = Зона 6 (1,5%) действия, деятельность → Зона 8 (0,75%) эмоционально-оценочные.	Зона 1 (35,86%) номинации (а) → Зона 4 (31%) одушевленные номинации → Зона 3 (15,2%) толкования, качества → Зона 2 (7,58%) номинации (б) → Зона 6 (4,8%) действия, деятельность → Зона 7 (3,45%) таксоны → Зона 5 (2,76%) локации → Зона 8 (0%) эмоционально-оценочные.	Зона 1 (24,32%) номинации (а) → Зона 2 (21,6%) номинации (б) → Зона 7 (18,91%) таксоны → Зона 3 (18,2%) толкования, качества → Зона 5 локации (5,4%) → Зона 4 (4%) одушевленные номинации → Зона 6 (2,7%) действия, деятельность → Зона 8 (1,35%) эмоционально-оценочные.
Психоглоссы экстенсивности			
Зона1 (31,7%) → Зона 4 (24,4%) → Зона 3 (14,6%) → Зона 2 (12,2%) → Зона 8 (9,76%) → Зона 6 (4,9%) → Зона 5 (2,4%) = Зона 7 (2,4%).	Зона1 (35,55%) → Зона 2 (31%) → Зона 3 (13,3%) → Зона 7 (8,88%) → Зона 4 (4,4%) = Зона 5 (4,4%) = Зона 6 (4,4%) → Зона 8 (2,22%).	Зона1 (32,9%) → Зона 4 (20,25%) → Зона 3 (18,98%) → Зона 2 (11,4%) → Зона 6 (8,86%) → Зона 7 (6,3%) → зона 5 (5%) → Зона 8 (0%).	Зона1 (27,4%) = Зона 2 (27,4%) → Зона 7 (16,66%) → Зона 3 (11,9%) = Зона 5 (9,5%) → Зона 4 (5,95%) → Зона 6 (4,76%) → Зона 8 (2,38%)
Комментарии			
Возможность выделения сходных по содержанию смысловых зон в АП 4-х прилагательных говорит о сходстве предметной соотнесенности их значений. Вместе с тем, наблюдаются качественные отличия наполняемости всех зон конкретными ассоциатами. При этом, в зоне 6 в РАС находим формы, несущие в себе неопределенно-личностный оттенок скептицизма, в зоне 8 (РАС) не только воплощается скептическое восприятие народной сути, но и явно показывает себя негативный автостереотип, что было характерно и для АП стимула Народ в эпоху перестройки [Шапошникова 2020: 270–284].			

Разная наполняемость зон конкретными ассоциатами, отличия в организации целостной семантической структуры АП (ср. направленность психоглосс) маркируют семантическую зависимость не только от смысловых флуктуаций образа мира в актуальной диахронии (например, в РАС и СИБАС 2), но и от частнограмматических значений ассоциатов. Ср. психоглоссы АП **народный** в РАС и СИБАС 2 с одной стороны и **народный / народная** в РАС и СИБАС 2 – с другой.

Таблица №4

Ассоциативный профиль прилагательных РУССКАЯ и СОВЕТСКАЯ в прямом СИБАС 2⁹

Русская: 2014 – 2022: СИБАС 2 (155, 64, 2, 37)	Советская: 2014 – 2022: СИБАС 2 (144, 53, 2, 33)
Зона 1. Номинации – объекты материально-производственной культуры, включая символику, внешние признаки и ритуалы (игры), а также природно-климатические явления и животных	
песня 5; рулетка 5; коса 4; пословица 4; водка 3; еда 2; земля 2; зима 2; матрешка 2; поговорка 2; сказка 2; церковь 2; береза; губа; дорога; изба; книга; машина; мелодия, песня; правда (газета); фирма; хижина. 45 (29%) / 22 (34%). Все существительные женского рода.	энциклопедия 7; газета 2; звезда 2; книга 2; машина 2; библиотека; газировка; граница; заколка; игрушка; квартира; колбаса; мебель; одежда; парикмахерская; пилотка; Сибирь (газета); символика; техника; штамп. 30 (21%) / 20 (38%). Все существительные женского рода, кроме одного.
Зона 2. Нематериальные объекты и абстрактные понятия, социальные институты и ценности (идеологемы)	
речь 15; душа 8; кухня 5; национальность 4; культура 3; литература 3; народность 3; нация 3; музыка 2; семья 2; церковь 2; бедность; действительность; империя; история; классика; краса; красавица; красота; культура, кухня; национальность; любовь; натура; поэзия; правда; традиция; фамилия. 66 (42,6%) / 27 (42%). Все существительные женского рода.	власть 35; жизнь 9; система 5; заправка 3; история 3; музыка 3; республика 3; эпоха 3; армия 2; совок 2; время; действительность; диктатура; качество; кино; кухня; литература; перестройка; печать; политика; пропаганда; работа; революция; школа. 82 (57%) / 24 (45%). Все реакции существительные. 3 – среднего рода, 1 – мужского, остальные женского.

⁹ Порядок подачи числовых данных в первой строке и в каждой зоне такой же, как в таблицах 2 и 3. Содержательное сходство значений прилагательных мужского и женского рода **русский/русская** и **советский/советская** позволяет провести психоглоссирование всех АП с выделением сходных смысловых зон у этих четырех словоформ (подробный анализ АП прилагательных мужского рода см. в [Шапошникова 2020: 285–300]).

Зона 3. Одушевленные номинации (люди и их роли)	
девушка 10; женщина 7; красавица 4; девица 2; краса; немец; славянка; славянка! 27 (17,4%) / 8 (12,5%). Все существительные, 1 – мужского рода, 7 – женского.	Сталин 1 (0,7%) / 1 ( ) существительное (персоналия) мужского рода.
Зона 4. Этнонимы и иные маркеры идентификационной матрицы	
интернациональный; народная; немец; немецкая; родная; славянка; славянка!; смесь; советская. 9 (5,8%) / 9 (14%). 4 существительных (3 женского рода, 1 – мужского). 5 прилагательных (4 женского рода, 1 – мужского).	российская 3; совок 2. 5 (3,5%) / 2 (3,8%), прилагательное женского рода и существительное-ярлык мужского рода, эмоционально-оценочное, своего рода либеральное клеймо эпохи – <i>совок</i> .
Зона 5. Локации (в пространстве и во времени)	
баня 10; кухня 5; отечество. 16 (10%) / 3 (4,7%). Все существительные. 2 – женского рода, 1 – среднего.	улица 14; гавань 4; СССР 3; эпоха 3; Россия 2; совок 2; библиотека; время; граница; квартира; кухня; Москва; парикмахерская; Сибирь; старое; школа. 38 (26%) / 16 (30%). Все реакции подпадают под категорию существительных, 2 – среднего рода, имеют отношение ко времени; 2 – мужского: название страны <i>Союз</i> и ярлык <i>совок</i> .
Зона 6. Экспликация смысла «какой»; качества русскости (советскости), отношение к ним	
краса; красава; красивая; народная. 4 (2,6%) / 4 (6, 2%). 2 существительных женского рода, 2 прилагательных женского рода.	совок 2; качественная; старое. 4 (2,8%) / 3 (5,7%). 2 подпадают под категорию прилагательных (женского и среднего рода), 1 – существительное мужского.
Психоглоссы интенсивности	
Зона 2 (42,6%) → Зона 1 (29%) → Зона 3 (17,4%) → Зона 5 (10%) → Зона 4 (5,8%) → Зона 6 (2,6%).	Зона 2 (57%) → Зона 5 (26%) → Зона 1 (21%) → Зона 4 (3,5%) → Зона 6 (2,8%) → Зона 3 (0,7%).
Психоглоссы экстенсивности	
Зона 2 (42%) → Зона 1 (34%) → Зона 4 (14%) → Зона 3 (12,5%) → Зона 6 (6,2%) → Зона 5 (4,7%).	Зона 2 (45%) → Зона 1 (38%) → Зона 5 (30%) → Зона 6 (5,7%) → Зона 4 (3,8%) → Зона 3 (1,9%).

Комментарии

При всем сходстве общей структуры АП прилагательных мужского и женского рода, внутренняя организация и векторы смысловых акцентуаций маркируют семантические отличия как в оппозиции мужского и женского рода, так и в лексической оппозиции **русский/ая** – **советский/ая**. Эти оппозиции наслаиваются друг на друга при формировании акцентуаций. Здесь также играет роль конкретное наполнение ассоциатами в одинаковых на первый взгляд зонах. Так Зона 2 в обоих АП на первой позиции, но в АП **советская** она более насыщена ассоциатами и содержит заметное количество маркеров идеологем, говорящих о большей этнополитической нагрузке этой зоны у прилагательного **советский/ая** по сравнению с прилагательным **русский/ая**. Больше всего отличий находим в зоне 3, которая, как и зоны 1 и 2 в АП **русский/ая**, наполнена ассоциатами, отражающими преимущественно позитивный личный опыт мироощущения от пребывания в русском мире. Зона 3 у прилагательного **советская**, напротив, не имеет ассоциатов, хоть как-то отражающих личный опыт проживания в СССР. Реакция *Сталин* показывает опосредованную связь, основанную на отождествлении ярких признаков советской эпохи с политической фигурой Сталина, категоризации советского периода как «эпохи Сталина». В зонах 5 и 6 у прилагательного женского рода **русская** устойчивые ассоциации с локациями и качествами преимущественно бытового плана, у прилагательного **советская** (как и у **советский**) – ассоциаты этнополитического толка. В Зоне 4 у существительных и женского, и мужского рода – слабая связь с гражданской (российской) идентичностью, причем у женского рода она еще слабее, чем у мужского.

Чем мотивированы именно такие предпочтения в построении ассоциативных цепочек с прилагательными? Только ли здесь играет роль фактор давления структурных параметров системы ЯЗЫК 2, требующих формального субстантного согласования словоформ? В.В. Виноградов отводил много места в своих работах смысловому (семантическому) обоснованию формальных лексико-грамматических техник в русском языке. Его выводы в этой связи представляются нам очень современными и могут быть применены для коммуникативно-когнитивной интерпретации грамматикализирующих речевых практик РЯЛ при оперировании именными классами слов. Поскольку «семантической основой имени прилагательного является понятие качества», рассматривая «быстрое и разностороннее» развитие этой категории в русском литературном языке XVII–XVIII вв., В.В. Виноградов отмечает, что «качественность ищется в формах отношений между лицами, предметами, отвлеченными понятиями. Она выводится из отношения к предмету или действию» [Виноградов 1972: 151–152]. Видимо, с этим связан и высокий удельный вес соответствующих смысловых зон предметной соотнесенности в АП прилагательных. Апелляция к семантическим связям, по сути, дает образец коммуникативно-когнитивно ориентированной интерпретации языкового материала на стадии его предречевой подготовки. «Итак, качественные значения имен прилагательных чаще всего выводятся из отношения к предмету и действию, соответственно значениям тех именных или глагольных основ, от которых они образуются. Прилагательные в подавляющем большинстве своем имеют основу или существительного, или глагола, осложненную суффиксами

(например: *комсомольский, вузовский, обобществленный* и т.п.)). [Виноградов 1972: 154]. Поэтому и формально, и с точки зрения смысловой регуляции преобладание имен существительных в АП прилагательных вполне оправдано (мотивировано). Для более углубленного понимания мотивационных механизмов грамматикализации в АВС необходимо проводить конкретный анализ состава ассоциатов в структуре каждого АП и векторов семантических акцентуаций, эксплицирующих в грамматикализуемом материале доминантные для породившей их РЯЛ смыслы (см. наши комментарии к психоглоссам в таблицах 3 и 4 выше). Частеречная разметка СИБАС 1¹⁰ показала, что АВС в определенной мере отражает процессы категоризации в системогенезе при формировании у РЯЛ больших понятийных классов слов. В новейших ассоциативно-вербальных больших базах данных абсолютно преобладают имена существительные, что подтверждает вывод Ю.Н. Караулова об отсутствии ограничений у имени существительного на ассоциирование. Вместе с тем, данные АВС дают основания и для более пристального, углубленного изучения смысловой основы родовых и иных частнограмматических (падежных, числовых) различий у именных категорий слов, прежде всего у существительных, а также для изучения направленности взаимосвязей при грамматикализации ассоциативных цепочек (синтагм) и, возможно, хронологии (последовательности) их формирования при наличии материалов, полученных от испытуемых разного возраста.

Обратимся к АП прилагательных разного рода, связанных с национальным чувством русских, отражающих этнокультурную и гражданскую идентичность нашего народа (ср. таблицы 1–3 и комментарии к ним, а также анализ АП прилагательного **национальный** в [Шапошникова 2024: 66–72]). Состав и структура АП прилагательных женского рода **русская, советская** сопоставимы с АП прилагательных мужского рода **советский и русский**, которые были изучены нами ранее в [Шапошникова 2020: 285–300]. Сравнение АП прилагательных разного рода показывает, что грамматикализация в процессе ассоциирования при смене показателей рода и числа у прилагательного не просто подчинена формально согласовательным правилам построения именных синтагм. Смена родовых и числовых значений прилагательного (стимула) при всей ее формальной зависимости от существительного (реакции) может приводить к перестройке всей смысловой структуры образа, стоящего за словом-стимулом, соединение лексических и грамматических семантических нюансов может при этом маркировать иные точки концентрации смыслов, чем те, которые были характерны для иной родовой категории. Совершенно не случайно при подготовке стимульных списков для получения АВС предпочтение отдается прилагательным мужского рода. Прилагательные мужского рода во многом наследуют признаки этой родовой категории от существительных. Роль этой категории у существительных довольно велика в плане ее воздействия на кластеризацию смыслов: «грамматические и лексико-семантические основы родовых различий имен существительных еще крепки в их строе, особенно в формах единственного числа. Во множественном числе родовые различия до предела ослаблены как в именах существительных, так и в именах прилагательных» [Виноградов 1972: 78]. Анализируя предметно-смысловое содержание категории рода у разных подклассов существительных, В.В. Виноградов замечает, что «в категории мужского рода ярче выражена идея лица, чем идея пола (ср. *человек* и отсутствие

---

¹⁰ <http://adictru.nsu.ru>

формы *человечица*). В именах существительных, являющихся именами женщин, идея пола ощущается резко и определеннее. Но за пределами категории лица с родовыми классами сочетаются другие оттенки значений, не имеющие ничего общего или имеющие мало общего с идеей пола. Таким образом, *грамматическая форма рода может быть источником тонких семантических эффектов* (курсив наш – И.Ш.). Даже в словах, обозначающих не живые существа, а вещи и отвлеченные понятия, с родовыми различиями связаны потенциальные смысловые оттенки. ...Суть в том, что категория рода и теперь оказывает влияние на семантическую судьбу слова» [Виноградов 1972: 59]. «Слова мужского рода, относящиеся к категории лица, прежде всего выражают общее понятие о человеке – его социальную, профессиональную или иную квалификацию – независимо от пола. Формой мужского рода характеризуется имя человека вообще. Поэтому названия лиц в форме мужского рода могут относиться и к женщинам, если нет упора на половую дифференциацию особей. В категории мужского рода очень заметно значение социально активного лица» [Виноградов 1972: 63]. Эта закономерность особенно ярко проявляет себя во всех АП прилагательных в зонах одушевленных номинаций, называющих персоналии и их социальные роли. Здесь явлена маркированность прилагательных женского рода по признаку пола. Полемизируя с филологами, выносившими радикальные суждения о категории рода в русском языке и часто отказывавшими ей в существовании, В.В. Виноградов подчеркивал: «Можно лишь утверждать, что удельный вес и продуктивная сила всех трех родов неодинаковы в современном литературном языке. Категория среднего рода, по мнению Поттебни, “идет на убыль”. Однако с каждым из трех родовых классов имен существительных связан свой круг значений. Так, в классе слов среднего рода, производящем впечатление менее продуктивного, в современном русском языке наблюдается очень заметный рост абстрактных имен (особенно в области отглагольно-именного словообразования)» [Виноградов 1972: 65]. Ассоциативные материалы подкрепляют эти выводы на всем массиве ассоциатов, связанных с именами существительными и прилагательными.

Возвращаясь к проблеме поиска признаков, легших в основу значений слов-прилагательных, нетрудно заметить, что психологические значения прилагательных **народный**, **народная**, **этнический** и **национальный** действительно напрямую связаны с лингвистическими значениями соответствующих существительных. Свойства, которые характеризуют понятия, воплощенные в существительных, служат основанием для экспликации их как качеств в структуре значений производных прилагательных, что также ярко отражается в ассоциативных профилях прилагательных. Так, АП *этнический* содержит сравнительно много отказов, что характерно для абстрактных слов, в особенности существительных. Другие прилагательные, с менее специализированным значением, распознаются легче и не провоцируют отказ у испытуемого. Терминологическое употребление существительного, которое называет **этнос** безотносительно к его государственной организации, и применимо к разным формам существования сообществ людей как вида, перекрывает в структуре соответствующего прилагательного все признаки иного толка, что придает ему статус маркированной единицы по сравнению с **народный**. Последняя обладает более обобщенным значением и может быть соотносима, как и соответствующее существительное, с людьми и населением в немаркированном этнически смысле. **Национальный**, напротив, довольно жестко ассоциируется с **нацией** как

институционализированным этносом. Это маркер атрибутов организованного этноса со своей символикой и иными признаками, которые также институционализируются (язык, государство, страна и мн. др.). Поэтому **национальный** обязательно вызывает ассоциации с этнополитическими концепциями, идеологическая часть в нем хорошо разработана [Шапошникова 2024: 66–72], в структуре АП **народный** она представлена много меньше, практически периферийно, но субстантные смысловые (не сопоставимые по значимости частотно) пересечения с аналогичной зоной АП **национальный** очевидны в базовых частях этой группы артефактов (ср. ассоциаты Зон 1, 2 и 5 у всех этих прилагательных). В АП **Этнический** зона этнических таксонов выходит в доминантные именно в силу соотносительности прилагательного с терминосферой этнологии и этнографии. Почти все реакции к прилагательному **народная** женского рода, в остальном они распределяются по тем же смысловым нишам, что и у прилагательных мужского рода. АП последнего также наполнено реакциями мужского рода, но явно не ограничено в этом плане и порождает реакции разного рода, этому сопутствует и более богатое по разнообразию наполнение АП, в целом с акцентом на разные социальные роли. Психоглоссы, как по частотности (интенсивности), так и по разветвленности (экстенсивности) связей явно демонстрируют зависимость общей структуры АП от родовой характеристики прилагательного. Ср. психоглоссы АП **народный** и **народная**. Очевидно, что, например, в силу отмеченной В.В. Виноградовым более общей значимости мужского рода, особенно применительно к названиям одушевленных предметов и лиц, и наполнение ассоциатами, и вес соответствующей зоны номинаций лиц и их ролей сильно отличается у прилагательных мужского и женского родов. Зависимость наполнения АП существительными и его целостной смысловой структуры от рода прилагательного-стимула проявляется не только в АП **народный/ая**, но и в **советский/ая**, а также в **русский/ая**, при этом АП **русская** маркировано по отношению к полу прежде всего через зону 3. В целом АП **русский/ая** подчеркивают широкую этнокультурную идентичность через импликации различных по характеру артефактов культуры в разных зонах, в отличие от **советский/ая**, где просматривается более узкая этнополитическая маркированность. Более того, сравнение АП существительных с производными от них прилагательными также свидетельствует о большой зависимости смысловых акцентуаций, эксплицированных психоглоссами, в АП прилагательных от соответствующих векторов в АП существительных. Семантические связи в тех зонах, которые наиболее активны в АП существительных, имеют тенденцию к активации их семантической разработки и в АП прилагательных, даже при изменении смысловой структуры психологического значения имени в актуальной диахронии (см. комментарии к таблицам 3 и 4). При этом падежные предпочтения существительных (выявляются в обратном словаре) сходным образом могут содействовать формированию тех же самых акцентуаций. Это можно толковать как взаимоусиливающий эффект в масштабах экспликации психически актуальных образов и социо-коммуникативных установок в целостном системном плане на всем массиве АВС. В данной статье мы не имеем возможности более подробно остановиться на этом вопросе, однако читатель может сравнить АП прилагательных **народный/ая/ое** с психоглоссами, которые выявляются в АП **народ** [Шапошникова 2020: 280–281].

Таким образом, специфика техник кластеризации и селекции разных смысловых планов при формировании носителя значений и включении его в процесс речевой

деятельности доступна для изучения не только на структурной модели системы ЯЗЫК 2, но в более гибких, тонких смысловых планах на экспериментальном ассоциативно-вербальном материале, репрезентирующем психологические значения слов.

Функциональная целостность языковой личности

Один из ключевых вопросов при разработке теории ассоциативной типологии для сравнительно-сопоставительных, межъязыковых и межрегиональных ассоциативных исследований – это вопрос о функциональной целостности языковой личности – субъекта, носителя языкового сознания (ЯЗЫК 1). Можно дискутировать о границах понятий при обращении к предмету рассмотрения и о гипотетическом цельносистемном типе, о наличии которого можно строить предположения. Вероятно, ассоциативная типология – это, прежде всего, типология языковой личности. Способность максимально охватить целостность такого объекта, который доступен анализу на ассоциативном материале, будет определяться, в конечном итоге, через развитие концепции языковой личности, носителя комплекса психических процессов, стоящих за системогенезом ЯЗЫК 1. Отдельная проблема – образ мира профессиональной ЯЛ, в особенности, ученого-политолога, историка, этнолога, да и лингвиста, который изучает процессы этнополитической социализации, опираясь на инструментарию своей науки.

Как же трактуется *национальное* в научно-политической парадигме ЯЛ, есть ли пересечения с наивной картиной мира? Этнополитические концепции, как и творческий процесс рефлексии над их содержанием, являются неотъемлемой частью и порождением культуры народа. Научно-политическая парадигма национальной идентичности представлена в официальных документах и научных трудах специалистов-этнологов и этносоциологов как *множественная сущность, допускающая тем не менее единство*. Например, в работе В.А. Тишкова, посвященной обоснованию «русской модели национального строительства» утверждается, что «В современном мире существуют два отличающихся концепта нации, его бытования и политического использования: гражданской/политической нации и этнической/культурной нации. Элементы того и другого могут пронизывать друг друга, трансформироваться из одной формы в другую, но, тем не менее, это разные, хотя и сосуществующие концепты. Между ними есть, в зависимости от конкретных форм проявления, соперничество и даже, казалось бы, порою непреодолимый конфликт. Именно по этой причине нами еще в начале 1990-х гг. была предложена **трактовка нации как политически и эмоционально нагруженной категории самообозначения, за исключительное обладание которой борются две формы социальных коалиций людей: сообщества по суверенному государству (согражданства) и сообщества по культурной схожести (этнические общности)**. Такое понимание отражено ныне во всех энциклопедиях и учебниках, включая “Большую Российскую Энциклопедию”» [Тишков 2024: 13]. Далее, в развитие процитированного положения: **«представляется реальной и жизненной формула для России как “нации наций”, которую следует поддержать и утверждать среди россиян»** [Тишков 2024: 14]. «Итак, есть два фундаментальных противопоставления, по которым необходимы разъяснения. Первое: Россия – это нация или цивилизация? Наш ответ однозначный: Россия – и нация, и цивилизация, как те самые Китай и Индия. Второе: как называть нацию в России: русская или российская? Ответ однозначный: есть русская нация и есть российская нация, как две разных и не исключających друг друга формы идентичности (или самосознания),

и мы, как и сто миллионов наших сограждан, считаем себя и русскими, и россиянами» [Тишков 2024: 14]. Ср. также: «Содержание государственной национальной политики сегодня определяется двумя взаимосвязанными направлениями: нациестроительство и этнополитика. В Стратегии в первом случае речь идет о развитии и консолидации российской гражданской нации, во втором – об этнокультурном развитии всех народов России и укреплении межэтнического мира и согласия» [Савинов, Симагина, Скорых 2023: 10]. В приведенных научных текстах, призванных обосновать стратегию государственной национальной политики современной России, можно усмотреть попытку «расщепления» идентичности как тактический прием для организации этнополитического пространства и взаимодействия управляющих структур внутри него. Неизбежное противоречие и сложность, с которыми сталкивается любой ученый при изучении идентичности человека, заключается в том, что аналитический, расчленяющий в гносеологических и практических целях, аспектирующий инструментарий применяется к интегрированному, обладающему динамической целостностью и способностью к выборочной мобилизуемости под очередной полезный результат объекту. Такого рода системы не могут быть охарактеризованы как пребывающие в перманентно равновесном состоянии, что было бы удобно для анализа их свойств. Наоборот, их функциональная целостность базируется на динамичности и изменчивости, подразумевающей селективность ансамбля мобилизуемых компонентов сообразно потребному полезному результату, через постоянное преодоление избыточности.

Суммируя данные функциональных проб, которыми мы располагаем на сегодняшний день в больших базах, эксплицирующих АВС РЯЛ, с учетом того, что испытуемые были русскими людьми, проживающими на всей территории РФ, можно прийти к выводу о том, что в наивном сознании носителя языка выделенные этнологами в процессе анализа разные виды идентичности функционируют как единое смысловое поле, поскольку при сопоставлении смысловых структур разных вербальных идентификаторов (**русский, советский, российский, национальный, народный, народная, этнический** и пр.) в АП этих единиц находим множественные смысловые пересечения, что проявляется как в сходстве конкретных ассоциатов, так и в соотносительности структур соответствующих образов, даже в сходстве векторов смысловых акцентуаций. Это же характерно и для существительных, от которых произведены данные прилагательные. Ассоциативная грамматика системно содействует оформлению общих векторов. Разные точки концентрации смыслов внутри этого постоянно флуктуирующего смыслового поля свидетельствуют о заметной этнизации языкового сознания РЯЛ, росте субъективной значимости этничности. Доминантный вектор акцентуаций в актуальной диахронии (хроноглосса) направлен в сторону этнизации как позитивного полюса. Вместе с тем, очевидно, что этничность русского можно рассматривать в качестве не маркированного члена оппозиции, если его противопоставлять этничности, возможной на территории РФ в множественном воплощении разных компактно проживающих народов, часто воплощенной в узком, локальном, даже местечковом смысле. Маркировка такой этничности в АВС осуществляется за счет экспликации и локализации этнокультурно специфичных артефактов и апелляции к языку этнических групп. **Русский** же, будучи окруженным разными народами в своем государстве, и по сей день обладает высокой

комплементарностью в межнациональных отношениях, поэтому он «не выпячивает» на первый план свою этничность. Ассоциативно-вербальные пробы с разных участков актуального смыслового поля *национального* свидетельствуют о том, что русская идентичность культурно и лингвистически не жестко связывается с соответствующими локальными (региональными) реалиями жизни. Такая динамическая функциональная система дает полезный результат для построения межнациональных отношений в российской суперэтнической системе.

Заключение

По всей вероятности, ассоциативная типология потребует осмысления грамматики живого языка через концепцию функциональных систем. Это позволит учесть не только фактор регуляции системы ЯЗЫК 1 на смысловой основе, но и поставить гипотезу о мотивированности грамматики как системы, обеспечивающей удаление избыточности для достижения конкретного полезного результата в акте вербальной коммуникации, при уточнении импликаций, связанных с конкретной предметно-ситуативной отнесенностью вербализуемого. В нашем случае в более широком функциональном контексте речь идет об адекватном выражении своего национального чувства РЯЛ и соответствующем воздействии на партнера по коммуникации. П.К. Анохин акцентировал внимание на том, что функциональная система обладает свойством мгновенно мобилизоваться и модифицироваться под полезный результат на основе взаимосодействия *через уход от избыточности*. Это открытие соотносимо в значительной степени с выводами Ю.Н. Караулова о диссипативной структуре АВС. АВС, в его представлении, – система в состоянии предречевой готовности, то есть это живая функциональная система [Караулов 1999]. Изучение отдельных ее участков подводит нас к мысли о том, что *функция грамматики* в немалой степени заключается в *удалении избыточности*, что и является *условием приведения ее компонентов в речевую готовность*, на этой основе строится речевое действие, выстраивается его доминантность и направленность для достижения конкретного полезного результата (понимания). На чем именно могут базироваться механизмы «взаимосодействия», как именно они могут пересекаться со сложившейся традицией вербального поведения в многообразной конкретике, мы попытались увидеть на материалах АП имен существительных и прилагательных, создающих смысловое поле этнополитической социализации. «Взаимосодействие» смысловых акцентов в рамках всей парадигмы *национального* позволяет строить предположения о сохранности специфики мотивационно-смысловой основы национального чувства русских и дает возможность оценки общих параметров комплементарности русских в межнациональных отношениях.

Если ЯЗЫК 2 в идеале стремится к описанию и сохранению полноты ресурсов (включая стремление к полноте описания всех ресурсов грамматики языка или какого-то другого яруса его системы) вне зависимости от отнесенности к какому-то времени и месту – в синхронии, диахронии, статике, и по возможности в динамике, во всех доступных аспектах и ракурсах (в совокупности отраслей описательной лингвистики), то ЯЗЫК 1, не имеющий одежды «устойчивой» поуровневой структуры, постоянно пребывающий в состоянии динамической функциональности, оперирует интенциональностью ограничений (до востребованного). Интенциональность и готовность оперативно мобилизоваться под актуальную (востребованную) функцию,

под потребный полезный результат возможна не на пустом месте, а на мобильном наличном (потому активном) ресурсе через устранение избыточности. Таким образом, речь идет об установочном аппарате (социо-коммуникативно обретенном в живой речевой деятельности в условиях природной социо-коммуникативной среды, где живет язык и функционирует национальная ЯЛ). Обращение к системогенезу и теории функциональных систем позволяет строить гипотезы о том, что ассоциативная типология имеет отношение к специфическим и универсальным средствам снятия (устранения) избыточности языка (Я1 + Я2) при превращении его в речь. Такая постановка проблемы, как надеется автор, со временем позволит ставить задачи включения ассоциативных исследований в междисциплинарное поле разработки ИИ, в том числе и для совершенствования переводческих практик с участием ИИ, ведь сведение задачи к селекции востребованного языковой личностью под ее мотивационно-потребностные ориентиры, насколько нам известно, является неразрешимой задачей для ИИ, не владеющего функциональной целостностью личности и вырастающими из нее человеческими интенциями ограничений, а готового, напротив, выдавать избыточно возможное.

© Шапошникова И.В., 2024

Литература

- Анохин П.К.* Очерки по физиологии функциональных систем. М.: Медицина, 1975. 448 с.
- Вагапова Ф., Устинкин С., Вагапов Р.* Роль религиозного фактора в формировании гражданской и этнической идентичности россиян // Вестник Российской нации. 2024. №1 (94). С. 82–91.
- Виноградов В.В.* Русский язык (грамматическое учение о слове). М.: Издательство «Высшая школа», 1972. 614 с.
- Гумилев Л.Н.* Этносфера: история людей и история природы. СПб: ООО «Издательский Дом “Кристалл”», 2002. 576 с. Серия «Вехи истории».
- ЕВРАС - Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А.* Русский региональный ассоциативный словарь (Европейская часть России). В 2 т. Т I. От стимула к реакции. М.: Московская международная академия, 2018. 544 с. Т. II. От реакции к стимулу. М.: Московская международная академия, 2019. 688 с.
- Залевская А.А.* Слово. Текст. Избранные труды. М.: «Гнозис», 2005. 542 с.
- Зыкина О.* Категории российской идентичности в представлении учащихся Москвы, Санкт-Петербурга и Кировской области. Вестник Российской нции. №5 (87). 2022. С. 52–62.
- Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М., 1987; 7-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2010а.
- Караулов Ю.Н.* Ассоциативная грамматика русского языка. Изд.2-е. М.: Издательство ЛКИ, 2010б. 328 с.
- Караулов Ю.Н.* Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М.: ИРЯ РАН, 1999. 180 с.
- РАС – Русский ассоциативный словарь: В 2 т. / Сост. Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. М.: Астрель: АСТ, 2002. URL: <http://www.tesaurus.ru/dict/dict.php> (дата обращения: 17.02.2024).*

РИ – Российская идентичность и межэтнические отношения. Публичный дискурс и социальная практика: Монография / Л.М. Дробижина, Е.М. Арутюнова, М.А. Евсеева [и др.]; отв. ред. И.М. Кузнецов, С.В. Рыжова; ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН, 2022. 434 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-404-8.2022

Тишков В.А. Научные основы и мировой контекст российской модели национального строительства // Вестник Российской нации. 2024. №1 (94). С. 9–22.

Савинов Л., Симагина О., Скорых Н. Стратегия государственной национальной политики: результаты и перспективы концептуализации // Вестник Российской нации. №5 (92). 2023. С. 9–20.

Солнцев В.М. Введение в теорию изолирующих языков. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. 352 с.

Шапошникова И.В. Модусы идентификации русской языковой личности в эпоху перемен. М.: Издательский Дом ЯСК, 2020. 336 с. (Studia philologica).

Шапошникова И. В. Ассоциативная грамматика и смысл (на примере имени существительного) // Сибирский филологический журнал. 2022. № 1. С. 268 – 284. DOI 10.17223/18137083/78/19

Шапошникова И.В. Отражение этнополитических концепций и сценариев межэтнических отношений в психологических значениях абстрактных лексем // Сибирский филологический журнал. 2023а. № 2. С. 300–311. DOI 10.17223/18137083/83/23

Шапошникова И.В. Системность и целостность языка в контексте интегрированного знания о человеке // Вопросы психолингвистики №2(56) 2023б, С. 10-33, doi: 10.30982/2077-5911-2023-56-2-10-33

Шапошникова И.В. Парадигма «национального» у русской языковой личности (по материалам ассоциативно-вербальной сети) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 22, № 2. С. 64–79. DOI 10.25205/1818-7935-2024-22-2-64-79

СИБАС 1 и СИБАС 2 – Русская региональная ассоциативная база данных. Сибирь и Дальний Восток – 2008–2024 / авт.-сост.: И.В. Шапошникова, А.А. Романенко. URL: <http://adictru.nsu.ru> (дата обращения: 16.08.2024).

Сведения об авторе:

Шапошникова Ирина Владимировна – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора русского языка в Сибири Института филологии Сибирского отделения российской академии наук (ИФЛ СО РАН)

Контактная информация:

630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3519-1209>

e-mail: i.shaposhnickowa@yandex.ru

Для цитирования:

Шапошникова И.В. К ассоциативной типологии в контексте изучения языка как достояния человека // Вопросы психолингвистики №3(61) 2024, С. 86–110, doi: 10.30982/2077-5911-2024-61-3-86-110

UDC 81'23, 81-13, 81-139

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2024-61-3-86-110

Research article

TOWARDS ASSOCIATIVE TYPOLOGY IN THE CONTEXT OF STUDYING LANGUAGE AS A HUMAN SPECIES-SPECIFIC PHENOMENON

Irina V. Shaposhnikova

Institute of Philology SB RAS

Novosibirsk, Russia

Abstract

The article discusses a number of fundamental for the development of associative typology propositions connected with systemogenesis of language as a human species-specific phenomenon. Using the example of the psychological meanings of lexical units that make up the ethnopolitically marked paradigm of the “national”, the author reflects on the patterns in the functioning of a living language, which are revealed on associative-verbal models of the Russian Language Personality (RLP) and can serve as the basis for the development of an associative typology of language. The article considers the problem of ontology and functional motivation of associative (active) grammar (as an inherent property of a linguistic personality) on a semantic basis. The hypothesis of associative grammar as a factor contributing to the integrative formation of meaningful units in the course of their being recruited for the inclusion into the speech flow through elimination of redundancy is proposed for consideration. It is stated that different functionally specific types of techniques aimed at elimination of redundancy and discovered via experiment can be considered as a subject for analysis in associative typology in the light of whole-systemic comparative analyses of network models of an average (national) linguistic personality. They can be described in terms of associative dominants (accentuations of a linguistic personality) and statistically formalized using vector models represented as psychoglosses and /or chronoglosses (in current diachrony).

Keywords: functional systems, associative grammar, motivation of grammar on a semantic basis, associative typology, network models, elimination of redundancy

© Shaposhnikova I.V., 2024

Bionotes:

Irina V. Shaposhnikova – Doctor of Philology, Professor, Chief Researcher at the Department of the Russian language in Siberia, Institute of Philology (Siberian Branch) of the Russian Academy of Sciences

Contact information:

8, Nikolayev st., Novosibirsk, Russia, 630090

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3519-1209>

e-mail: i.shaposhnickowa@yandex.ru

For citation:

Shaposhnikova I.V. Towards associative typology in the context of studying language as a human species-specific phenomenon // Journal of Psycholinguistics. 3(61), 2024. P. 86–110. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2024-61-3-86-110 (In Russian)

УДК 81'33

ББК 81

DOI 10.30982/2077-5911-2024-61-3-111-122

Научная статья

**МОДЕЛИ ДОСТУПА К РУССКОЙ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКЕ
У НОСИТЕЛЕЙ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА,
ИЗУЧАЮЩИХ РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ТРЕТИЙ¹**

Хуан Тяньдэ

Гуандунский университет иностранных языков и международной торговли,
Гуанчжоу, Китай

Чжао Вань

Гуандунский университет иностранных языков и международной торговли,
Гуанчжоу, Китай

Чжэн Минмин

Гуандунский университет иностранных языков и международной торговли,
Гуанчжоу, Китай

Лю Хэншун

Гуандунский университет иностранных языков и международной торговли,
Гуанчжоу, Китай

Аннотация

Данная работа нацелена на выявление режима доступа к лексико-семантическому уровню русского языка у китайских студентов, изучающих русский язык в качестве третьего (после английского). Исследование основано на эффекте парадигмы межъязыковой активации. В рамках исследования с помощью программного обеспечения Psycho Py и Brain Island Experiment для программирования проведен психолингвистический эксперимент, в котором приняли участие в качестве испытуемых 22 студента-русиста. Эксперимент состоял из двух частей, в которых последовательно рассматривались роли первого (китайского) и второго (английского) языков в обеспечении доступа к семантике третьего, русского языка, у испытуемых. Результаты исследования в значительной мере способствуют развитию теории и совершенствованию практики преподавания русского языка как третьего (второго иностранного).

Ключевые слова: психолингвистический эксперимент, парадигма межъязыковой активации, режим семантического доступа, обучение третьему языку, преподавание русского языка иноговорящим

---

¹ Работа выполнена при поддержке гранта КНР в области гуманитарных и социальных наук 2022 года, проект «Сопоставительное исследование языкового сознания русских и китайцев с позиций российской психолингвистики» (№22FYUB051), и гранта Провинции Гуандун (КНР) в области гуманитарных и социальных наук 2024 года, проект «Исследование стимулирования учебной деятельности китайских студентов, изучающих русский язык, с помощью ассоциативного тезауруса» (№GD24CWY01). 本文系国家社科基金项目“俄罗斯心理语言学视域下的俄汉民族语言意识对比研究”(项目编号: 22FYUB051), 广东省哲学社会科学规划 2024 年度一般项目“面向中国俄语学习者的联想词库促学研究”(项目编号: GD24CWY01)的阶段性研究成果.

Введение

Русский язык является одним из шести официальных языков ООН и государственным языком Российской Федерации. Он широко распространен во многих странах бывшего Советского Союза (Украина, Казахстан, Беларусь и др). По статистике, в современном мире на русском языке говорит около 270 млн человек, примерно для 150 млн человек он является родным. Русский язык представляет собой важнейшее средство межэтнического общения на обширном постсоветском пространстве.

В докладе на XX Съезде КПК Генеральный секретарь Си Цзиньпин указал на необходимость разрабатывать эффективные и открытые стратегии, способствующие превращению инициативы «Один пояс – один путь» в популярную платформу международного сотрудничества. Россия входит в число ключевых стран, связанных с проектом «Один пояс – один путь», поэтому изучение русского языка в Китае имеет важное значение. Во многих китайских вузах имеется специальность «Русский язык и русская культура», ведется подготовка высококвалифицированных специалистов для реализации проектов «Один пояс – один путь» и «Сообщество единой судьбы человечества».

Как правило, студенты, для которых китайский язык является родным (первый язык), начинают изучать русский после изучения английского (второй язык). По сравнению с исследованиями в области овладения вторым (после родного) языком исследования сферы освоения третьего языка более разнообразны, поскольку на данную сферу влияет большее число факторов. С тех пор как Рингбом (Ringbom) опубликовал работу «Роль родного языка в изучении языка иностранного» [1987], лингвисты стали уделять больше внимания области освоения третьего языка [Фань 2019]. Одни из них рассматривают эту область как «развитие» сферы овладения вторым языком [Ellis 1994], другие [Herdina, Jessner 2002; Jorda 2005] считают ее самостоятельной областью исследований. В настоящее время изучение проблематики овладения третьим языком постепенно оформляется в относительно самостоятельное научное направление, которое пока касается преимущественно языков индоевропейской семьи. При этом исследований овладения русским языком как третьим сравнительно немного.

Детальное рассмотрение вопросов, связанных с овладением русским языком как третьим, представляется весьма актуальным. Приоритетным является исследование межъязыкового влияния в процессе освоения русского языка как третьего. В ситуации человека, использующего в той или иной мере три языка, особенно значимы конкретные проявления межъязыкового влияния на лексико-семантическом уровне. В настоящей статье представлена модель семантического доступа, актуальная для лиц, использующих в общении китайский, английский и русский языки; факторы, способные влиять на ее реализацию, рассмотрены с точки зрения психолингвистики. Среди этих факторов влияния – средства обучения, уровень владения языком, частота применения языка и др. Результаты исследования могут быть использованы в теории и в практике преподавания русского языка как третьего (как второго иностранного).

История изучения вопроса

В истории лингвистики представлены различные взгляды на характер лексико-семантической репрезентации у людей, общающихся на двуязычной и многоязычной основах; предложены соответствующие модели. На ранней стадии разработки данной проблематики сложились две основные концепции. Согласно одной из них,

для билингов характерны отдельные лексические репрезентации в обоих языках и общие концептуальные репрезентации. Другая концепция, представленная, в частности, работами Вейнрейха, выражает противоположную идею: билингвы имеют независимые лексические и концептуальные репрезентации [Weinreich 1953]. Ученые, полагающие, что концептуальные репрезентации являются общими, в дальнейшем предложили ряд популярных моделей. Среди них – «Модель ассоциации слов» (Word Association Model). Ее основное содержание сводится к тому, что словарь второго языка получает доступ к понятиям с помощью первого языка, поскольку не может передать понятие независимо, само по себе. «Модель концептуального посредничества» (Concept Mediation Model), напротив, предусматривает, что как словарь первого языка, так и словарь второго языка способны передавать понятия самостоятельно.

На фоне активизации исследований в области овладения вторым языком моделирование семантического доступа получило новое развитие. В 1994 году была предложена «Модифицированная иерархическая модель» [Kroll, Stewart 1994], объединившая «Модель ассоциации слов» и «Модель концептуального посредничества». Суть «Модифицированной иерархической модели» в следующем. Если уровень владения вторым языком относительно низок, словарный запас второго языка не может самостоятельно получить доступ к концептам; этот доступ должен осуществляться с помощью словаря первого языка. Когда уровень владения вторым языком повышается до определенных показателей, может быть реализована «Модель концептуального посредничества», то есть словарь второго языка уже способен самостоятельно получать доступ к концептам без помощи словаря первого языка. Примерно так же выглядит «Модель распространенных концептуальных признаков» (Distributed Conceptual Feature Model), разработанная в 1992 году [De Groot 1992]. Согласно ей, существуют различные степени совместного использования концептуальных признаков словарями первого и второго языков, при этом конкретная степень совместного использования зависит от характера словаря.

Таким образом, имеются три основные модели семантического доступа у билингов. Первая – «Модель ассоциации слов»: словарь второго языка получает семантический доступ с помощью первого языка; вторая – «Модель концептуального посредничества»: словарь второго языка может получить доступ к концептам напрямую и независимо; третья – «Модифицированная иерархическая модель»: семантический доступ к словарю второго языка не обязательно осуществляется с помощью первого языка, а в основном зависит от уровня владения вторым языком. Указанные модели принципиально способствуют исследованию паттернов семантической репрезентации ментального словаря билингов. Это исследование позволило сформулировать следующий закон: билингвы в определенной степени разделяют лексико-семантические репрезентации независимо от уровня владения вторым языком. С опорой на данный закон в рамках настоящего исследования была разработана серия экспериментов, нацеленных на характеристику модели семантического доступа у лиц, использующих три языка.

Данное исследование содержит анализ особенностей доступа к русской лексической семантике при овладении русским языком как третьим. Усвоение третьего языка отличается от усвоения второго языка большим разнообразием способов и средств семантического доступа. В настоящее время в исследованиях, посвященных

овладению третьим языком, не существует полноценной модели или общепризнанной теоретической базы для анализа семантического доступа у лиц, использующих три языка; большинство исследований при объяснении особенностей семантического доступа у таких говорящих опирается на теорию и модели овладения вторым языком. Ли Ли [2016], изучая речевую практику говорящих на индонезийском, английском и китайском языках, обнаружила, что в условиях визуального восприятия лексика третьего языка получает доступ к семантике с помощью не только словаря первого языка, но и словаря второго языка. Чэнь Цзяньлинь [2018] исследовал специфику семантического доступа у говорящих на тибетском, китайском и английском (с низким уровнем владения третьим языком) на основе парадигмы межъязыковой повторной активации. Он обнаружил, что в этом случае уровень владения вторым языком влияет на характер семантического доступа: доступ к словарю третьего языка у говорящих с высоким уровнем владения вторым языком осуществляется с помощью второго языка; доступ к словарю третьего языка у говорящих с низким уровнем владения вторым языком осуществляется с помощью первого языка. Исследований своеобразия семантического доступа в ситуации использования языка в качестве третьего совсем мало. Наш эксперимент нацелен на выявление модели лексико-семантического доступа у лиц, использующих китайский, английский и русский и характеризующихся при этом низким уровнем владения третьим языком, но относительно высоким уровнем владения вторым языком. Нам важно выяснить, каким образом в данном случае осуществляется лексический доступ: с помощью первого языка (китайского) или с помощью второго языка (английского). Это исследование может быть основой для экспериментов, связанных с изучением психолингвистического аспекта коммуникации на трех языках с участием русского в качестве третьего.

Эксперимент

I. Цель

Эксперимент нацелен на прояснение характера доступа к русской лексической семантике у людей, использующих три языка – китайский, английский и русский. Эксперимент дает возможность понять, каким образом осуществляется такой доступ: с помощью эквивалентов первого (китайского) языка или с помощью эквивалентов второго (английского) языка. В соответствии с этим эксперимент складывается из двух частей (этапов).

II. Участники

В эксперименте участвовали 22 китайских студента. Все они – первокурсники факультета русистики Гуандунского университета иностранных языков и международной торговли (г. Гуанчжоу). Их средний возраст – 19 лет. Родным языком для них является китайский, вторым иностранным – английский. Китайский является официальным языком КНР и средством преподавания русского языка в вузах страны. Согласно результатам анкетирования участников перед началом эксперимента, баллы, полученные ими на университетском вступительном экзамене по английскому языку, варьировались от 120 до 143 (из 150 возможных); средний балл составил 132,8. Это выше средних показателей по стране в целом.

III. Дизайн и принципы

Были проведены тестовый и формальный эксперименты. Формальный эксперимент включает в себя две части (эксперимент 1 и эксперимент 2), использует парадигмы эффекта активации межъязыкового повторения и состоит из двух фаз:

фазы обучения и фазы тестирования. Изменяя стимульные материалы на этапе обучения и на этапе тестирования, мы выявляли специфическую эффективность двух типов целевых стимулов – выученных и невыученных на этапе обучения – при распознавании и оценке на этапе тестирования. Если лексическая семантика русских слов активизируется на этапе обучения (например, когда испытуемый определяет, является ли русское существительное «поэт» одушевленным или неодушевленным, он опирается на китайское переводное слово “诗人/shiren” («поэт»), т.е. оценивает русское слово на основе знания китайского слова), то на этапе тестирования выученные слова оцениваются быстрее и с меньшим количеством ошибок, чем невыученные. Данное явление рассматривается как прайминг-эффект русского языка на китайский. Из этого следует, что русская лексика прямого доступа к понятиям не получает, и для осуществления такого доступа необходимо использовать китайскую лексику. Например, на этапе обучения испытуемый выучил слово «поэт». Если “诗人/shiren” – (китайское переводное «поэт») было активизировано, то на этапе тестирования испытуемые быстрее определяли, является ли слово «поэт» истинным. Ошибок было меньше, чем в отношении невыученного слова “老板” («босс»). В этом и состоит эффект прайминга русского языка на китайский. Напротив, если на этапе обучения китайская лексика не активизирована, то на этапе тестирования значительной разницы в скорости оценивания выученной и невыученной лексики не будет, что считается отсутствием прайминг-эффекта русского языка на китайскую лексику и указывает на то, что русская лексика имеет прямой доступ к понятиям.

Дизайн данного исследования – однофакторный внутрисубъектный дизайн (within-subject design). Независимая переменная – статус лексической единицы: выученная (статус появился на этапе обучения, оценка значения слова уже осуществлена) и невыученная. Зависимая переменная – это скорость и степень правильности реакции испытуемых на этапе тестирования при оценке выученных и невыученных слов.

IV. Материалы и этапы

В ходе предварительного тестового эксперимента была отобрана группа хорошо известных студентам лексических единиц, предназначенная для использования в формальном эксперименте. Лексическая группа была сформирована следующим образом. Автор исследования выбрал 60 базовых русских слов из учебника «Русский язык I» (издание Восточного университета) и предложил 22 китайским студентам, участвовавшим в эксперименте, оценить степень известности им каждого из этих слов по пятибалльной шкале (1 означает «совсем незнакомо», 5 означает «отлично знакомо»). Так были отобраны 48 наиболее знакомых студентам русских слов. Далее эти слова были разделены на две группы (А и В), каждая группа содержала 12 одушевленных слов и 12 неодушевленных существительных.

Через три месяца по окончании предварительного тестового эксперимента был начат формальный эксперимент. Формальный эксперимент был разделен на эксперимент 1 и эксперимент 2; оба они складывались из двух этапов: этапа обучения и этапа тестирования. В эксперименте 1 на этапе обучения использовались слова группы А (24). Словарный запас для этапа тестирования включал 48 исконно китайских и 48 некитайских слов, из 48 исконно китайских слов – 24 выученных (переводные эквиваленты русских слов группы А) и 24 невыученных. В эксперименте 2 на этапе обучения использовались слова группы В (24). Словарный запас для этапа

тестирования включал 48 истинно английских и 48 неанглийских слов, из 48 истинно английских слов – 24 выученных (переводные эквиваленты русских слов группы В) и 24 невыученных. Некитайские слова создавались путем изменения радикалов и заимствования японских слов, а фейковые английские слова – путем добавления букв к истинным словам. Истинные слова, на основе которых создавались фейковые единицы, не совпадают с экспериментальными истинными словами. Заданием на этапе обучения было разделение слов на одушевленные и неодушевленные; например, слово «сын» – одушевленное, а «имя» – неодушевленное. Заданием на этапе тестирования было определение истинности и ложности представленных китайских и английских слов; например, “sister” – истинное, “sistear” – ложное. Эксперимент 1 касается доступа к русской лексике на основе первого (китайского) языка; эксперимент 2 – доступа к русской лексике на основе второго (английского) языка.

Эксперимент проводился с применением программного обеспечения Psycho Py и Brain Island Experiment; все участники эксперимента использовали персональные компьютеры. Как уже было отмечено, оба эксперимента (1 и 2) включали этап обучения и этап тестирования. В начале эксперимента на мониторе появлялись вводная часть теста и инструкция, регламентирующая действия испытуемых. Перед началом формального эксперимента им нужно было выполнить пять тренировочных заданий – определить одушевленность/ неодушевленность пяти русских существительных (слова, представленные на тренировочном этапе, не появлялись на формальном этапе тестирования). На этапе формального эксперимента сначала на мониторе на 500 мс появлялась точка фиксации – «+», а затем начиналась фаза обучения, в рамках которой испытуемые определяли одушевленность/ неодушевленность 24 русских слов. Каждое слово появлялось только один раз на 3000 мс. Нажатие правой клавиши “shift” означало «да», нажатие левой клавиши “shift” – «нет». По завершении оценки 24 русских слов следовал двухминутный перерыв. Затем начинался этап тестирования, в ходе которого испытуемые оценивали 48 истинных китайских слов и 48 ложных китайских слов. Каждый раз на 3000 мс на мониторе появлялось только одно слово. Нажатие правой клавиши “shift” означало «да», нажатие левой клавиши “shift” – «нет». Программное обеспечение Psycho Py автоматически сохраняет информацию о скорости реакции и уровне точности ответов испытуемых. В целом эксперименты 1 и 2 длились 30 минут, с 10-минутным перерывом между ними.

Анализ результатов эксперимента

1. Результаты эксперимента 1

Эксперимент был нацелен на выявление времени, необходимого испытуемым для дачи правильных ответов в отношении «выученных» и «невыученных слов» на этапе тестирования. Были удалены: во-первых, все тестовые данные с показателем точности оценки менее 85%; во-вторых, все экстремальные значения с продолжительностью разницы более 3 от среднего времени реакции. В общей сложности было удалено 22,7% данных. Оставшиеся данные могут относительно точно отражать результаты эксперимента. Среднее время реакции и степень точности ответов испытуемых в экспериментах 1 и 2 показаны в таблице 1.

Таблица №1

Результаты эксперимента

Эксперимент	Состав языков	Выученные слова		Невыученные слова		Эффект прайминга времени реакции (ms)
		Степень точности (%)	Время реакции (ms)	Степень точности (%)	Время реакции (ms)	
1	Русский -китайский	99	693	91	756	+63
2	Русский -английский	95	784	91	745	-39

Анализ данных о времени реакции выполнен с помощью линейных моделей со смешанными эффектами (linear mixed-effect models), предложенных Р.Х. Байеном [Ваауен 2008]. Испытуемый и слова стимула выступали в качестве случайных факторов, а два конкретных статуса слова («выученное»/ «невыученное») – в качестве фиксированных факторов. Результаты анализа скорости реакции в эксперименте 1 указывают на значимый основной эффект фактора обучения: реакция при наличии обучения существенно быстрее, чем при его отсутствии (эффект прайминга времени реакции составил 63 мс). Результаты анализа правильности ответов свидетельствуют о более высоком значении данного показателя применительно к словам выученным, чем к словам невыученным (эффект прайминга составил 8%). Это означает, что в данном эксперименте наблюдается эффект активации межязыкового повторения. Китайские переводные слова активизировались у испытуемых, когда они определяли одушевленный/неодушевленный характер русских существительных на этапе обучения. Из этого следует, что испытуемые, чьим родным языком является китайский, использовали китайские переводные слова для установления семантических связей при освоении русской лексики. Таким образом, носителям китайского языка, изучающим русский язык после английского, необходимо использовать китайскую лексику для понимания русской лексической семантики.

II. Результаты эксперимента 2

Методы проверки и анализа данных в эксперименте 2 те же, что и в эксперименте 1. Доля удаленных данных составила 27,3%, показатели среднего времени реакции и уровня точности ответов испытуемых приведены в таблице выше. Согласно полученным данным, показатель точности реакции на выученные слова на 4% выше, чем на невыученные слова, эффект активации обучения менее очевиден. При этом среднее время реакции при отсутствии обученности на 39 мс меньше, чем при наличии обученности, что может быть связано с усталостью испытуемых ввиду длительности эксперимента. Скорость суждения увеличивается, основной эффект условия обучения становится незначимым. Это свидетельствует о том, что, когда испытуемые определяли одушевленность/неодушевленность русских слов на этапе обучения, они не использовали английские переводные слова для установления семантических связей. Таким образом, в данном эксперименте эффекта активации межязыкового повторения не возникло. Для доступа к русской лексической семантике носителям китайского языка, изучающим русский после английского, использование английской лексики не потребовалось.

Выводы

I. Доступ к русской лексической семантике и родной язык (китайский)

Полученные нами результаты согласуются с выводами Апаризио, Лавора (Aragiçio, Lavaur) [2015], которые подчеркивают, что у трехязычных людей с абсолютным преимуществом в первом языке рецепция лексической семантики третьего языка требует поддержки словаря первого языка, именно первый язык играет доминирующую роль в процессе обучения третьему языку. В нашем исследовании китайский был родным языком испытуемых, русский – третьим, осваиваемым главным образом посредством обучения на основе переводов. При этом первый (китайский) и третий (русский) языки тесно связаны друг с другом. Китайский язык обладает абсолютным преимуществом в жизни и в культурном фоне испытуемых. Низкий уровень владения русским языком не позволяет испытуемым достичь прямого доступа к семантике, поэтому им совершенно необходимо использовать китайский. С учетом специфики условий, в которых находились испытуемые, невозможно судить о том, чем именно обусловлен у них доступ к понятиям с помощью китайской лексики: доминированием первого языка или влиянием среды обучения. В дальнейших исследованиях мы предполагаем прояснить эти моменты; особое внимание при этом следует уделить целенаправленному отбору испытуемых.

II. Доступ к русской лексической семантике и второй язык (английский)

В данном исследовании сделан вывод о том, что носители китайского языка, изучающие русский язык после английского, не получают доступа к семантике третьего (русского) языка с помощью второго (английского) языка. Причины этого следующие: во-первых, хотя результаты испытуемых на университетском вступительном экзамене по английскому языку отличные, их реальный уровень владения английским и возможности его повышения имеют ограничения. Во-вторых, частота и продолжительность использования английского языка у них невелики, в основном, применение английского связано с учебным процессом, механизм мышления на английском не сформирован. Поэтому в ходе нашего эксперимента английский язык закономерно не используется испытуемыми для доступа к лексической семантике русского языка. Однако известны исследования, которые показывают, что изучение третьего языка нередко осуществляется с помощью второго языка в качестве посредника. В таком случае именно второй язык играет ведущую роль в овладении третьим языком; третий язык более тесно связан со вторым и менее тесно – с первым [Bardel, Falk 2012]. Этот вывод противоречит результатам данного исследования. Причина противоречия, возможно, заключается в том, что в нашем эксперименте уровень владения испытуемыми первым (китайским) языком несравнимо выше уровня владения ими вторым (английским) языком. В перспективе следует привлекать к участию в эксперименте лиц с сопоставимыми уровнями владения первым и вторым языками.

Заключение

В рамках проведенного эксперимента в качестве участников-испытуемых выступают носители китайского языка, изучающие английский и русский языки, причем русский является третьим. В исследовании использована парадигма межъязыковой активации. Цель работы – выяснить характер доступа к лексико-семантическому уровню третьего языка у испытуемых, владеющих вторым языком значительно лучше, чем третьим. Результаты эксперимента показали, что: 1) испытуемые получают доступ к лексике

третьего (русского) языка с помощью первого (китайского), а не второго (английского); 2) первый (китайский) язык играет доминирующую роль в доступе к семантике третьего (русского) языка, оказывая значительный эффект прайминга; 3) эффект прайминга второго (английского) языка в данной ситуации незначителен – вероятно, в связи с ограниченным уровнем владения им испытуемыми. Таким образом, рецепция семантики третьего (русского) языка в основном зависит от первого (китайского), второй (английский) играет вспомогательную роль. Данное исследование в значительной мере способствует совершенствованию модели обучения русскому языку как третьему.

© Хуан Тяньдэ, Чжао Вань, Чжэн Минмин, Лю Хэншуан, 2024

Литература

Ли Ли, Чжан Ян, Ли Сюань, Го Хунтин, Ву Лимэй, Вань Жуймин. Эффекты межъязыкового повторного прайминга в семантическом доступе для трехъязычных людей. Журнал психологии. 2016. № 11. С. 1401–1409 (李利, 张扬, 李璇, 郭红婷, 伍丽梅 & 王瑞明. 三语者语义通达中的跨语言重复启动效应. 心理学报. 2016. №11. 1401–1409).

Ли Линлин, Цзэн Тяньцзяо, Цзя Гуаньцзе. Эмпирическое исследование трехъязычной обработки в стране и за рубежом: обзор и прогноз // Сообщество иностранных языков. 2021. № 6. С. 90–96 (李玲玲, 曾天娇 & 贾冠杰. 国内外三语加工实证研究 (2000 – 2020): 回顾与前瞻. 外语界. 2021. №6. 90–96).

Сунь Синь, Ли Вэй. Сравнительное исследование механизмов семантического доступа у разных трехъязычных учащихся. Иностранные языки и преподавание иностранных языков. 2014. № 3. С. 49–54 (孙鑫 & 李伟. 不同三语学习者的语义通达机制对比研究. 外语与外语教学. 2014. №3. 49–54).

Фань Линьянь. Обзор и перспективы зарубежных исследований по изучению трех языков // Изучение иностранных языков, 2019. № 36 (3). С. 49–54 (范临燕. 国外三语习得研究回顾与展望 [J]. 外语研究. 2019. №36 (3). 49–54).

Чэнь Цзяньлинь, Гун Ифэй, Юй Мэйлянь, Цзян Цы. Исследование моделей лексико-семантического доступа русско-англо-китайских трилингвов // Преподавание китайского языка в мире. 2022. № 22. С. 225–235 (陈建林, 龚逸菲, 于美连 & 蒋词. 俄-英-汉三语者词汇语义通达模式研究. 世界汉语教学. 2022. №2. 225–235).

Чэнь Цзяньлинь, Чжан Цунся, Лю Сяоянь, Чэн Жун. Влияние уровня владения вторым языком на семантическое понимание английской лексики тибето-китайско-английскими трехъязычными носителями // Преподавание и изучение иностранных языков, 2018. № 50 (5). С. 727–737+801 (陈建林, 张聪霞, 刘晓燕, 程蓉. 二语水平对藏-汉-英三语者英语词汇语义通达的影响 [J]. 外语教学与研究. 2018. №50(5). 727–737+801).

Aparicio X., Lavaur J.-M. Masked translation priming effects in visual word recognition by trilinguals. Journal of Psycholinguistic Research. 2015. № 45. P. 1369–1388.

Baayen R.H. Analyzing linguistic data: A practical introduction to statistics using R. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.

Bardel C., Ylva F. Behind the L2 status factor: A neurolinguistic framework for L3 research // Jennifer Cabrelli Amaro, Suzanne Flynn and Jason Rothman (eds.) Third language acquisition in adulthood, Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2012. P. 61–78.

Bardel C., Falk Y. Behind the L2 Status Factor: A Neurolinguistic Framework for L3 Research // Amaro J., Flynn S., Rothman J. (Eds.) Third Language Acquisition in Adulthood. Amsterdam: John Benjamins, 2012.

De Groot A.M.B. Bilingual lexical representation: A closer look at conceptual representations // Ram Frost and Leonard Katz (eds.) Orthography, phonology, morphology, and meaning. Amsterdam: Elsevier Amsterdam, 1992. P. 45–66.

Ecke P. Parasitic vocabulary acquisition, cross-linguistic influence, and lexical retrieval in multilinguals // *Bilingualism: Language and Cognition*. 2015. № 18(2). P. 145–162.

Ellis R. The Study of Second Language Acquisition. Oxford: Oxford University Press, 1994.

Herdina P., Jessner U. A Dynamics Model of Multilingualism: Perspectives of Change in Psycholinguistics. Clevedon: Multilingual Matters, 2002.

Jorda M.P.S. Third language Learners-Pragmatic Production and Awareness. Clevedon: Multilingual Matters Ltd, 2005.

Kroll J.F., Erika S. Category interference in translation and picture naming: Evidence for asymmetric connections between bilingual memory representations // *Journal of Memory and Language*. 1994. № 33(2). P. 149–174.

Weinreich U. Languages in contact: Findings and problems. New York: Linguistic Circle of New York, 1953.

Сведения об авторах:

Хуан Тяньдэ – кандидат филологических наук, доцент института европейских языков и культур Гуандунского университета иностранных языков и международной торговли

Контактная информация:

510420, Гуанчжоу, район Байюнь, № 2 Байюнь Проспект Север

ORCID: 0000-0002-4697-6426

e-mail: tiande-88@yandex.ru

Чжао Вань – магистрант, институт европейских языков и культур Гуандунского университета иностранных языков и международной торговли

Контактная информация:

510420, Гуанчжоу, район Байюнь, № 2 Байюнь Проспект Север

ORCID: 0009-0006-3118-9506

e-mail: Victoria.zhao@yandex.ru

Чжэн Минмин – магистрант, институт международного делового английского языка Гуандунского университета иностранных языков и международной торговли

Контактная информация:

510420, Гуанчжоу, район Байюнь, № 2 Байюнь Проспект Север

ORCID: 0009-0001-4620-0388

e-mail: ninazhengwork@gmail.com

Лю Хэншун – кандидат психологических наук, доцент Центра лингвистики и прикладной лингвистики Гуандунского университета иностранных языков и международной торговли

Контактная информация:

510420, Гуанчжоу, район Байюнь, № 2 Байюнь Проспект Север

ORCID: 0000-0003-4371-222X

e-mail: H120006@e.ntu.edu.sg

Для цитирования:

Хуан Тяньдэ, Чжао Ваньи, Чжэн Минмин, Лю Хэншуан. Модели доступа к русской лексической семантике у носителей китайского языка, изучающих русский язык как третий // Вопросы психолингвистики №3(61) 2024, С. 111–122 , doi: 10.30982/2077-5911-2024-61-3-111-122

UDC 81.33

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2024-61-3-111-122

Research article

**INVESTIGATING THE L3 LEXICAL SEMANTICS ACCESS
FOR CHINESE-ENGLISH-RUSSIAN TRILINGUALS²**

Huang Tiande

Guangdong University of Foreign Studies
Guangzhou, China

Zhao Wanyi

Guangdong University of Foreign Studies
Guangzhou, China

Zheng Mingming

Guangdong University of Foreign Studies
Guangzhou, China

Liu Hengshuang

Guangdong University of Foreign Studies
Guangzhou, China

Abstract

This study aims at identifying Russian lexical semantic access for Chinese-English-Russian trilinguals using cross-language visual-modal priming paradigm programed in Psycho Py and Brain Island. Twenty-two university freshmen in China who major in Russian participated in this study. This study examined the roles of L1 Chinese and L2 English in L3 Russian lexical semantic access for Chinese-English-Russian trilinguals. The findings are conducive to the Russian L2/L3 teaching.

Keywords: psycholinguistic experiment, cross-language priming paradigm, semantic access model, trilingual acquisition, teaching Russian to non-Russian speakers

© **Huang Tiande, Zhao Wanyi, Zheng Mingming, Liu Hengshuang, 2024**

---

² The current study was supported by China National Social Science Fund named “A Comparative Study of Russian versus Chinese Language Consciousness from the Russian Psycholinguistic Perspective” (№22FYYB051), and 2024 Guangdong Provincial Philosophy and Social Science Planning Project named “Improving Chinese learners’ Russian acquisition using Russian associative dictionary” (№GD24CWY01). 本文系国家社科基金项目“俄罗斯心理语言学视域下的俄汉民族语言意识对比研究”(项目编号: 22FYYB051), 广东省哲学社会科学规划 2024 年度一般项目“面向中国俄语学习者的联想词库促学研究”(项目编号: GD24CWY01)的阶段性研究成果。

Bionotes:

Huang Tiande – PhD in philology, associate professor, Institute of European Languages & Cultures, Guangdong University of Foreign Studies

Contact information:

510420, 2 Baiyun Avenue North, Baiyun District, Guangzhou, China

ORCID: 0000-0002-4697-6426

e-mail: tiande-88@yandex.ru

Zhao Wanyi – Graduate student, Institute of European Languages & Cultures, Guangdong University of Foreign Studies

Contact information:

510420, 2 Baiyun Avenue North, Baiyun District, Guangzhou, China

ORCID: 0009-0006-3118-9506

e-mail: Victoria.zhao@yandex.ru

Zheng Mingming – Graduate student, School of English for International Business, Guangdong University of Foreign Studies

Contact information:

510420, 2 Baiyun Avenue North, Baiyun District, Guangzhou, China

ORCID: 0009-0001-4620-0388

e-mail: ninazhengwork@gmail.com

Liu Hengshuang – PhD in Psychology, associate professor, Center for Linguistics and Applied Linguistics, Guangdong University of Foreign Studies

Contact information:

510420, 2 Baiyun Avenue North, Baiyun District, Guangzhou, China

ORCID: 0000-0003-4371-222X

e-mail: H120006@e.ntu.edu.sg

For citation:

Huang Tiande, Zhao Wanyi, Zheng Mingming, Liu Hengshuang. Investigating the L3 lexical semantics access for Chinese-English-Russian trilinguals // Journal of Psycholinguistics. 3(61), 2024. P. 111–122. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2024-61-3-111-122 (In Russian)

РЕЦЕНЗИИ

УДК 81'33

ББК 81

DOI 10.30982/2077-5911-2024-61-3-123-133

Рецензия

**СЛЫШАТЬ – ЭТО БОЛЬШЕ, ЧЕМ ПОНИМАТЬ СЛОВА:
РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ
НОРМАН Б.Ю. ГРАММАТИКА СЛУШАЮЩЕГО
Москва: ФЛИНТА, 2024. 320 с.**

Гридина Татьяна Александровна

Уральский государственный педагогический университет,
Екатеринбург, Россия

Коновалова Надежда Ильинична

Уральский государственный педагогический университет,
Екатеринбург, Россия

Проблема взаимодействия субъектов коммуникации, дихотомия «говорящий – слушающий» является одной из ключевых в психолингвистической парадигме исследования речевой деятельности. Выход в свет монографии Б.Ю. Нормана «Грамматика слушающего» – давно ожидаемое научной общественностью событие как закономерное развитие концепции, представленной ученым в его широко известной книге «Грамматика говорящего»¹. Подчеркнем вслед за автором, что «вовсе не формы слов и не грамматические связи, устанавливаемые при построении предложений и текстов, стали предметом рассмотрения <в данной монографии>, а лингвоментальный «процесс восприятия и осознания текста, вплоть до формирования в голове собеседника искомого смысла» (с. 5). Это предварительное замечание, касающееся метафорической интерпретации понятия *грамматика*, должно «добраться» до будущего читателя раньше момента, когда он будет делать выбор: прочесть или отложить новую книгу, – хотя искушенный читатель не может обмануться, увидев на обложке имя Бориса Нормана, чей научный почерк (при всей серьезности обсуждаемой проблематики) отличается доступностью и занимательностью (умением высветить лингвистический парадокс и дать ему «рациональное» объяснение с позиций научного и обыденного языкового сознания).

Широкую трактовку в рецензируемом издании получает и понятие *слушающий*: поскольку исследование осуществляется на материале письменных текстов и в центр осмысления попадает прежде всего фигура и деятельность участников письменной коммуникации, то под *слушающим* подразумевается, конечно, *воспринимающий*. Вместе с тем, в ходе выдвижения суждений о разных аспектах «грамматики слушающего» автор постоянно обращается к анализу диалогов из художественных произведений, то есть, по сути, к образцам устной речи и, соответственно, к моделированию восприятия адресатом подобных текстов. Таким образом, декодирование информации слушающим

---

¹ Норман Б. Ю. Грамматика говорящего. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994. 227 с.

рассматривается в свете специфических аспектов как устной, так и письменной форм речи – с учетом психологических, социальных и собственно языковых факторов обработки сообщения.

В Главе 1 «Непростая роскошь общения» в фокусе внимания находится вопрос о взаимодействии и соотношении ролей говорящего и слушающего в разных регистрах коммуникации. Рассматривая данную проблему в свете двух концепций – «индивидуалистической» (*говорящий стремится к самовыражению*) и «кооперативной» (*в использовании языка первичен диалог, а монолог вторичен*), Б.Ю. Норман справедливо утверждает, что «...истина находится где-то посередине, что соответствует полифункциональной природе языка. С одной стороны, человеку важно сохранить и продемонстрировать себя как личность, подчеркнуть свое уникальное начало и место в социуме. А с другой стороны, он вынужден подстраиваться под своего собеседника, идти ему навстречу и учитывать особенности его идиолекта» (с. 12–13).

Категории «говорящий» и «слушающий» получают в таком ракурсе осмысление с позиций психологии и намерений обоих субъектов коммуникации. Реципиент (слушающий) в коммуникативном акте представлен как участник общения, не являющийся его инициатором, но проявляющий «речевую эмпатию» (с. 24–25). Само понятие «речевой эмпатии» характеризуется автором в психологическом ключе: как проявление «толерантности» слушающего (адресата сообщения), способного «принять» иное мнение, «допустить иное мировоззрение», встать на позицию говорящего. Данное свойство восприятия, оценки и т.п. чужого мнения как «общее свойство поведения человека входит в его психотип и может проявляться или оставаться скрытым, в том числе в виде речевой эмпатии. Но если говорящий сам заинтересован в результативности своего поступка (иначе он не стал бы инициировать вхождение в контакт), то слушающий эмпативен именно в силу своей коммуникативной роли: он обязан отреагировать на адресованный ему речевой акт. Впрочем, общей «презумпции эмпативности» нередко противоречит враждебная настроенность адресата. Причиной может быть принципиальное неприятие позиции собеседника, плохое настроение, сиюминутное раздражение, нанесенная перед тем обида и т.п.» (с. 26–27). Развивая данный тезис, автор монографии подчеркивает диалогический характер взаимодействия субъектов речевой коммуникации: с одной стороны, говорящий и слушающий выступают как «соратники» («соавторы»), вынужденные подстраивать друг под друга свои высказывания, с другой стороны, как «соперники» («антиподы»), каждый из которых преследует свой интерес (одному нужно добиться планируемого результата, другому сохранить свою «персональную» идентичность и получить от общения какую-то выгоду (с. 22–23). Убедительной иллюстрацией данной антиномии служит представленный Б.Ю. Норманом анализ коммуникативных функций «эхо-реплик» (повторов уже использованного слова или целого выражения на границе реплик говорящего и слушающего) в диалогах персонажей художественных произведений: повторы такого рода могут служить средством реализации тактики угождения («подакивания») или элементом, способствующим поддержанию беседы, сигналом согласия или несогласия, недовольства, выразителем иронии, оскорбления или даже конфронтативной тактики и прочих разнообразных негативных прагматических интенций.

Специально в этой главе выявляются и факторы, предопределяющие восприятие письменного текста: особенности почерка в рукописном тексте, качество печатного издания, специфика текстового оформления (соответствие традиционному орфографическому и пунктуационному оформлению, жанрово-стилистическая определенность, корректность соотнесения заголовков и текста) и др.

При осмыслении речевой деятельности слушающего справедливо подчеркивается значение его психотипа (интроверт, эгоцентрист, экстраверт и др.). Упомянув в этой связи о типологии намерений говорящего, автор намечает перспективу создания подобной типологии иллокутивных тактик слушающего, которая «до сих пор не расписана по своим частным подтипам» (с. 23).

В целом речевое поведение отдельного человека в его взаимодействии с собеседником – объект исследования автора монографии – рассматривается как диалог, который составляет природу и предназначение языка. «Но его осуществление происходит в соответствии со сложными правилами коммуникации: говорящий должен учитывать личность слушающего и подстраивать под нее свои иллокутивные тактики; значительное влияние на протекание диалога оказывают условия общения (место, время, количество общающихся, форма общения – устная или письменная – и т.д.). Слушающий же, придерживаясь общего правила речевой эмпатии, находится в то же время под воздействием как конкретных, ситуационных обстоятельств, так и константных качеств своей личности – психотипа, эмоционального модуса и т.п. Можно сказать, что между говорящим и слушающим возникает обратная связь, а в результате их взаимодействия и рождается текст» (с. 41).

Вторая глава монографии «Механизмы восприятия и понимания текста» непосредственно направлена на исследование тех психологических процессов, которые определяют «особую грамматику слушающего» как активного субъекта речевой деятельности. Отправным тезисом для рассуждения становится гипотеза о взаимообратимости процессов порождения и понимания речи (в том плане, что слушающий должен пройти в процессе восприятия и осознания смысла высказывания тем же путем, что и отправитель сообщения): естественно, опираясь на собственные «знания» в области владения языком и на те пресуппозиции, которые заданы установкой адресанта сообщения. Главной «движущей силой» данного процесса является «...противоречие между линейным характером восприятия текста и направленностью сознания на смысл целого. На практике это означает, что слушающий воспринимает последовательность звуков (или букв) – а ему хочется опознать все слово. Он воспринимает последовательность слов – а ему хочется осознать смысл целого высказывания. Он воспринимает отдельное высказывание – а ему хочется обладать смыслом всего произведения» (с. 42). При этом происходит «...подгонка получаемого сообщения под собственный опыт и систему ценностей слушающего» (там же). Важную роль в процессе восприятия играет фактор установки («неосознаваемая склонность человека к определенному восприятию событий и действиям в некотором направлении»), что применительно к ситуации восприятия смысла сообщения выступает как «настрой слушающего на определенный вид иллокуции со стороны говорящего. Иными словами, адресат ожидает от адресанта некоторый тип речевого акта с присущим ему содержанием» (с. 44).

Детализируя эту пресуппозицию, автор монографии в систематизированном виде представляет основные типы иллокутивных функций слушающего, не обозначая их строго терминологически, но характеризуя их содержательно, в том числе в виде примеров с развернутым комментарием относительно того, «...на какую работу может быть нацелено внимание адресата». Указывается не только характер, но и вероятностная (прогнозируемая) языковая форма реагирования адресата на сообщение: а) принять к сведению, согласиться, подтвердить полученную информацию (например, с помощью стандартных формул согласия, невербальными средствами) или развить свое мнение, снабдив его мотивировкой; б) уточнить, задать вопрос, выяснить детали, условия; в) выразить свое отрицательное отношение, возразить, отказаться, запретить; г) проинформировать (в ответ на запрос информации), высказать свое мнение. Данная иллокутивная функция не имеет особых средств выражения и чрезвычайно разнообразна в формальном отношении; д) усомниться, выразить недоверие, иронию, сарказм; е) выразить свою благодарность, похвалу, восхищение, возмущение, сочувствие, обиду и прочие эмоции; для каждой из них есть соответствующие лексические маркеры; ж) замаять проблему, отвести от себя рискованную или неприятную тему, уклониться от ответа (с. 44–55).

Трудно удержаться от того, чтобы привести сами иллюстративные фрагменты и их авторскую интерпретацию, точно и остроумно расставляющую акценты в характеристике диалогического взаимодействия персонажей художественных произведений. Но предоставим эту возможность будущим читателям монографии (заметим только, что и сам набор, и анализ таких примеров – это своеобразный текст в тексте, свидетельствующий об остром чувстве слова и исследовательской интуиции автора).

Закономерно вытекает из проведенного анализа утверждение Б.Ю. Нормана о том, что «ассортимент» иллокутивных тактик слушающего, очевидно, беднее, чем у говорящего, который является инициатором общения, ... он «ведущий» в этой паре, а слушающий – «ведомый», его дело – парировать реплики говорящего (с. 55). При этом подчеркивается, что «... общая стратегия действий слушающего определяется его социальным статусом и коммуникативной ролью; а вот тактика в ходе разговора может меняться, подстраиваться к действиям говорящего» (там же).

Самостоятельной проблемой для описания процессов восприятия и понимания текста является определение основной единицы такого описания.

По мнению Б.Ю. Нормана, такого рода единицей следует считать высказывание, которое для изучения грамматики слушающего более релевантно в «операционном» и терминологическом смысле, чем предложение (рассматриваемое как единица синтаксиса). Аргументы ученого сводятся к тому, что «высказывание (фраза) – речевая единица, в основе которой лежит предложение. Высказывание как единица речи может довольно далеко отходить от своей структурной основы (модели предложения), может включать несколько таких основ, но в любом случае все многообразные варианты высказываний сводимы к заданным в сознании синтаксическим образцам... В принципе текст может быть равен высказыванию... Но все же естественными для диалогической природы языка являются тексты более развернутые. И слушающему ... нужен именно текст с его смыслом, а не отдельное высказывание» (с. 57). Со ссылкой на М.М. Бахтина автор акцентирует тот факт, что высказывания «неравнодушны друг к другу», каждое

из них «полно отголосков других высказываний, с которыми оно связано общностью сферы речевого общения», что и создает смысловую многомерность текста.

Конкретизируя сказанное, Б.Ю. Норман отмечает, что такие «отзвуки общения» проявляются в наследовании (вторичном использовании) лексических единиц в процессе речи, в переключке морфологических форм, а иногда и в синтаксическом параллелизме конструкций. Лексические «скрепы» ... соединяют между собой не только реплики говорящего и слушающего – они и внутри этих реплик обеспечивают их тематическое единство» (с. 57–58). Это убедительно подкрепляется большим количеством приведенных автором монографии примеров, характеризующих разные виды ассоциативных связей, возникающих в процессе порождения и восприятия речи. Подобные связи могут иметь спонтанное проявление в виде фонетических парафазий, омонимических подмен, переключений и/или одновременной актуализации значений многозначных слов в ходе их употребления и восприятия, синтаксических «сбоев» и т.п., а также выступать в виде специальных приемов языковой игры, которую должен оценить слушающий. Рассмотрение примеров в таком ключе убедительно показывает, насколько велика роль контекста в интерпретации высказывания. Но главным выводом автора при сопоставлении потенциального смысла отдельного высказывания и его актуализации в текстовой проекции становится подтверждение «приоритета целого над его частью» (свойства эмерджентности текста): «Если верно то, что “смысл предложения больше, чем сумма отдельных слов” [Kainz I 1967: 116], то так же верно, что смысл текста – больше (и глубже, полнее, точнее), чем сумма смысла отдельных высказываний. ... И если отдельное сообщение допускает разные варианты трактовки (понимания и интерпретации), то, очевидно, еще большее право на такую амбивалентность имеет целое произведение» (с. 65). Соответственно, вопрос о «грамматике слушающего» получает непосредственный выход в проблему понимания текста как синтеза заключенной в нем информации и «неодномерности» (разной глубины) такого понимания адресатом.

Специальный авторский комментарий получают в этом ключе варианты восприятия, которые могут быть связаны с омонимией морфологических форм или синтаксических конструкций, что, в частности, является одним из популярных приемов создания комического парадокса (обыгрывается в разного рода шутках, загадках, анекдотах). Например: *Воробей* может съесть горсточку зерна, а лошадь – не может. Почему? (правильный ответ: Потому что лошадь большая = Воробей не может съесть лошадь). Суть загадки в обыгрывании омонимии форм им. и вин. п. слова *лошадь* (с. 67).

Закономерен в свете приведенных теоретических посылок и анализа языкового материала следующий вывод автора: «Деятельность реципиента представляется, по сути, постоянным производством семантических гипотез и их проверкой при поступлении на вход следующего элемента текста. Данная линейная модель – step by step – <принимается автором> за основу при следующем экспериментальном наблюдении» (с. 70–71), суть которого состоит в опознании потенциальных значений омонимичных словоформ как стимулов для продолжения высказывания и/или конструкций с такими словоформами для толкования. Представленный анализ полностью подтверждает тот факт, что «восприятие и понимание текста – сложный и активный процесс, который формируется в рамках определенных иллокутивных тактик слушающего. Деятельность последнего можно рассматривать вместе с деятельностью говорящего как в каком-

то смысле со-творчество, порождающее каждый раз свой текст, со своим уникальным результатом» (с. 81).

Глава 3 «Коммуникация без понимания?» уже своим названием парадоксально высвечивает проблему взаимодействия говорящего и слушающего в психолингвистическом ключе: «обязательно ли восприятие текста оборачивается его пониманием?». Или еще более широко: «всегда ли говорящий стремится донести до слушающего какой-то “смысл” или его речевой акт может преследовать иные, особые цели?» (с. 82). Например, это фразы, имеющие своей целью «...больше сказать о самом говорящем, чем о некоем референте, составляющем собственно содержание фразы». Используя убедительные примеры, Б.Ю. Норман выделяет разные функции таких сообщений «без смысла», к которым не вполне применима система принятых терминологических дефиниций. Автор описывает данные функции в свете их прагматической специфики: это (1) демонстрационная (декорационная) функция, не предполагающая содержательного осмысления текста: ср., например, демонстрацию умения читать текст (без его понимания); демонстрационную функцию имеют и разного рода языковые клише, которые автоматически отпечатываются в сознании носителей языка, минуя «смысл»; (2) желание слушающего «погрузиться в мир иных звуков (или букв), почувствовать мелодику текста, красоту плетения словес (даже если границы между словами неясны)»; ср. наслаждение «эталонным образцом» оперного пения на мелодичном итальянском языке; (3) стимулом знакомства с непонятым текстом может быть природное любопытство или профессиональный интерес; (4) наиболее естественной ситуацией получения удовольствия «в обход» должного смысла выглядит при чтении поэтических произведений и т.п. (с. 84–85). Подробному анализу подвергает автор и так называемые псевдовысказывания, или псевдопредложения, которые «лишены своего первичного наполнения и ситуативной привязанности и выполняют дидактическую, символическую, мнемотехническую, идентификационную или еще какую-то иную функцию» (с. 86). Ср.: мама мыла раму (первая фраза из букваря), уж замуж невтерпех (мнемоническая фраза, правило написания наречий), прибаутки, пословицы, скороговорки типа *опять двадцать пять, Карл у Клары украл кораллы* и т.п. Такие псевдовысказывания, однако, не лишены смысла: «Человек “творит” в них свой, особый виртуальный мир, не зависящий непосредственно от окружающей его действительности. Выход за пределы конкретной ситуации, отрыв от “здесь” и “сейчас” оказывается важнейшей отличительной чертой коммуникативной и гносеологической деятельности человека» (с. 87). Действительно, вряд ли можно однозначно квалифицировать подобные факты речевой культуры как проявление «коммуникации без понимания». Добавим к тому же, что сквозь их вариативные вторичные смыслы «проступает» и смысл прототипический: так, *уж замуж невтерпех* – это и шутивная констатация желания девушки поскорее выйти замуж, и ироническая оценка, характеризующая излишнюю поспешность в каком-либо деле, и мнемоническое «правило», легко запоминаемое именно потому, что оно построено и осознается как осмысленная фраза.

Логика исследования грамматики слушающего в заявленном ракурсе закономерно приводит автора к обсуждению вопроса «о соотношении между понятными и непонятыми элементами в составе текста, т.е. фактически – о границе между пониманием и непониманием» (с. 87). Речь идет о вкраплении в текст на родном

языке элементов иноязычного происхождения, архаизмов, историзмов, неологизмов, узкоспециальных терминов, которых нет в словарном запасе слушающего. Особая ситуация – восприятие религиозного текста, в котором «эмотивная функция смыкается с магической» (с. 88). Прогноз наиболее «естественных» действий слушающего в ситуации неполного понимания текста предполагает семантизацию незнакомого слова в опоре на контекст, учет сочетаемости и/или формального сходства с другими словами. «Наконец, адресат может “сморгнуть” непонятную часть текста, понадеявшись на то, что оставшаяся часть от этого мало пострадает» (с. 89). Подчеркнем, что вполне очевиден в этом прогнозе ранее обоснованный принцип эмерджентности текста, определяющий превалирование общего над частным в восприятии смысла. Обращается автор монографии и к весьма показательной в плане специфики восприятия и осмысления слов сфере детской речи². Еще один пласт лексики, создающий ситуацию «чужого слова» в «своем тексте», составляет употребление научного или технического термина в литературе, рассчитанной на широкого читателя. Так, при иллюстрации данного тезиса примерами из фантастической прозы А. и Б. Стругацких подчеркивается отсутствие у авторов намерения «разъяснять» подобные инновации адресату. «Видимо, имеется в виду, что читатель должен сам дойти до искомого смысла, а, по сути, глубоко вникать в этот смысл ему и не следует...». В художественном тексте, как тонко отмечает автор, «термин оказывается не более, чем символом специального знания, а степень его достоверности и точности для читателя неважна» (с. 91–93). Такую же символическую функцию в роли «чужого слова» нередко выполняют в тексте и жаргонизмы.

Отдельное место в описании грамматики слушающего отводится в данной главе «...искусственным словам», которые могут называть и вполне обычные, знакомые предметы, но в таком случае делают их неизвестными, чуждыми. ... Очевидно, и в этом случае главное, чем должен проникнуться адресат, – это ощущение «иности» создаваемого мира» (с. 98). Важным аспектом анализа является рассмотрение специфики использования искусственных слов с психологической точки зрения, с позиций разных участников речевого акта (говорящего и слушающего). Адресант, создавая искусственное слово, «заведомо, сознательно нарушает конвенцию, принятую относительно языка общения...», творит то, «что не понятно никому, кроме него самого», чувствуя себя «хозяином положения, способным диктовать, навязывать свои условия собеседнику. Он имеет право на интригу, на провокацию, на **коммуникативное превосходство**» (с. 102). Слушающий же, преследуя цель **понять текст**, вынужден выбирать «**тактику коммуникативного конформизма**: стремление сблизить, приравнять искусственное слово к обычной номинации, списать его на категорию малознакомых слов» (с. 103).

Квинтэссенцией данной главы является вывод о том, что коммуникативный акт может состояться и при условии неполного понимания или даже при отсутствии

---

² См., например, анализ разного рода «омофонических ослышек» и парадоксальных толкований детьми неизвестных слов как проявления рефлексивной доминанты языкового сознания, стремления установить «объяснимую» связь между звучанием слова и его номинативной функцией. Хотя, дети, как известно, склонны и к «коммуникации без понимания» (таково, например, использование квазислов в игровой детской субкультуре): Гридина Т.А. «Своя игра»: ребенок в мире языка: Монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2016. 177 с.

понимания, однако следует различать разные ситуации такого взаимодействия: 1) «восприятие текста на незнакомом языке» (это практически «нулевой уровень» понимания); 2) «ситуация, когда говорящий и слушающий используют один и тот же языковой код, и при этом адресат, не понимая значения используемых языковых единиц, все же адекватно воспринимает интенцию говорящего – его недовольство или тревогу, симпатию или восхищение»; 3) восприятие художественных (прозаических и стихотворных) текстов, «наделенных эстетической нагрузкой, которые должны доставить адресату удовольствие (или удовлетворение) независимо от своего содержания – уже благодаря своим языковым свойствам» (с. 104–105).

Важен вывод о том, что реципиент (слушающий) «достаточно активен в своем движении навстречу говорящему, и его скорее устраивает понимание «в той или иной степени», чем непонимание как таковое (с. 114).

Глава 4 «Грамматические шоры слушающего» задает «оптику» рассмотрения процессов восприятия и понимания текста в свете сложной архитектоники грамматической системы языка.

Отправным моментом авторских рассуждений становится тезис о том, что в идеале говорящий и слушающий обладают приблизительно «одним и тем же лексиконом и примерно тем же объемом грамматических знаний» (с. 115). Но, подчеркнем, что ключевое слово в этом утверждении именно «в идеале», поскольку соотношение набора внеязыковых и языковых пресуппозиций в сознании говорящего и слушающего чаще всего неизоморфно. Синтаксические модели, с одной стороны, отражают объективную реальность; с другой стороны, они настолько референтно вариативны, что задают разные ракурсы видения одной и той же ситуации. Рассматривая грамматическое устройство высказывания, Б. Ю. Норман следует идее предикатоцентричности русской грамматики: «Глагол в таком понимании оказывается распорядителем, или ... режиссером спектакля, в котором участвует некоторое количество актеров. ... От сказуемого в наибольшей степени зависит расстановка сил во фразе» (с. 118). Разворачивая эту театральную метафору в проекции на грамматику слушающего, автор демонстрирует тот факт, что адресат высказывания «пытается подвести, подогнать воспринимаемое сообщение, в том числе его морфологические особенности, под свою языковую компетенцию, и ход разворачивающегося перед ним “спектакля” зависит от целого ряда факторов» (с. 159). К такого рода факторам, опираясь на приведенный иллюстративный материал, можно отнести: 1) степень корреляции синтаксических моделей в сознании говорящего и слушающего; 2) диапазон прогнозируемых слушающим валентностей предиката. Если «...одна из валентностей предиката не реализуется, синтаксическая позиция не заполнена» (с. 119) (не задана говорящим случайно или намеренно), слушающий подбирает подходящий для ситуации актант из числа возможных вариантов. При этом «... взаимодействие ряда факторов (порядок слов, лексическая сочетаемость, стандартные способы синтаксических преобразований и т.п.) (с. 147) облегчают слушающему декодирование смысла высказывания.

Глава 5 «Преобразования высказывания в сознании слушателя» сфокусирована на активности адресата сообщения как субъекта коммуникации. В опоре на концепции Л.С. Выготского и Н.И. Жинкина анализируются механизмы перехода внутренней речи во внешнюю, при этом постоянно устанавливаются корреляции между отправителем и получателем сообщения в процессе его декодирования. Так, слушающий, получив

какое-либо высказывание, осознает, что в его структуре при переходе внутренней речи говорящего во внешнюю (синтаксическое оформление мысли) произошли некоторые преобразования (например, эллипсис), и в процессе декодирования он автоматически «прокручивает» в своем сознании те механизмы, которые сам использовал, будучи говорящим.

Таким образом, автор вновь обращается к психолингвистической проблеме о взаимобратимости процессов говорения и понимания речи, предлагая собственную, весьма убедительную версию такого «консенсуса», рассматривая разные типы синтаксических единиц и моделей, которые содержат зоны для «реконструкции» слушающим имплицитных смыслов высказывания.

Не раскрывая всей интриги моделирования Б.Ю. Норманом «грамматики слушающего», ограничимся далее лишь эскизным изложением содержания заключительных глав.

В **Главе 6** в опоре на классификацию Р. Серля анализируются косвенные речевые акты, метафорически, как это свойственно автору монографии, названные «высказываниями с двойным дном». Такие высказывания в психолингвистике традиционно рассматриваются с точки зрения их прагматической значимости в диалоге говорящего и слушающего. Б.Ю. Норман несколькими выразительными «штрихами» дает психолингвистическую интерпретацию конструкций, оформляющих речевые акты побуждения, угрозы, одобрения и т.п. Чрезвычайно интересны примеры, которые можно было бы обозначить как «квазиблагодарность», «квазикомплимент». С этим связана также и проблема считывания слушающим реальной интенции говорящего, использующего в диалоге косвенные речевые акты.

Логичным развитием данного аспекта исследования в свете дихотомии понимание vs непонимание представляется **Глава 7** «Коммуникативные неудачи или ситуативные недоразумения». В качестве «предпосылок» коммуникативных неудач выделены как собственно языковые причины («неизвестное или непонятное слово, странная словоформа, синтаксическая конструкция»), так и неязыковые, связанные с так называемым «человеческим фактором»: «иллокутивные нестыковки»; «различный лингвоментальный опыт говорящего и слушающего» и т.п. (с. 248).

Особым аспектом рассмотрения активной роли слушающего в процессе восприятия замысла говорящего является обращение автора к креативным механизмам (видам) такого взаимодействия (**Глава 8** «Слушающий и креатив»). Интерпретационная составляющая восприятия имеет, как известно, континуальный характер, не предполагая однозначности понимания смысла высказывания (текста). Однако «...свобода реципиента, творческий характер его деятельности не ограничивается тем, чтобы выбрать какую-то семантическую гипотезу из числа формирующихся. У него есть возможность тут же выразить свое отношение к поступающему на вход высказыванию: он может его запомнить или постараться забыть, продолжить, трансформировать (переделать), иронически переосмыслить, «забанить» в своем сознании – сделать вид, что «не услышал» (с. 275). Творческая свобода в диалоге рассматривается и как спонтанное приспособление услышанного к собственному опыту реципиента (см., например, детские омофонические ослышки), и как осознанная словесная игра, в качестве возможных ее проявлений в диалоге – передразнивания, «подначивания», отвлекающая шутка. Особый случай – восприятие художественного

текста, в ходе которого адресат может «что-то вычитать из текста» или «наоборот, – “вчитать” в текст, внести в него дополнительный, новый смысл...», что позволяет «говорить о креативе как важной стороне деятельности слушающего» (с. 289).

Таким образом, грамматика слушающего обнажает полифункциональную корреляцию с грамматикой говорящего в свете реализации ими языкового кода.

Данная монография представляет несомненный интерес как для специалистов в области изучения речевой деятельности, так и для широкого круга любознательных читателей. К ней в полной мере можно отнести слова К.И. Чуковского: «По-настоящему ведет за собой та книга, из которой читатель делает выводы сам».

© Гридина Т.А., Коновалова Н.И., 2024

Сведения об авторах:

Гридина Татьяна Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания и русского языка ФГБОУ ВО «УрГПУ»

Контактная информация:

620091, Екатеринбург, пр. Космонавтов, дом 26, оф. 281

ORCID: 0000-0003-3993-5164

email: tatyana_gridina@mail.ru

Коновалова Надежда Ильинична – доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания и русского языка ФГБОУ ВО «УрГПУ»; профессор кафедры русского языка для иностранных учащихся ФГБОУ ВО «УрФУ»

Контактная информация:

620091, Екатеринбург, пр. Космонавтов, дом 26, оф. 281

620063, Екатеринбург, ул. Чапаева, дом 16, оф. 309

ORCID: 0000-0002-8541-1014

email: sakralist@mail.ru

Для цитирования:

Гридина Т.А., Коновалова Н.И. Слышать – это больше, чем понимать слова: Рецензия на книгу Норман Б.Ю. Грамматика слушающего. Москва: ФЛИНТА, 2024. 320 с. // Вопросы психолингвистики №3(61) 2024, С. 123–133, doi: 10.30982/2077-5911-2024-61-3-123-133

UDC 81.33

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2024-61-3-123-133

Review

**TO HEAR IS MORE THAN TO UNDERSTAND WORDS:
BOOK REVIEW BY BORIS YU. NORMAN 'LISTENER'S GRAMMAR'
MOSCOW: FLINTA, 2024. 320 P.**

Tatyana A. Gridina

Ural State Pedagogical University,
Ekaterinburg, Russia

Nadezhda I. Konovalova

Ural State Pedagogical University,
Yekaterinburg, Russia

Bionotes:

Tatiana A. Gridina – Doctor of Philology, Professor of the Department of General Linguistics and the Russian Language, Ural State Pedagogical University

Contact information:

Kosmonavtov pr., 26, Yekaterinburg, Russian Federation, 620091

ORCID: 0000-0003-3993-5164

email: tatyana_gridina@mail.ru

Nadezhda I. Konovalova – Doctor of Philology, Professor of the Department of General Linguistics and the Russian Language, Ural State Pedagogical University; Professor of the Department of Russian Language for Foreign Students. Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia.

Contact information:

Kosmonavtov pr., 26, Yekaterinburg, Russian Federation, 620091

ORCID: 0000-0002-8541-1014

email: sakralist@mail.ru

For citation:

Gridina T.A., Konovalova N.I. To hear is more than to understand words: book review by Boris Yu. Norman 'Listener's grammar'. Moscow: Flinta, 2024. 320 p. // Journal of Psycholinguistics. 3(61), 2024. P. 123–133. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2024-61-3-123-133 (In Russian)

IN MEMORIAM

Евгений Федорович Тарасов
17.04.1935 – 20.09.2024

Вечером 20 сентября 2024 на девяностом году жизни ушел от нас Евгений Федорович Тарасов.

Большая часть его творческой научной жизни была связана с Институтом языкознания РАН, куда он пришел в 1971 г. молодым кандидатом наук в группу психолингвистики и теории коммуникации, которой тогда руководил А.А. Леонтьев. В 1976 году он сам встал во главе коллектива психолингвистов и более сорока пяти лет с успехом руководил сначала сектором, а затем и отделом Института. За это время не только вырос и «остепенился» руководимый им коллектив, но и продолжала расти атмосфера взаимной уважительности, творчества, постоянного профессионального и человеческого роста, сформировавшая вокруг отдела огромный «невидимый колледж» – Московскую психолингвистическую школу, к которой с гордостью причисляют себя наши коллеги, живущие в разных городах России, в ближнем и дальнем зарубежье. Многие из них – ученики Евгения Федоровича.

Своей alma mater он с полным основанием называл Военный институт иностранных языков. Здесь он был курсантом, здесь уже после защиты кандидатской диссертации стал старшим преподавателем. После перехода в ИЯз РАН не утратил связи с ВИИЯ: постоянно готовил для Военного института иностранных языков научные кадры. Его коллеги по ВИИЯ до сих пор с теплотой вспоминают годы совместной работы, и все отмечают его энергию и талант как на поприще преподавательской деятельности, так и в сфере научных изысканий.

За долгие годы деятельности на посту руководителя сектора, а затем и отдела психолингвистики Института языкознания РАН, ярко проявился его талант исследователя и дар научного организатора. Многие и многие известные ученые справедливо считают его не просто своим научным руководителем, но примером верности науке и самоотверженности труда на благо развития и процветания отечественной школы психолингвистики.

Евгений Федорович Тарасов был членом нескольких специализированных диссертационных советов, одним из создателей и главным редактором журнала «Вопросы психолингвистики», бессменным председателем Оргкомитета симпозиумов по психолингвистике и теории коммуникации, которые проводил отдел психолингвистики, главным редактором нескольких десятков коллективных монографий и сборников статей по психолингвистике. Им опубликовано более 230 научных работ, из них 10 монографий. Плодотворную научную деятельность Евгений Федорович совмещал с преподаванием в студенческой и аспирантской аудиториях, где неизменно пользовался авторитетом и любовью слушателей.

Работая в Институте языкознания РАН, он руководил и первой в нашей стране кафедрой психолингвистики в МГЛУ. В 1992 году ему было присвоено звание профессора по кафедре общей психологии и психолингвистики МГЛУ, в 2003 г. в группе коллег он был награжден Премией Президента РФ в области образования, а в 2010 году ему присвоено звание «Почетный работник высшего профессионального образования РФ».

Светлая и добрая память!

Коллеги и ученики

Евгений Федорович Тарасов – это глыба, уникальный Человек и Ученый, мужественный и умеющий держать удар судьбы. Редкий системный ум и мудрое отношение ко всем: апологетам и противникам.

В моей памяти Евгений Федорович останется навсегда, пока живу. Он, пожалуй, был единственным Человеком, внимательно и серьезно отвечавшим на мои лѐпые и нелепые вопросы, сумевший поддержать меня в некоторых позициях и мудро меня «опускавший с небес на землю», если я упорствовала в своем мнении (и по поводу языкового сознания и доминирования одного языка над другим, и теории лингвистической относительности и этноязыковых проблем, и др.). Помимо ученого Ума в нем было много МУЖСКОСТИ — САМОСТИ — СУБЪЕКТНОСТИ в самых лучших значениях этого слова. Его появление на разных мероприятиях и в стенах нашего ИРЯ РУДН сопровождалось невидимым, но осязаемым энергетическим полем, которое заставляло подтянуться и физически, и умственно. Передо мной был и Ученый, и Мужчина всегда, невзирая на факт сложного его физического состояния в последний год.

Так мало было ему сказано мной теплых слов. Могу ли себя утешать тем, что вместе с Владимиром Павловичем смогла быть в ИЯ РАН на официальном чествовании его 80-летнего юбилея и смогла выразить ему свое искреннее уважение и восхищение? Могло быть по-другому. С уходом чуть старшего нас поколения пронзительнее ощущается свой возраст и еще критичнее оценивается свой вклад в профессиональную деятельность. Остается память и надежда, что смогу написать к его 90-летию статью, и, конечно, субъективно-пристрастную. Как говорил Евгений Федорович, исследователь постнеклассической эпохи не может не быть пристрастным.

У.М. Бахтикиреева, РУДН, Москва

Скорблю. Вспоминаю Евгения Федоровича. Светлая память. Да упокоится его душа с Богом. Царствие ему небесное. Соболезнования его семье и друзьям. Молюсь...

Т.Н. Наумова, Перт, Австралия

Мы глубоко опечалены известием о кончине доктора филологических наук, профессора Евгения Федоровича Тарасова и выражаем наши самые искренние и глубокие соболезнования его родным, близким и коллегам. Евгений Федорович был замечательным ученым, коллегой, руководителем, человеком с нестандартным мышлением и редким обаянием. Его вклад в развитие отечественной психолингвистической науки и теории межкультурной коммуникации неоспорим. Будучи профессионалом своего дела, он оказал неоценимую помощь в становлении научных кадров нашего университета. Благодаря плодотворному сотрудничеству изданы ассоциативные словари, проведены фундаментальные исследования языкового сознания народов арктической зоны. Светлая память!

*Коллеги и ученики Е.Ф.Тарасова
из Северо-Восточного федерального университета, Якутск*

Коллеги! Примите глубокие соболезнования ваших сподвижников – психологов-психолингвистов. Уход людей масштаба Евгения Федоровича – невосполнимая

In Memoriam

потеря! Уходит эпоха... Скорбим вместе с вами и сознаем, что ниточка, связывающая нас с ярким началом нашей науки, становится все тоньше. Светлая память Евгению Федоровичу!

*Коллектив лаборатории психологии речи и психолингвистики
Института психологии РАН, Москва*

Дорогие коллеги, примите мои глубокие соболезнования по поводу нашей общей утраты. Евгений Федорович прожил долгую, похоже, активную жизнь, совсем недавно я слышала его выступление на конференции, которую организовывали его коллеги по университету, ну а теперь начинается новый этап в нашем совместном пути, реальность меняется, будем жить и работать. Светлая память и благодарность нашему Евгению Федоровичу.

И.В. Шапошникова, Новосибирск

Тяжелая и невозполнимая утрата. Ушел выдающийся ученый и организатор науки, замечательный человек. Светлая память. Соболезнования родным и близким. Будем помнить, будем сохранять преданность его идеям. Он навсегда в наших сердцах.

Н.С. Сергиева, Сыктывкар

Дорогие коллеги, скорбим вместе с вами. Память о Евгении Федоровиче Тарасове будет жить в наших сердцах.

Д.Б. Никуличева, Москва

Мои незабываемые поездки в Москву, в Институт языкознания РАН, безусловно, связаны с именем большого ученого-психолингвиста, одного из основателей Московской психолингвистической школы Евгения Федоровича Тарасова и навсегда отпечатались в моем сердце. Примите мои искренние соболезнования, огромная, невозполнимая утрата для всех нас.

*М. Абаева, Институт языкознания НАН РК им. А. Байтурсынова,
Алматы, Казахстан*

Светлая память Евгению Федоровичу! Мои соболезнования родным и близким.

В.З. Демьянков, Москва

Смерть ожидает каждого из нас, и это неизбежное завершение каждой жизни. Евгений Федорович прожил долгую и насыщенную событиями жизнь.

Воспоминания об ушедшем – это то, что остается здесь и сейчас, а значит везде и всегда. Ну и, конечно, надпись на могильной плите, мог бы с ироничной улыбкой добавить Шеф. Именно так его называли в Секторе психолингвистики коллеги и аспиранты. Он оставил о себе хорошие воспоминания, то, что называют «светлой памятью».

Евгений Федорович обладал удивительным чувством юмора, реагировал на шутки тихим, но заразительным смехом, умел язвить. Оказавшись с ним на одной волне, вести разговор было легко, а неизменное «Берегите себя» заставляло тут же начать беречь себя. Будем помнить, будем беречь свои воспоминания о нем.

С.В. Дмитрюк, Москва

Как грустно становится от осознания того, что один за другим уходят из жизни наши мэтры – люди, определившие лицо современной отечественной психолингвистики, перед которыми я всегда благоговела и считала образцом служения науке. Казалось бы, совсем недавно мы скорбели по поводу кончины А.А. Залевской, И.А. Стернина, и вот нас постигла новая утрата...

Я попала в сектор психолингвистики ИЯз РАН, еще будучи аспиранткой Новосибирского государственного университета, и меня сразу поразила та теплая, дружеская атмосфера, которая там царилась. Люди, с которыми я до того была знакома лишь по их научным трудам, казавшиеся мне практически небожителями, очень тепло и приветливо встретили меня, оказывали всяческую помощь и поддержку. Я безмерно благодарна Евгению Федоровичу за его доброе и порой снисходительное ко мне отношение, за его мудрые советы и готовность помочь, в моей памяти навсегда останутся его улыбка и лукавый прищур глаз. Светлая ему память!

Л.С. Жукова, Москва

Получилось так, что я застал всю – ныне в значительной мере поредевшую – плеяду триумvirат психолингвистики: Ю.А. Сорокина, Е.Ф. Тарасова и Н.В. Уфимцеву (на фото от 2006 года). С Евгением Федоровичем общался нечасто, но всегда поражала его внимательность к слову, к терминологическим обозначениям. Он интересовался моими изысканиями, подчас критиковал, а в 2019-м году, после моего выступления в МГПУ с темой «Объектная область лингвистики в аспекте интегративного подхода», с легкой доброжелательной улыбкой сказал: «Я наконец-то понял, чем Вы занимаетесь! Этот подход требует широкого кругозора...» Это понимание со стороны классика российской психолингвистики меня окрыляет до сих пор. Светлая ему память!

А.В. Пузырев, г. Орехово-Зуево

Светлая память светлomu человеку – Евгению Федоровичу Тарасову, большому красивому Человеку, крупному ученому, классику, мэтру, корифею психолингвистики, любимому и обожаемому нашему шефу.... Великодушный, щедрый, обаятельный, с неподражаемым чувством юмора, Евгений Федорович стал для нас всех, понаехавших, безусловной защитой, добрым покровителем, эталоном Ученого и Учителя, и это бесценно и незабываемо до конца жизни. Вечная память и наша вечная благодарность дорогому Евгению Федоровичу...

Н.В. Дмитриук, Шымкент, Казахстан

Ушла легенда, глыба, ощущение, что целая эпоха. Тяжесть этой утраты мы будем ощущать еще долго, возможно с годами даже острее будет осознание невозвратности всего гениального, и при этом удивительно простого и скромного, воплотившегося в одном человеке. Печаль и тревога – все, что чувствую. Соболезную нашему сектору психолингвистики и всей отечественной науке. Светлая память Евгению Федоровичу и низкий поклон от учеников.

М.Ю. Шингарева, Шымкент, Казахстан

Печально, когда уходят из жизни замечательные люди, всю свою жизнь посвятившие любимому делу, служению науке. Уже не будет с нами вдумчивого, всепонимающего человека, но останутся в памяти встречи в Секторе психолингвистики, теплые чаепития, останутся его труды. Отдельные работы для его многочисленных учеников

In Memoriam

стали настольной книгой, путеводителем в мире науки. Светлая память о Евгении Федоровиче навсегда останется в наших сердцах!

В.Д. Нарожная, Шымкент, Казахстан

Я безмерно благодарна судьбе за знакомство с Евгением Федоровичем, удивительно сердечным красивым большим человеком с невероятно теплой улыбкой, великим ученым, стоящим у истоков российской психолингвистики, с благоговением помню его шуточные и всерьез наставления... Горько сознавать, что этого больше не будет, в памяти остались незабываемые встречи в Секторе...

Р.А. Арымбаева, Шымкент, Казахстан

Благодарю судьбу за встречу с Евгением Федоровичем Тарасовым, о нем все рассказывали с восхищением и любовью. Наши встречи в Секторе навсегда оставили глубокий след в моем сердце. Больше всего меня восхищают в Евгении Федоровиче, наряду с глубоким умом, прозорливостью, высочайшей профессиональностью, его безграничное терпение и уважение ко всем его ученикам, его обаяние и человечность. Когда уходит такой человек, это всегда кажется преждевременным и неожиданным. Пусть он покоится с миром! Память о Евгении Федоровиче и огромная благодарность навсегда останутся в моем сердце. Царствия небесного Вам, дорогой Учитель!

Г.И. Абрамова, Шымкент, Казахстан

Спасибо судьбе за встречу с таким человеком – великим, мудрым, благородным, великодушным и таким доступным, располагающим к себе теплой улыбкой и ироничным взглядом. Все мы, приезжая друг за другом в сектор, благоговели перед Евгением Федоровичем, боготворили его, живого классика, мэтра, Учителя. Как горько, что мы уже не увидимся, приехав в Москву... Низкий поклон, бесконечная благодарность Евгению Федоровичу, светлая и вечная память.

Р.А. Османова, Шымкент, Казахстан

Евгений Федорович был светлым, добрым, могучим, талантливым человеком, ученым с мировым именем. Он открыл для меня новый мир, дал защиту и поддержку, веру в собственные силы, и я буду помнить об этом всегда! Боль невосполнимой утраты в нас... Соболезную искренне! Будем помнить всегда!

Д.М. Кистаубаева, Шымкент, Казахстан

Скорблю вместе с коллегами по безвременно ушедшему Евгению Федоровичу Тарасову. Светлая ему память!

А.В. Рудакова, Воронеж

С большой грустью и теплом вспоминаю нашего дорогого коллегу – Евгения Федоровича Тарасова, который был не просто выдающимся ученым, стоявшим у истоков отечественной психолингвистики, но и замечательным человеком, наставником, всегда готовым помочь и поддержать всех, кто в этом нуждался. С особой благодарностью я буду помнить годы нашего сотрудничества на поприще издания журнала «Вопросы психолингвистики», где Евгений Федорович долгое время являлся главным редактором и был одним из идейных вдохновителей. Для меня он навсегда останется образцом истинного ученого, искренне и беззаветно преданного своему делу. Его невероятная жизненная энергия всегда вдохновляла меня на новые свершения и помогала двигаться вперед. Светлая ему память, искренние соболезнования семье и близким.

Л.М. Терентий, ректор ММА, Москва

О создании координирующего органа кафедр общего языкознания университетов России

Уважаемые коллеги, руководители и члены кафедр общего языкознания университетов России!

На заседаниях Методологического лингвистического семинара, организованного кафедрой общего и сравнительно-исторического языкознания на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова, мы обсуждали инициативу создания Ассоциации кафедр общего языкознания университетов России в целях расширения и углубления знаний будущих филологов в условиях междисциплинарности научных исследований и необходимости формирования навыков построения научной картины мира наших учащихся.

Предлагаем обсудить план совместной работы Ассоциации кафедр общего языкознания университетов России для решения поставленных задач в разных направлениях:

1. Создание платформы свободного / ограниченного доступа для формирования базы данных работы членов Ассоциации кафедр общего языкознания университетов России.

2. Обсуждение конкретных вопросов общего языкознания с привлечением специалистов научно-исследовательских институтов. Сложность представления различных научных направлений в современной мировой лингвистике объясняется во многом тем обстоятельством, что представление об общем языкознании включает разработку проблематики не только «внутреннего» кластера теории языка (представление о структуре языка, определение системности каждого яруса языковой структуры, функций единиц каждого яруса, сферы сравнительно-исторического и типологического языкознания и др.), но и вопросов изучения узуса речи современного человека в разных жанрах речевого общения на родном и иностранном языке, а значит с привлечением внимания к «внешнему» и прикладному языкознанию – психолингвистике, социолингвистике, когнитивной лингвистике, лингвокультурологии, этнолингвистике и дидактике. Естественно, изучение узуса речи включает в проблематику общего языкознания обсуждение вопросов классификации текстов в логосфере и ноосфере Человека Говорящего научной проблематики лингвосемиотики и семиозиса, культурологии, а также лингвостатистики и информатики.

3. Проведение совместных круглых столов и конференций по выбранной актуальной проблематике с привлечением аудитории учащихся.

4. Создание творческих коллективов для создания и публикации новых пособий для расширения знаний учащихся базовых курсов «Основы языкознания», «Общее языкознание», «История лингвистических учений» – пособий по проблематике а) психолингвистики, б) социолингвистики, в) когнитивной лингвистики, г) лингвокультурологии и д) функционально-семиотического направления в лингвистике.

5. Приглашение специалистов для чтения лекции / лекций по определенной проблематике общего языкознания в студенческой аудитории (возможно с привлечением он-лайн технологий) в университетах России.

6. Формирование актуальных для современного общего языкознания курсов в системе дополнительного образования на базе филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Предлагаем направления а) психолингвистики, б) социолингвистики, в) когнитивной лингвистики, г) лингвокультурологии и д) функционально-семиотического направления в лингвистике.

7. Заключение договоров о сотрудничестве университетов Российской Федерации в сфере подготовки риторических навыков речевой деятельности у студентов, магистрантов и аспирантов всех специальностей в современных условиях, поскольку формирование языковой личности с ответственностью выбора для адресанта мысли для формирования текста, способов ее (мысли) воплощения в тексте с учетом интересов адресата и навыков с его стороны восприятия и понимания мысли адресанта, знаний и умений и адресанта, и адресата в сфере аргументации – важная задача системы высшего образования. Перечисленные выше навыки и умения требуют особого внимания к деятельности членов кафедр общего языкознания. При учете значимости закона Российской Федерации о русском языке сфера нашей, уважаемые коллеги, ответственности за будущее подрастающее поколение перед нашим государством возрастает многократно.

Предлагаем обсудить программу нашей деятельности, состав ответственных за реализацию направлений программы при ее принятии, предварительные сроки выполнения и конкретные формы ее реализации.

Комментарии и предложения просьба направлять заведующей кафедрой общего и сравнительно-исторического языкознания филологического факультета МГУ Ларисе Алексеевне Чижовой по адресу general@philol.msu.ru.

Уважаемые коллеги!

Приглашаем принять участие в декабрьской конференции

Кафедра общего и сравнительно-исторического языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова в декабре 2024 г. проводит конференцию, посвященную развитию идей академика Юрия Сергеевича Степанова (1930 – 2012) в современном языкознании.

Юрий Сергеевич Степанов возглавлял кафедру общего и сравнительно-исторического языкознания в сложный период развития нашей науки — 1962 – 1971 годы, после ухода их жизни великого русского ученого М.Н. Петерсона, много лет определявшего развитие нашей кафедры. Именно Ю.С. Степанов сформировал преподавание основных курсов на филологическом факультете: «Введение в языкознание», «История лингвистических учений», «Общее языкознание», — в переломный период формирования новых направлений, таких как философия языка, семиология, лингвокультурология, в отношении к структурализму при учете междисциплинарных связей. Многочисленные ученики и последователи Юрия Сергеевича в период заведования кафедрой ОСИЯ, его дальнейшего служения науке в Институте языкознания РАН продолжают развитие фундаментальных идей Юрия Сергеевича Степанова в исследованиях речевой деятельности человека как индивида и как члена культурно-обусловленного национального сообщества.

Кафедра общего и сравнительно-исторического языкознания филологического факультета МГУ предлагает обсудить развитие идей Ю.С. Степанова в нескольких направлениях:

- Методы и принципы современного языкознания;
- Семиология и семиозис при анализе речевой деятельности человека;
- Онтологический и аксиологический подходы при анализе речевой деятельности человека;
- Изучение проявлений культурных констант в функционально-семиологическом направлении языкознания;
- Проблематика теории языкознания в современную эпоху;
- Развитие идей Ю.С. Степанова в романском языкознании и литуанистике;
- Формирование курсов «Введение в языкознание», «История лингвистических учений», «Общее языкознание» для профессиональной подготовки будущих филологов в XXI веке.

Материалы конференции будут опубликованы в сборнике научных статей и индексированы в РИНЦ.

Для участия в конференции необходимо направить в Оргкомитет анкету до **1 октября 2024 года**, а также тезисы доклада – до **1 ноября 2024 года**.

Рекомендуемый объем тезисов – 5000 знаков с пробелами.

Адрес электронной почты для отправки тезисов:

conference_osia2024@mail.ru

Регистрационная форма участников конференции:

1. Фамилия, имя, отчество (на русском языке)
2. Last Name, First Name, Middle Name (in English)
3. Название доклада (на русском)
4. Paper Title (in English)
5. В рамках какого раздела конференции Вы хотели бы выступить?
6. Форма участия в конференции (очно/дистанционно)
7. Полное название организации (на русском)
8. Full organization name (in English)
9. Телефон / e-mail:
10. Фамилия, имя, отчество (на русском языке) всех соавторов

**ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»
Филологический факультет
Кафедра общего языкознания и стилистики
Воронежская психолингвистическая ассоциация
Центр коммуникативных исследований
имени профессора Иосифа Абрамовича Стернина**

Уважаемые коллеги!

Приглашаем вас принять участие в X Всероссийской научной конференции
с международным участием

**«Стернинские чтения: Значение как феномен
актуального языкового сознания носителя языка»**

25 октября 2024 года

Цель: разработка подходов и методик описания семантики слова и других языковых единиц как феномена языкового сознания.

Задачи: разработка концепции значения слова как феномена актуального языкового сознания; разработка методик описания значения как феномена языкового сознания; подготовка словарей языкового сознания, лингвистические и психолингвистические исследования разных уровней языка, современные методики преподавания русского языка как родного и иностранного, юрислингвистика.

Предполагаемые секции:

- Языковое сознание носителя языка
- Проблемы описания семантики слова
- Лексикографические проблемы описания лексических единиц
- Экспериментальные методы в исследовании семантики слова
- Психолингвистическая лексикография
- Психолингвистические проблемы дискурса
- Проблемы юрислингвистики и др.

Условия участия

До **15 октября 2024 г.** в оргкомитет необходимо прислать заявку для участия в работе конференции и статью (материалы доклада) для публикации в одноименном сборнике по электронной почте по адресу: a-rudakova@list.ru Рудаковой Александре Владимировне.

Участие в работе конференции и публикация материалов для авторов **бесплатны**.

Форма участия – дистанционная

Убедительная просьба посылать заявку и материалы ДВУМЯ отдельными файлами в ОДНОМ письме (Иванов_заявка, Иванов_статья) на электронный адрес, указав в теме сообщения «Конференция».

ВНИМАНИЕ: оргкомитет оставляет за собой право отбора присланных материалов.

Сборник будет выпущен к началу работы конференции. Электронный вариант сборника и сертификаты участника будут разосланы не позднее 30 октября. Информация о сборнике будет размещена в РИНЦ, сборнику присвоен ISBN.

При необходимости пересылка сборника материалов осуществляется за счет авторов (стоимость бумажного экземпляра 500 рублей и стоимость пересылки по России 100 рублей – необходимо указать в заявке).

Требования к оформлению материалов

- объем — 5-10 стр., шрифт Times New Roman, кегль — 14, абзац — 1 см, межстрочный интервал — 1; в таблицах – 12-14 кегль;
- поля – все по 2,5 см;
- без нумерации страниц;
- на первой строке — инициалы и фамилия автора, в скобках город (начертание — полужирный курсив, выравнивание по правому краю);
- отступ — одна строка;
- на третьей строке — название статьи (начертание полужирное, прописными буквами, выравнивание по центру);
- отступ — одна строка;
- аннотация на русском и английском языках – 200-500 знаков;
- ключевые слова на русском и английском языках – 3-5 слов;
- текст статьи;
- иллюстративный материал выделяется *курсивом* без кавычек, анализируемые единицы в тексте — **полужирным** шрифтом;
- ссылки на литературу оформляются согласно ГОСТу 7.0.5–2008: [Иванов 1989], [Иванов 1989, с. 215; Петров 2009, с. 105];
- после текста статьи – список использованной литературы «Литература», включающий не более 10 источников; оформление согласно ГОСТУ 7.0.5–2008.

Контакты научного редактора сборника:

Адрес: г. Воронеж, площадь Ленина, д. 10, ауд. 32а (кафедра общего языкознания и стилистики), ауд. 12а (Центр коммуникативных исследований им. проф. И.А. Стернина)

Рудакова Александра Владимировна – д.ф.н., заведующий кафедрой общего языкознания и стилистики, директор Центра коммуникативных исследований им. проф. И.А. Стернина

Телефон: +7(905)0515198, e-mail: a-rudakova@list.ru

**Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Министерство образования и науки Донецкой Народной Республики
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего
образования
«Донецкий государственный университет»
Филологический факультет
Кафедра русского языка**

Уважаемые коллеги!

Кафедра русского языка Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «ДонГУ» приглашает вас принять участие в IX Международном научном семинаре «Лингвистическое регионоведение», который пройдет в дистанционном режиме **8 ноября 2024 года**.

Семинар проводится в рамках выполнения темы государственного задания «Структурно-функциональные параметры существования и развития русского языка XX-XXI столетий в его региолектном и общеязыковом аспектах» (№ госрегистрации НИОКТР 1023111500001-7-6.2.1;6.2.2).

На заседании семинара предполагается обсудить следующие вопросы:

- 1) теоретические проблемы лингворегиеоноведения;
- 2) региональный лексикон: история и современность;
- 3) региональные сленги;
- 4) региональный урбанонимикон;
- 5) региональный тезаурус: лингвокультуремы и логоэпистемы;
- 6) региональный прагматикон;
- 7) региональная языковая личность;
- 8) лингвопоэтические особенности регионального художественного текста;
- 9) общее и отличное в региолектах;
- 10) лингворегиеональная лексикография.

Предполагается публикация статей участников семинара в журнале «Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология», включенном в базу РИНЦ (договор 264–06/2018) и с 20.02.24 в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, соискание ученой степени доктора наук по следующим группам научных специальностей: 5.9. Филология, 5.3. Психология. Правила оформления – <https://donnu.ru/vestnikD/rules>. Статьи в 1 выпуск Вестника за 2025 принимаются до 20 января 2025 года.

Для участия в семинаре необходимо до **1 ноября 2024 г.** выслать на адрес terkulov@gambler.ru заявку, оформленную следующим образом:

Заявка
на участие в IX Международном научном семинаре
«Лингвистическое регионоведение»
8 ноября 2024 года,
Донецк, Донецкий государственный университет

Фамилия, имя, отчество

Для преподавателей

Место работы,

Должность

Ученая степень (если есть)

Ученое звание (если есть)

Для студентов и аспирантов

Место учебы, специальность

Курс

Научный руководитель

Название доклада

Домашний адрес с указанием почтового индекса

Телефон, E-mail

ПРАВИЛА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСИ И ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ

Рукопись, набранная в формате Word, должна быть отправлена по электронной почте на адрес редколлегии журнала: editorial-vpl@yandex.ru. Название файла должно выглядеть следующим образом: Фамилия И.О._Статья. Текст должен быть хорошо вычитан. Рукописи, содержащие ошибки и опечатки, к рецензированию и публикации не принимаются.

К рукописи, направляемой в редакцию, необходимо приложить сведения об авторах: ученая степень, ученое звание, должность и место работы, а также контактный телефон, электронный и почтовый адреса автора (авторов), код ORCID (авторам, у которых пока такого кода нет, рекомендуется его получить, зарегистрировавшись в ORCID: <http://orcid.org/>). Для статей, написанных в соавторстве, необходимо указать автора, с которым будет вестись переписка при рассмотрении рукописи редакцией. Название файла должно выглядеть следующим образом: Фамилия И.О._Сведения об авторе.

Все вопросы, связанные с изменением и уточнением текста в ходе редакторской правки, должны решаться автором (авторами) в строго определенные редколлегией сроки, диктуемые планом издательства. Нарушение сроков ведет к отказу редакции допускать рукопись к опубликованию. Рабочие контакты с авторами осуществляются преимущественно посредством электронной почты, поскольку в редакции нет постоянного дежурства для приема телефонных звонков.

Авторы, предоставляющие рукописи в редакцию журнала «Вопросы психолингвистики», должны следовать Публикационной этике журнала (см. раздел Ответственность авторов). Рукописи, направленные в наш журнал для публикации, проходят обязательную проверку на плагиат текста через систему «Антиплагиат. Эксперт». При выявлении неправомерных заимствований, а также при низком коэффициенте оригинальности текста (<85%) рукопись отклоняется от публикации.

Обзоры и другие статьи, по объективным причинам требующие наличия большего количества цитирований, рассматриваются редакцией в индивидуальном порядке. Приветствуется самостоятельная проверка оригинальности текста в системе «Антиплагиат. Эксперт» с предоставлением справки (в электронном формате) о результатах проверки текстового документа на наличие заимствований.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ

Все рукописи, поступающие в журнал, в обязательном порядке проходят процесс рецензирования.

Рукопись может быть отклонена редактором на этапе, предшествующем рецензированию, если для этого имеется веская причина (тематика статьи не соответствует тематике журнала; рассматриваемая статья очевидно низкого научного качества или содержит большое количество ошибок и опечаток; в представленных материалах выявлено принципиальное противоречие этическим принципам, которых должны придерживаться авторы (см. Публикационная этика журнала, раздел Ответственность авторов).

Все поступающие рукописи, не отклоненные по вышеизложенным причинам на первом этапе рассмотрения, направляются по профилю научного исследования на рецензию одному из членов Редакционного совета или независимому эксперту по рекомендации члена Редакционной коллегии. К рецензированию не привлекаются специалисты, работающие в том же научно-исследовательском учреждении или высшем учебном заведении, где выполнена работа. В редакции принято одностороннее «слепое» рецензирование – редакторы не раскрывают авторам фамилии рецензентов. Нарушение конфиденциальности возможно только в случае заявления рецензента о недостоверности или фальсификации материалов, изложенных в статье.

Средний срок рецензирования составляет 2 месяца, в зависимости от загруженности экспертов. По итогам рассмотрения рукописи рецензент дает обоснованные рекомендации о возможности публикации статьи:

- 1 - Принять без изменений.
- 2 - Принять после внесения незначительных изменений в соответствии с комментариями рецензента (повторная рецензия не требуется).
- 3 - Принять после внесения существенных изменений в соответствии с комментариями рецензента (требуется повторная рецензия).
- 4 - Отклонить. Комментарии, содержащиеся в рецензии, свидетельствуют о низком уровне статьи и невозможности ее доработки до приемлемого уровня.
- 5 - Отклонить. Статья не соответствует профилю журнала. Может быть рекомендована для публикации в научном издании другого профиля/другой тематики.

Результаты рецензирования направляются автору по электронной почте по адресу, указанному в статье, если иной не оговорен самим автором.

Если в рецензии на статью имеется указание на необходимость ее исправления, то статью направляют автору на доработку. В этом случае датой поступления в редакцию считается дата возвращения доработанной статьи. Доработка статьи не должна занимать более 2 месяцев с момента отправки электронного сообщения авторам о необходимости внесения изменений.

В случае несогласия с выводами рецензента автор статьи имеет право предоставить аргументированный ответ в редакцию журнала. Статья может быть направлена на повторное рецензирование либо на согласование в редакционную коллегию. В случае отказа авторов от доработки материалов им следует в письменной или устной форме уведомить редакцию об отзыве статьи с рассмотрения.

Решение о целесообразности публикации после рецензирования принимается главным редактором, а при необходимости – редколлекгией в целом.

В случае положительного заключения главный редактор журнала определяет очередность публикаций в зависимости от тематики номеров журнала. После принятия редколлекгией журнала решения о допуске статьи к публикации редакция информирует об этом автора и указывает сроки публикации.

Научный журнал теоретических и прикладных исследований.
Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук ВАК.
Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).
Индексируется в КиберЛенинка, Google Scholar, ERIH PLUS.

Издается с 2003 года. Журнал выходит 4 раза в год.
Перепечатка материалов из журнала допускается только по согласованию с редакцией.

Регистрационный ПИ № ФС 77-38423
ISSN 2077-5911 (print), ISSN 2658-6908 (online)
DOI: 10.30982/2077-5911

Подписной индекс 37152 «Объединенный каталог. Пресса России. Газеты и журналы»; www.pressa-rf.ru, www.akc.ru

Адрес редакции: 129075, Москва, ул. Новомосковская 15А стр. 1
119991, Москва, Ленинские горы, ГСП-1, МГУ имени М. В. Ломоносова, 1-й корпус гуманитарных факультетов (1-й ГУМ)

© Московский государственный университет, 2024
© ОЧУ ВО «Московская международная академия», 2024
© Авторы, 2024

The journal is included with the peer-reviewed scientific publications. It is approved for publication of the research results of doctoral and habilitation theses by the Higher Attestation Committee (VAK).

The journal is indexed in the Russian Science Citation Index (RSCI), E-library, CiberLeninka, Google Scholar, ERIH PLUS.

4 issues per year.

The journal has been published since 2003.

All rights reserved.

The materials of the journal may not be translated or copied in whole or in part without the written permission of the publisher, except for brief excerpts in connection with reviews or scholarly analysis.

Registration number № ФС 77-38423
ISSN 2077-5911 (print), 2658-6908 (online)
DOI: 10.30982/2077-5911

Moscow, 2024
© Lomonosov State University, 2024
© Moscow International Academy, 2024
© Authors, 2024

Подписано в печать 28.09.2024. Формат 70x100/16. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 9,3. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии «Канцлер», г. Ярославль, e-mail: kancler2007@yandex.ru